ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ научного журнала «ВЕСТНИК БИСТ» (Башкирского института социальных технологий)

Главный редактор -

Нигматуллина Танзиля Алтафовна

Заместитель главного редактора -

Сулейманова Альмира Камиловна

Ответственный редактор -

Черкесова Наталья Николаевна

Редакционная коллегия серии «Общественные науки»:

Научный редактор -

Верещагин Александр Сергеевич, д.и.н., профессор

Члены редакционной коллегии:

Гибадуллин Рафаиль Вагитович -

д.соц.н., профессор

Матвеева Любовь Дмитриевна -

д.и.н., профессор

Черкесова Наталья Николаевна -

к.и.н., доцент

Токарева Гузель Фарисовна – к.соц.н.,

доцент

Учредитель:

Академия труда и социальных отношений

Научный журнал

Издаётся с 2009 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, Проспект Октября 74/2 e-mail: vestnikBIST@mail.ru

На нашем знамени должно быть начертано: «Человек, развитие, справедливость»

Шулус А.А.

Уважаемые коллеги!

Сердечно поздравляю вас с выходом в свет первого номера научного журнала «Вестник БИСТ»! Его выпуск является важной вехой в поступательном развитии Башкирского института социальных технологий, свидетельством творческого и научного потенциалов профессорско-преподавательского состава филиала АТиСО.

Современная динамичная, быстроизменяющаяся жизнь требует от специалиста в сфере социально-трудовых отношений постоянного совершенствования знаний в области социальной политики государства, социально ответственного экономического сектора и юриспруденции, а также осознания активной роли профсоюзов в системе социального партнерства. «Вестник БИСТ» призван оказывать методическую и практическую поддержку специалистам, консолидировать сообщество ученых на основе принципов научности и профессионализма, способствовать формированию и развитию наиболее перспективных направлений исследовательской деятельности в регионе.

От всей души желаю «Вестнику БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» долгой и плодотворной жизни, творческих устремлений, профессиональных удач и блистательного их воплощения на страницах издания!

Ректор Академии труда и социальных отношений Шулус Алексей Апполинарьевич

Уважаемые читатели!

Перед Вами первый номер журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)», учредителем которого является Академия труда и социальных отношений.

Этот номер посвящен 90-летию нашего головного вуза — уникального образовательного учреждения, в котором, сочетая лучшие традиции профсоюзного вуза с инновационными технологиями, студентов обучают искусству управления современной экономикой, ориентированной на человека.

«Вестник БИСТ» задуман как научнометодический журнал современного типа, публикующий материалы по вопросам методологии, истории, теории и методики различных областей знаний. Мы не ограничиваем круг специалистов, которые могут стать нашими авторами, так как считаем, что наука едина.

С выходом журнала в свет связываем надежды на более тесное и плодотворное сотрудничество социологов, историков, экономистов, политологов, юристов, философов и культурологов всех. кто активно ведет научноисследовательскую деятельность и готов обсуждать актуальные вопросы современности дискуссионной рамках трибуны журнала.

Ha страницах «Вестника БИСТ» планируется публикация научных статей, монографии, обзоров рецензий на научных событий (конференций, круглых СТОЛОВ семинаров), материалов характера, новостной методического ленты и прочее.

Мы приглашаем к сотрудничеству исследовательские институты, ведущие научные коллективы, образовательные учреждения Республики Башкортостан и России, молодых ученых, аспирантов, соискателей и студентов. Совместное обсуждение актуальных проблем науки будет способствовать не только поступательному развитию, но и оптимизирует современную парадигму высшего образования, ориентированную подготовку конкурентоспособного на специалиста.

Главный редактор «Вестника БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» Нигматуллина Танзиля Алтафовна

Оглавление

Проблемы устойчивого развития	7
Шулус А.А. О соотношении социальной справедливости и экономической эффективности в современной России	0
Трибуна ученого2	0
Орланов Г.Б. Социальные ценности как факторы государственного управления образовательным процессом 3 Баязитова С.А. Гендерный подход в социологии: эволюция теории и практика 4 применения 4 Егорышев С.В. Пути создания механизма взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества и населением по обеспечению общественной безопасности 4	1
Локальная история (к Аксаковским чтениям)5	5
Роднов М.И. Роль среднего и мелкого бизнеса в хлебной торговле уфимской губернии на рубеже XIX-XX вв	
Российская цивилизация7	3
Кинева Т.С . Трансформация идейного ядра евразийства (от «классической» к неоевразийской интерпретации)	
Научная жизнь	9
Международная научно-практическая конференция «Креативное образование – потребность современного рынка труда»8	9
Критика и библиография9	4
М.И. Роднов. Судьба редактора. Историко-документальная повесть9	4
Contents & Summaries9	6
Внимание! Конкурс!	0
Aptonam 103	

Contents

PROBLEMS OF	SUSTAINABLE	DEVELOPMENT
-------------	-------------	-------------

Mamedov A.K., Fedoseev V.V. On The System Of Resumptive Indexes Of The Level Of The Living Standard Of The Population, Differentiation Of Income And Social Tension		Russia About Correlation Of Social Justice And Economic Efficiency In Modern
Nigmatullina T.A. Social Audit And Social Monitoring As Technologies Of Business Image Growth		Of The Living Standard Of The Population, Differentiation Of Income And Social
THE SCIENTIST'S TRIBUNE Orlanov G.B. Social Values As The Factors Of The State Management Of Educational Process Bayazitova S.A. The Gender Approach In Sociology: Evolution Of Theory And Practice Of Application Egoryshev S.V. Ways Of The Creation Of Interaction Mechanism Of Home Affairs With Institutions Of Civil Society And Population For Ensuring Security LOCAL HISTORY (TO AKSAKOV READING) Rodnov M.I. The role of average and small business in bread trade of Ufa region in XIX-XX c Vereschagin A.S. Social And Economic Policy During The Civil War (Interpretations Of Home Historiography) RUSSIAN CIVILISATION Kineva S.S. The Transformation Of The Main Ideas Of The Eurasiation (From The "Classical Interpretation" To The Neweurasian One)		Meshkov V.R. Social Audit In The System Of Social Management
Orlanov G.B. Social Values As The Factors Of The State Management Of Educational Process		
al Process	THE SC	IENTIST'S TRIBUNE
Egoryshev S.V. Ways Of The Creation Of Interaction Mechanism Of Home Affairs With Institutions Of Civil Society And Population For Ensuring Security LOCAL HISTORY (TO AKSAKOV READING) Rodnov M.I. The role of average and small business in bread trade of Ufa region in XIX-XX c		
With Institutions Of Civil Society And Population For Ensuring Security LOCAL HISTORY (TO AKSAKOV READING) Rodnov M.I. The role of average and small business in bread trade of Ufa region in XIX-XX c Vereschagin A.S. Social And Economic Policy During The Civil War (Interpretations Of Home Historiography) RUSSIAN CIVILISATION Kineva S.S. The Transformation Of The Main Ideas Of The Eurasiation (From The "Classical Interpretation" To The Neweurasian One) Timergalina A.B. Social In The Theory And Practice Of Dissident Movement SCIENTIFIC LIFE International scientific and practical conference "Creative education – the need of the modern labor market"		
Rodnov M.I. The role of average and small business in bread trade of Ufa region in XIX-XX c. Vereschagin A.S. Social And Economic Policy During The Civil War (Interpretations Of Home Historiography)		
Vereschagin A.S. Social And Economic Policy During The Civil War (Interpretations Of Home Historiography)	LOCAL	HISTORY (TO AKSAKOV READING)
RUSSIAN CIVILISATION Kineva S.S. The Transformation Of The Main Ideas Of The Eurasiation (From The "Classical Interpretation" To The Neweurasian One) Timergalina A.B. Social In The Theory And Practice Of Dissident Movement SCIENTIFIC LIFE International scientific and practical conference "Creative education – the need of the modern labor market"		
Kineva S.S. The Transformation Of The Main Ideas Of The Eurasiation (From The "Classical Interpretation" To The Neweurasian One) Timergalina A.B. Social In The Theory And Practice Of Dissident Movement SCIENTIFIC LIFE International scientific and practical conference "Creative education – the need of the modern labor market"		,
"Classical Interpretation" To The Neweurasian One) Timergalina A.B. Social In The Theory And Practice Of Dissident Movement SCIENTIFIC LIFE International scientific and practical conference "Creative education – the need of the modern labor market" CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY M.I. Rodnov. The Destiny of an Editor. Historic and documentary story. Ufa: "Dis-	RUSSIA	AN CIVILISATION
SCIENTIFIC LIFE International scientific and practical conference "Creative education – the need of the modern labor market" CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY M.I. Rodnov. The Destiny of an Editor. Historic and documentary story. Ufa: "Dis-		
International scientific and practical conference "Creative education – the need of the modern labor market" CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY M.I. Rodnov. The Destiny of an Editor. Historic and documentary story. Ufa: "Dis-		Timergalina A.B. Social In The Theory And Practice Of Dissident Movement
the modern labor market" CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY M.I. Rodnov. The Destiny of an Editor. Historic and documentary story. Ufa: "Dis-	SCIENT	TIFIC LIFE
M.I. Rodnov. The Destiny of an Editor. Historic and documentary story. Ufa: "Dis-		
	CRITIC	SM AND BIBLIOGRAPHY
ignPolygrapnService" Lta Publisning, 2009. 92p		M.I. Rodnov. The Destiny of an Editor. Historic and documentary story. Ufa: "DisignPolygraphService" Ltd Publishing, 2009. 92p
CONTENTS & SUMMARIES	CONTE	NTS & SUMMARIES

Проблемы устойчивого развития

Шулус Алексей Апполинарьевич

доктор экономических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук Российской Федерации и Российской академии социальных наук, ректор Академии труда и социальных отношений

О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается возможность построения модели экономического развития, которая в условиях кризиса обеспечит общественное развитие на принципах социальной справедливости и экономической эффективности в рамках правового государства. Автор предлагает читателю новый метод расчета ВВП, разработанный учеными Академии труда и социальных отношений. Использование этого метода позволит сохранить баланс между социальной справедливостью и экономической эффективностью.

Ключевые слова: социальная справедливость, социоэкономика, экономическая эффективность, человеческий капитал.

Разразившийся мировой финансовый кризис заставляет нас задуматься о построении такой модели экономического развития, которая будет обеспечивать общественное развитие на основе баланса реализации интересов различных социальных групп. В условиях кризиса нельзя допустить отступления от принципа справедливости, провозглашенного Президентом Российской Федерации в качестве основополагающего для нашего общества.

Согласно общепринятой точке зрения, социальная справедливость считается атрибутом социализма и сопрягается с соразмерностью трудового вклада и вознаграждения. В условиях рыночной экономики предприниматель выступает за экономическую эффективность, главным показателем которой является максимизация прибыли.

Принципиальная позиция ученых Академии труда и социальных отношений заключается в том, что нужно искать такие точки экономического развития, когда обеспечивается взаимосвязь социальной справедливости и экономической эффективности в рамках государства. Это означает, что экономически эффективное решение должно быть социально справедливым и, наоборот, социально справедливое решение должно быть экономически эффективным.

Думается, что данное совпадение происходит только при строго определенных пропорциях распределения произведенного продукта.

Официальная статистика, к сожалению, не показывает, сколько в общественном продукте корпорации, региона приходится на труд, капитал или само государство. Нам нужна не «невидимая рука рынка» Адама Смита, а видимая рука государства, профсоюзов, социально ответственного бизнеса, которые будут знать, какие пропорции надо устанавливать на уровне отрасли, региона, предприятия и народного хозяйства.

Валовой внутренний продукт (далее ВВП) — это стоимость товаров и услуг, произведенных в стране за год и предназначенных для конечного потребле-

ния, накопления и экспорта. Существует три главных метода подсчета ВВП. Первый — производственный (по добавленной стоимости), показывающий вклад отдельных отраслей. Второй — по расходам, который суммирует вместе траты как богатых, так и бедных. Третий — по доходам, не позволяющий выявить роль государства и расходы на социальные программы.

Академия труда и социальных отношений предлагает свой метод расчета ВВП, в основе которого лежит измерение распределения ВВП по главным экономическим субъектам. Он показывает направление оптимизации распределения ВВП в условиях существенной имущественной дифференциации российского общества с целью нахождения баланса между социальной справедливостью и экономической эффективностью.

Главными экономическими субъектами являются: совокупные материальные затраты (в частности, амортизация, новые инвестиции, прочие материальные затраты); оплата труда; социальные расходы (на будущих, действующих и бывших работников, на инвалидов по рождению, не попадающих ни в одну из этих трех групп); прочие государственные расходы (кроме госинвестиций, оплаты труда бюджетников, социальных расходов); чистый финансовый результат (совокупный чистый доход всех собственников за вычетом налогов, расходов на оплату труда, социальные программы, инвестиции).

Например, почему бизнес поддерживает заемный труд и привлекает мигрантов? Ответ очень простой. Предприниматели экономят на оплате труда, социальных расходах, тем самым увеличивая чистый финансовый результат.

Если составить отношение каждого экономического субъекта к ВВП, то можно вывести следующие показатели. Первая пропорция — совокупные материальные затраты к ВВП — отражает

степень заботы собственника о развитии производства. Вторая – оплата труда к ВВП – показывает степень ответственности собственника перед человеком труда. Третья - социальные расходы к ВВП – есть степень социальности общества. Четвертая – сложенные вместе оплата труда и социальные расходы к ВВП - демонстрирует характер воспроизводства человеческого капитала (суженный, расширенный или простой). Пятая – прочие государственные расходы к ВВП – фиксирует степень автаркии государства в том смысле, в каком его интересы направлены на него самого. Шестая – чистый финансовый результат к ВВП – выявляет степень реализации собственником своего интереса.

В результате косвенных и прямых расчетов на основе данных Росстата были получены следующие цифры.

Итак, совокупные материальные затраты к ВВП в России составляют 20%, а в развитых странах — 25%. На первый взгляд близкие, похожие величины. Парадокс заключается в том, что в наших совокупных материальных расходах очень велика доля материалов, а за рубежом — инновационных инвестиций. Например, из тонны нефти в России делают 240 литров бензина, а в Америке — 480 литров, что является результатом применения инновационных технологий.

В России оплата труда к ВВП равняется 25%. На Западе она в 2-2,5 раза выше. Причина такого расхождения заключается в том, что наши предприниматели не хотят делиться чистым финансовым результатом, обвиняя работников в низкой производительности труда. Однако следует привести занимательный факт: на рубль зарплаты россиянин производит в 2-3 раза больше продукции, чем за рубежом, т. е. у нас зарплатоемкость единицы конечной продукции в 2-3 раза ниже, чем на Западе.

Степень социальности российского общества составляет примерно 20-21%.

В развитых странах при несколько больших нормативах в разы отличаются абсолютные затраты на душу населения. Например, расходы на образование в России — 2-3% от ВВП, в США — 4-5%. При этом следует учесть, что ВВП у нас разные. Мы тратим 1 рубль, а в Америке — 20 рублей.

Оплата труда совместно с социальными расходами к ВВП в России составляет примерно 45%, на Западе — 65%.

Прочие государственные расходы в России и за рубежом вполне сопоставимы – 10-11%.

Чистый финансовый результат совокупного собственника в масштабах всей страны в России составляет 25% ВВП. В развитых странах — 5-7%. Полученный в России чистый финансовый результат в размере 8,3 млрд. рублей, или 320 млрд. долларов, распределяется между государством как собственником, иностранными инвесторами, олигархами, крупным, средним и мелким бизнесом. Неудивительно, почему так быстро растет число российских миллионеров в списке журнала «Форбс».

В свете вышеизложенного следует по-другому взглянуть на прибыль. Прибыль в условиях финансового кризиса — это не просто превышение дохода над расходом. Полагаем, что прибыль социально ответственного бизнеса должна выступать в качестве общественного социального бонуса за предпринима-

тельский риск при условии выполнения собственником инвестиционных, трудовых, социальных, экологических и государственных обязательств.

Таким образом, социоэкономика, выступающая в качестве научной школы Академии труда и социальных отношений, позволяет осуществить социоэкономическое прочтение и федерального бюджета, и отчетов корпораций, что поможет связать между собой такие понятия, как социальная справедливость и экономическая эффективность.

Справедливость — это соразмерность трудового вклада и вознаграждения за труд.

Что же следует делать в условиях несправедливого распределения ВВП, которое представляет угрозу национальной безопасности Российской Федерации?

Полагаем, что, используя социэкономику, во-первых, необходимо добиваться устойчивого расширенного воспроизводства человека труда, которое гарантирует социальную безопасность. Во-вторых, следует развивать социальный аудит как технологию оценки всех этих процессов. В-третьих, необходимо бороться за социальное государство как наиболее адекватную политическую цель реализации всех этих принципов.

Мамедов Агамали Куламович

доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе Академии труда и социальных отношений

Федосеев Владилен Валентинович

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономических дисциплин филиала Российского государственного социального университета в г. Люберцы

О СИСТЕМЕ ОБОБЩАЮЩИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ, ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ И СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ

В статье предлагается авторский подход к созданию Системы показателей уровня жизни. Разрабатываются принципы расчета индекса развития человеческого потенциала, индекса ожидаемой продолжительности жизни, индекса уровня образования населения и индекса реального ВВП на душу населения. Анализируется зарубежный опыт проведения подобных расчетов. Предлагаются пути совершенствования системы обобщающих показателей уровня жизни, обосновывается необходимость снижения уровня дифференциации доходов населения.

Ключевые слова: уровень жизни населения, социальная напряжённость, дифференциация доходов населения, социальное неравенство в распределении доходов.

Уровень жизни - это уровень благосостояния населения, степень удовлетворения основных жизненных потребностей людей. Этот термин всё чаще заменяет такие понятия, как «народное благосостояние», «качество жизни» и другие. Возросшее внимание к проблемам уровня жизни населения объясняется объективным процессом социализации экономики России. В этой связи характерен заголовок статьи в «Литературной газете», посвященной выдвижению Д.А. Медведева кандидатом на пост президента России: «Социально ориентированный кандидат». Теперь, когда уже известны результаты выборов президента нашей страны, одной из наиболее значимых становится проблема движения России в направлении построения социального государства. Это движение требует разработки и внедрения российской модели социального аудита, концепция которой принята в мае прошлого года [1]. Очевидно, что

проведение регулярного социального аудита невозможно без построения целостной системы обобщающих показателей (индикаторов), отражающих уровень жизни населения и связанные с ним стороны общественной жизни. Эта система количественных индикаторов должна отражать достигнутые результаты на пути к социальному государству как всей страны в целом, так и её отдельных регионов, а также должна обеспечить сравнительную сопоставимость этих результатов с соответствующими данными по другим странам на основе показателей, принятых в международной статистической практике. Один из подходов к созданию такой системы предлагается в данной статье, при этом сначала рассматриваются обобщающие показатели уровня жизни и дифференциации доходов населения, а затем на их основе вводятся индикаторы социальной напряжённости.

1. Обобщающие показатели уровня жизни населения. Объективное исследование уровня жизни невозможно без обоснованной системы соответствующих статистических показателей. Разработанный в 1992г. Центром экономической конъюнктуры и прогнозирования при Министерстве экономики РФ документ «Основные показатели уровня жизни населения в условиях рыночной экономики» состоит из 7 разделов, включающих в себя 40 показателей, из которых 12 включены в Систему показателей для оценки хода экономической реформы в раздел «Социальная сфера, жизненный уровень населения». Аналогичные системы показателей разработаны в других странах. В 1978г. ООН была разработана Система показателей уровня жизни, включающая 12 групп показателей [2].

Любую систему показателей должен завершать обобщающий (интегральный) показатель для обеспечения методологической целостности всех частных показателей и однозначной оценки исследуемого процесса. В области оценки уровня жизни в настоящее время таким наиболее распространённым в международной практике обобщающим показателем является разработанный экспертами Программы развития ООН индекс развития человеческого потенциала **(ИРЧП)**. Этот индикатор служит целям международной сопоставимости уровня жизни в разных странах и рассчитывается как простая средняя из трёх показателей: а) индекс ожидаемой продолжительности жизни (I_{x1}) ; б) индекс уровня образования населения (I_{x2}) ; в) индекс реального ВВП на душу населения (I_{x3}):

$$UP\Psi\Pi = (I_{x1} + I_{x2} + I_{x3})/3$$
 (1).

При расчёте каждого из трёх индексов используются международные фиксированные стандарты минимального и максимального значений рассматриваемых показателей, которые сопоставляются с

фактическими значениями их по данной стране:

$I_{Xi} = (\phi a \kappa m xi - min xi) / (max xi - min xi)$ (2).

Рассмотрим порядок расчёта каждого из указанных индексов, при этом все данные отнесены к началу 2005г.

Для расчёта индекса ожидаемой продолжительности жизни в качестве минимального и максимального уровней приняты значения 25 и 85 лет соответственно. В России фактическое значение данного показателя в указанный период составляло 65,3 года (для мужчин 58,9, для женщин 72,4), следовательно, рассматриваемый индекс для нашей страны равен I_{x1} = (65,3-25) / (85-25) = 0,67. Для сравнения, в Японии индекс ожидаемой продолжительности жизни равен 0,95; в Норвегии - 0,91; в США - 0,88; в Китае -0,78; в Турции – 0,73; на Украине – 0,69; в Эстонии – 0,78. Таким образом, разброс значений данного индикатора весьма значителен (дисперсия существенна), при этом наша страна по этому показателю занимает одно из последних мест среди развитых стран.

Индекс уровня образования населения рассчитывается как комбинированный показатель, включающий индекс грамотности взрослого населения и индекс совокупной доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образование. Международные стандарты при расчёте данного индекса составляют min x2=0% и $max \ x2 = 100\%$. Для России фактическое значение равно ϕ акти x2 =96%, таким образом, индекс уровня образования для нашей страны равен I_{x2} = (96 - 0) / (100 - 0) = 0,96. Для сравнения, этот индекс для Японии составляет 0,95; для Норвегии – 0,99; для США – 0,97; для Китая - 0,84; для Турции - 0,82; для Украины – 0,95; для Эстонии – 0,97. Отсюда следует, что по уровню образования населения рассматриваемые страны различаются между собой менее значительно, чем по продолжительности жизни (дисперсия мала).

При расчёте индекса ВВП на душу населения в качестве минимального и максимального значений были приняты значения 100 и 5500 долларов США. По официальной статистике, фактическое значение объёма ВВП на душу населения в России в 2004г. составило 4200 долларов США, следовательно, для нашей страны данный индекс равен $I_{x3} = (4200 - 100) /$ (5500 - 100) = 0,76. Для сравнения, индекс ВВП на душу населения в Японии составляет 0,94; в Норвегии – 0,99; в США – 0,99; в Китае – 0,65; в Турции – 0,70; на Украине - 0,67; в Эстонии - 0,82, то есть дисперсия существенна. Следует заметить, что в настоящее время при расчёте индекса I_{x3} в качестве минимального и максимального значений ВВП на душу населения приняты 100 и 40000 долларов США, при этом при расчёте берутся не сами значения, а их логарифмы; это отражает тот факт, что для достижения достойного уровня жизни не требуется неограниченного дохода.

Имея значения индексов I_{x1} , I_{x2} , I_{x3} , можно по формуле (1) найти значение индекса развития человеческого потен*циала*. Для России он равен: **ИРЧП** = (0,67 + 0.96 + 0.76) / 3 = 0.797. Для сравнения, этот индекс для Японии составляет 0,943; для Норвегии – 0,963; для США – 0,944; для Китая – 0,755; для Турции – 0,750; для Украины – 0,766; для Эстонии – 0,853. Это свидетельствует о высоком уровне поляризации стран по уровню жизни, хотя здесь и не приведены данные по слабо развитым странам. Из 177 стран эксперты ООН отнесли к группе стран с высоким уровнем человеческого развития (ИРЧП > 0,800) 63 страны; со средним (**ИРЧП** от 0,500 до 0,800) - 83 страны; с низким (**ИРЧП** < 0,500) - 31 страну. Отсюда следует, что Россия отнесена к группе стран со средним уровнем человеческого развития. В рейтинге стран по значению обобщающего показателя *ИРЧП* Россия занимает 62-е место. Для сравнения,

Япония занимает 11-е место, Норвегия — 1-е, США — 10-е, Китай — 85-е, Турция — 94-е, Украина — 78-е, Эстония — 38-е.

Из сказанного выше можно сделать ряд выводов и предложений по направлениям совершенствования данной системы индикаторов уровня жизни. В методике ООН при расчёте ИРЧП все три входящих в него индикатора берутся с равными весами, в то время как очевидно различие в степени влияния этих показателей на обобщающую характеристику уровня жизни; об этом свидетельствует и различие в величине дисперсий индексов I_{x1} , I_{x2} , I_{x3} . По мнению авторов, более обоснованно выглядит оценка уровня жизни на основе расчёта *ИРЧП* как средней взвешенной трёх указанных индексов, при этом большее значение веса надо брать для индекса реального ВВП на душу населения, а меньшее – для индекса уровня образования. Возьмём, например, для индексов ВВП, продолжительности жизни и уровня образования значения весов 1,3; 1,0 и 0,7 соответственно. Тогда расчёты по формуле средней взвешенной для России дадут значение ИРЧП = 0,776, что заметно ниже соответствующего значения по методике ООН (0,797). Аналогичные расчёты дают, например, для Норвегии значение 0,963 (было 0,963), для Японии – 0,945 (было 0,943), а для Украины – 0,742 (было 0,766). Эти расчёты показывают, что для стран с высоким уровнем жизни переход на среднюю взвешенную практически не меняет значения *ИРЧП*, в то время как для стран со средним и низким жизненным уровнем этот переход даёт заметно более низкие значения индекса ИРЧП. По мнению авторов, это даёт более объективную сравнительную оценку уровней жизни в разных странах. Следует отметить, что значения весов для трёх составляющих индексов (1,0; 0,7; 1,3) взяты в данной работе для примера. Более обоснованный выбор значений этих весов требует дополнительных исследований, например, на основе метода экспертных оценок.

В целях дальнейшего совершенствования системы обобщающих показателей уровня жизни авторы полагают необходимым включать в показатель типа *ИРЧП*, кроме индексов продолжительности жизни, уровня образования и ВВП на душу населения, также другие индексы, характеризующие важные составляющие жизненного уровня, в первую очередь, обеспеченность жильём. В качестве иллюстрации сказанному рассмотрим показатель уровня обеспеченности жильём в расчёте на одного человека (обозначим его **х4**) как отношение общей площади наличного жилого фонда к среднегодовой численности постоянного населения. Международные стандарты предполагают размер общей площади в расчёте на одного проживающего не менее 30 кв. м. В большинстве индустриально развитых стран минимальный уровень обеспеченности жильём составляет 40-50 кв. м. Российские стандарты обеспеченности жильём намного ниже международных. Так, Федеральный стандарт социальной нормы площади жилья на одного члена семьи из трёх и более человек составляет 18 кв. м.

Введём индекс обеспеченности жильём I_{x4} , рассчитываемый по формуле (2), при этом будем полагать, что минимальное и максимальное значения величины x4 составляют соответственно 10 и 70 кв. м. Тогда для условий России $I_{x4} = (18-10) / (70-10) = 0,133$. Если для промышленно развитых стран в качестве фактического значения взять ϕ акт x4 = 45 кв. м., то для них этот индекс будет равен $I_{x4} = (45-10) / (70-10) = 0,583$, то есть будет превышать соответствующее значение для России более чем в 4 раза.

Включение индекса обеспеченности жильём в обобщающий показатель уровня жизни (назовём его модифицированным ИРЧП) ещё более резко отразит различие в уровнях жизни населения в разных странах. При расчёте этого индикатора по формуле простой средней:

$$MP4\Pi_{MOO} = (I_{x1} + I_{x2} + I_{x3} + I_{x4})/4$$
 (3)

для России получим значение *ИРЧП_{мод}* = (0,670 + 0,960 + 0,760 + 0,133) / 4 = 0,631.Для сравнения, если принять в условиях Норвегии значение индекса обеспеченности жильём I_{x4} , равное рассчитанному выше для индустриально развитых стран, то для этой страны модифицированный ИРЧП будет равен **ИРЧП**мод = (0,910 + 0,990 + 0,990 + 0,583) / 4 = 0,868. Таким образом, если **ИРЧП** Норвегии по методике ООН превышал ИРЧП России на 0,963 – 0,797 = 0,166 (на 166 пунктов), то по ИР- $4\Pi_{mod}$ это превышение составит 0,868 – 0,631 = 0,237 (на 237 пунктов). По нашему мнению, это более объективно отражает различие в уровнях жизни населения в этих странах.

Включение в обобщающие показатели жизненного уровня других базовых характеристик уровня жизни (состояние здоровья и существующий уровень здравоохранения, потребительский спрос на различные группы товаров и услуг и др.), разработка обоснованной системы весов этих характеристик для расчёта обобщающих показателей помогут создать более объективную и универсальную систему индикаторов, которую можно будет использовать как для оценки и сопоставления уровня жизни людей в России и других странах, так и для сравнительного анализа жизненного уровня в различных регионах нашей страны. В этом авторы видят одно из направлений работ по совершенствованию системы показателей уровня жизни населения.

2. Обобщающие показатели дифференциации доходов населения.

Одной из основных проблем современного развития России является резкая социально-имущественная дифференциация населения страны по доходам, приводящая к социально-экономическому неравенству и расслоению семей по уровню жизни. В условиях централизованной экономики и широкого распространения принципа эгалитаризма (уравнительности) проблемы дифференциации и экономического неравенства не

были так резко обострены, как в настоящий период. Рассмотрим некоторые методы математического и статистического анализа этой, пожалуй, одной из самых главных проблем развития России на современном этапе.

Распределение общего объема денежных доходов по различным (например, 10- или 20-процентным) группам населения выражается через доли общего объема денежных доходов, приходящиеся на каждую из таких групп. Такое распределение устанавливается, как правило, на основе фактических данных выборочных обследований семейных бюджетов, проводимых в органах государственной статистики. Наиболее распространенными показателями (индикаторами) этого распределения являются *де*цильный коэффициент дифференциации доходов, коэффициент фондов, коэффициенты концентрации доходов Лоренца и Джини, индекс Аткинсона, коэффициент контрастов и др. Рассмотрим более детально некоторые из перечисленных индикаторов, чаще других используемых при математико-статистическом анализе дифференциации населения по доходам.

Децильный коэффициент дифференциации доходов K_D рассчитывается по сгруппированным данным и показывает, во сколько раз минимальные доходы 10% наиболее обеспеченного населения (d_9 — девятая дециль) превышают максимальные доходы 10% наименее обеспеченного населения (d_1 — первая дециль).

$$K_D = d_9 / d_1$$
.

В качестве примера отметим, что в 2000г. в России величина децильного коэффициента дифференциации доходов составляла 5,52.

Коэффициент фондов K_F также характеризует степень социального расслоения населения по доходам и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами (S_{10})

и 10% населения с самыми низкими доходами (S_1) :

$$K_F = S_{10} / S_1$$
.

Очевидно, коэффициент фондов значительно превосходит по величине децильный коэффициент дифференциации доходов. Представление о конкретных величинах коэффициента фондов K_F и о динамике его изменения дают данные, приводимые в статистическом сборнике «Российский статистический ежегодник. 2006»: в 1992г. этот коэффициент был равен 8,0; в 2000г. - 13,9; в 2004г. - 15,0. Таким образом, в России, по официальной статистике, в 2004 году суммарный доход, приходящийся на 10% населения с самыми высокими доходами, в 15 раз превышал суммарный доход, который приходился на 10% населения с самыми низкими доходами. В ряде регионов этот показатель значительно выше. Так, по данным Москомстата, в 2007г. коэффициент фондов для Москвы достиг значения 41,0 и продолжает расти. Следует отметить, что в странах Европы предельным безопасным уровнем этого индикатора принято значение в интервале от 8 до 10.

Децильный коэффициент дифференциации доходов и коэффициент фондов основываются на информации о распределении доходов только в нижнем и верхнем 10-процентных интервалах распределения. Одним из основных показателей дифференциации, использующих всю информацию по распределению населения по доходам, является коэффициент Джини, который дает возможность численно в общем виде оценить степень социально-экономического неравенства. Этот коэффициент меняется в пределах от 0 до 1. При этом чем выше его значение, тем более неравномерно распределены доходы в обществе. Рассмотрим методы расчета коэффициента Джини более подробно.

Коэффициент концентрации доходов Джини рассчитывается на основе построения кривой Лоренца, представляющей собой кумулятивное (нарастающим

итогом) распределение численности населения и соответствующих этой численности доходов. По оси абсцисс откладывается кумулированная (накопленная) частость населения в процентах, а по оси ординат — кумулированный доход (также в процентах). Так как итоги по численности населения и доходам равны 100%, строится квадрат размером 100х100, и на этом графике откладываются результаты обследования. Полученные кривые называются кривыми Лоренца, вид которых представлен на рисунке.

Рисунок 1. Кривые Лоренца для распределения по среднедушевому доходу

Если доходы распределяются равномерно по всем группам населения, то соответствующие точки линии концентрации доходов (кривой Лоренца) будут находиться на диагонали ОА квадрата. При неравномерном распределении доходов эта линия будет иметь вид выпуклой книзу кривой. Чем неравномернее распределяются доходы, тем более выпуклой становится кривая Лоренца (кривые On_1A , On_2A и т. д.). Коэффициент Джини K_G рассчитывается как отношение площади фигуры между прямой ОА и кривой Лоренца к площади треугольника ОАВ (половины площади квадрата). Например, для кривой On_1A коэффициент Джини рассчитывается следующим образом:

$$K_{G1}=S_1/S_0,$$

где S_0 — площадь треугольника ОАВ, а S_1 — площадь фигуры Оп₁АО.

Есть несколько разновидностей аналитических формул расчета этого коэффициента [2, 3]. Расчеты по этим формулам приведены в [3] на примере фактических данных выборочного обследования 90 тыс. семейных бюджетов за 1987г. Эти расчеты дают значение коэффициента Джини, равное 0,26, что свидетельствует об относительно равномерном распределении доходов на душу населения по различным группам семей в СССР в обследуемый период. В настоящее время значение этого коэффициента для нашей страны значительно выше. В уже упоминавшемся официальном издании «Российский статистический ежегодник. 2006» приводятся следующие значения коэффициента Джини за ряд последних лет: в 1992г. – 0,289; в 2000г. – 0,395; в 2004г. – 0,407; в 2006г. – 0,409. К концу 2007г. коэффициент Джини достиг значения 0,411. Эти данные свидетельствуют о продолжающемся усилении социальноимущественной дифференциации населения России.

Заслуживает внимания тот факт, что данные выборочных бюджетных обследований населения страны, на основе которых рассчитываются индикаторы дифференциации доходов, всегда несколько смещены ввиду отсутствия в них данных по наиболее богатым слоям населения, не включённым в выборку. Это особенно характерно для России, где в выборочные обследования не попадает крайне незначительная по численности группа сверхбогатых людей (так называемых «олигархов», имена которых известны), которая по данным американского журнала «Форбс» владеет годовым доходом большим, чем все почти 40 млн. пенсионеров России. По этой причине не может быть с достаточной степенью точности оценена верхняя граница последнего интервала, что приводит к необходимости использования специальных методов и приёмов при обработке

данных выборочных обследований семейных бюджетов для получения достоверных данных по всей генеральной совокупности.

Высокий уровень имущественной дифференциации населения рассматривается как одна из основных угроз экономической безопасности страны. В связи с этим в странах с развитой рыночной экономикой уделяется большое внимание государственному регулированию, направленному на выравнивание материального положения различных доходных групп населения в рамках системы налогообложение – социальные льготы. Рациональная организация и совершенствование такой системы являются первоочередными задачами социальноэкономического развития нашей страны в предстоящие годы.

3. Обобщающие показатели соци*альной напряжённости*. Среди социальных явлений и процессов, происходящих в нашем обществе, в качестве одних из важнейших выступают явления и процессы, связанные с понятием «социальная напряжённость». Статистическая оценка социальной напряжённости в стране является одной из задач отрасли социальной статистики «Статистика политической и общественной жизни». Существующие в рамках этой отрасли статистики методы исследования социальной напряжённости сводятся, в основном, к анкетному опросу респондентов в процессе выборочного обследования с последующей обработкой результатов опроса на основе экспертных оценок. В этих анкетах наряду с данными о респондентах выявляются степень удовлетворенности их потребностей и реализации интересов, уровень притязаний на дополнительные блага, оценка деятельности государственных и общественных социальных институтов, чувства и настроения опрашиваемых, а также готовность групп населения к защите своих интересов. Обычный набор вариантов ответа на сформулированные специальным образом вопросы анкеты включает в себя следующие: безусловно,

да; скорее да; скорее нет; безусловно, нет; затрудняюсь ответить.

Обработка таких анкет позволяет обнатенденции общественно-политической активности граждан и получить оценку ими полноты осуществления своих политических и гражданских, в первую очередь - экономических, прав. Однако эти оценки носят, как правило, качественный характер и в определяющей степени зависят наряду с точностью формулировок вопросов и уровнем репрезентативности выборки, от таких субъективных факторов, как, например, настроение респондента в момент опроса, компетенция эксперта, проводящего оценку, и др. Очевидна необходимость разработки объективных количественных обобщающих показателей (индикаторов) социальной напряжённости.

В качестве примера такого рода индикаторов, используемых на практике, можно привести так называемый индикатор напряжённости, составляющими элементами которого являлись три показателя: (1) степень обеспеченности потребительскими товарами, (2) уровень преступности и (3) степень недовольства населения комплексом нерешенных социальных и экологических проблем [2]. Индикатор напряжённости рассчитывался на основе данных анкетного опроса жителей более чем 100 городов всех регионов страны как средняя взвешенная величина из частных показателей. Выводы, сделанные экспертной группой этого обследования, выглядели следующим образом: величина индикатора напряжённости от 0 до 0,4 свидетельствует о социальной стабильности; от 0,4 до 0,8 - об имеющей место социальной напряжённости; от 0,8 до 1,4 - о локальных конфликтах; от 1,4 до 2,0 – о социальных взрывах в регионе; свыше 2,0 - о массовых социальных взрывах.

Несмотря на определенную информационную ценность данного исследования, следует отметить не вполне обоснованное объединение в этом индикаторе

непосредственно экономических факторов и фактора, определяемого уровнем криминогенной обстановки в регионе. Кроме того, два из трех экономических составляющих этого индикатора тесно связаны между собой по содержательному смыслу, что значительно снижает статистическую значимость результирующего показателя (в эконометрике такое явление называется коллинеарностью). Очевидна необходимость разработки обобщающих показателей социальной напряжённости по аналогии с количественными обобщающими показателями уровня жизни и показателями дифференциации доходов населения. Ниже рассматривается один из подходов к разработке таких показателей.

Главной экономической основой социальной напряжённости в обществе является социальное неравенство в распределении доходов. Необходимо отметить, что наряду с чисто экономическими причинами роста социальной напряжённости (возьмем так называемую «монетизацию льгот») многие случаи социальных обострений, вызванных, например, межэтническими конфликтами, в своей основе содержат то же резкое размежевание различных групп населения по уровню доходов (вспомним, например, Кондопогу). По мнению авторов, разработка количественных индикаторов социальной напряжённости, вызываемой экономическими причинами, может быть основана на рассмотрении совокупности обобщающих показателей, представляющей собой логическое объединение двух групп показателей: уровня жизни и дифференциации доходов населения. Примерами обобщающих показателей первой группы могут служить индекс развития человеческого потенциала (**ИРЧП**) и его различные модификации, синтетический индекс качества жизни и т. д. [2]; в качестве примеров показателей второй группы могут выступать коэффициент фондов (K_F) , коэффициент Джини (K_G) и др. [2, 3]. В научной и учебной литературе по социально-экономической статистике обе эти группы показателей рассматриваются отдельно друг от друга как самостоятельные индикаторы различных сторон жизни общества. По мнению авторов, разработка количественных индикаторов социальной напряжённости должна быть основана на интегрировании обобщающих показателей обеих указанных групп в комбинированных показателей. Низкий уровень жизни населения сам по себе не вызывает социальной напряжённости в стране при отсутствии чрезмерной дифференциации доходов. В качестве примера можно привести такие страны, как Египет (**ИРЧП** = 0,722; K_G = 0,344), Румыния (**ИРЧП** = 0,805; K_G = 0,310), ряд других стран Европы (здесь и далее приводятся показатели за 2004г. из статистического ежегодника Росстата «Россия и страны мира. 2006»). С другой стороны, значительная дифференциация доходов не является причиной социальной напряжённости в обществе при общем высоком уровне жизни. Наиболее показательными примерами этого могут служить США (**ИРЧП** = 0,948; K_G = 0,408), Франция (**ИРЧП** = 0,942; K_G = 0,402) и ряд других промышленно развитых стран. Экономической базой социальной напряженности в стране является низкий уровень жизни в сочетании с резкой дифференциацией населения по доходам. В качестве примера можно взять ряд развивающихся стран и стран с переходной экономикой; к числу таких стран относится и Россия (ИРЧП = 0,797; $K_G = 0,409$).

Для решения указанной проблемы авторы предлагают строить обобщенные показатели социальной напряжённости в виде отношения индикаторов дифференциации доходов и индикаторов уровня жизни населения, например, ввести коэффициент социальной напряженности K_{CH} как отношение коэффициента Джини и индекса **ИРЧП**:

$$K_{CH} = K_G / UP \Psi \Pi$$
 (4).

Приведем значения этого коэффициента для стран, рассмотренных в качестве примера выше: Египет — 0,476; Румыния — 0,385; США — 0,430; Франция — 0,427. По сравнению с этими показателями величина коэффициента социальной напряжённости для России значительно выше — 0,513.

Рассмотрим связь между введенным выше коэффициентом социальной напряженности K_{CH} и индексом Аткинсона I_A , который в обобщенном смысле также является индикатором социального неравенства [2]. Индекс Аткинсона задаётся формулой:

$$I_A = 1 - (1/n\Sigma(Yi/Yc\partial)^{1-e})^{1/(1-e)}$$
 (5),

где Yi — доход i-го индивида; $Yc\partial$ — среднедушевой доход; e — параметр индекса Аткинсона; суммирование ведётся по всем наблюдениям.

Индекс I_A принимает значения от 0 до 1 и в экономическом смысле показывает цену в долях совокупного богатства, которую общество платит за неравенство при распределении доходов. Параметр $oldsymbol{e}$ индекса Аткинсона позволяет учитывать значимость для общества имеющегося неравенства в распределении доходов, и он равен 0, если общество абсолютно индифферентно к существующему неравенству, и неограниченно возрастает, если общество волнует единственная проблема - социальное неравенство. Как это следует из формулы (5), индекс Аткинсона равен 0 или в случае полного равенства доходов (Yi / Yc∂ = 1), или при полном безразличии общества к имеющемуся социальному неравенству (e = 0); он будет близок к 1, если общество обеспокоено исключительно проблемами социального неравенства и положением малообеспеченных слоев населения (т. е. когда e стремится к бесконечности).

Таким образом, параметр e в индексе Аткинсона может также служить количественным индикатором социальной напряжённости. Однако общеизвестно [2], что главной трудностью в использовании ин-

декса Аткинсона на практике является невозможность однозначно задать величину этого параметра. Автор предлагает использовать при задании параметра e формулу, связывающую этот параметр с введенным выше коэффициентом социальной напряжённости K_{CH} :

$$e = 1 / (1 - K_{CH})$$
 (6).

Если в это соотношение подставить формулу (4) для коэффициента социальной напряжённости, получим выражение, более удобное для расчетов:

$$e = \mathbf{U}P\mathbf{\Pi} / (\mathbf{U}P\mathbf{\Pi} - K_G)$$
 (7).

Из формул (6) и (7) следует, что при увеличении коэффициента K_{CH} значение параметра e будет возрастать, при этом он будет стремиться к бесконечности при стремлении коэффициента социальной напряжённости к 1, т. е. при приближении значения коэффициента Джини к значению индекса $\mathbf{ИРЧ\Pi}$.

Рассмотрим порядок расчёта введённых индикаторов социальной напряжённости на примере статистических данных за 2004 год по России и Белоруссии. Индексы развития человеческого потенциала для этих стран равны 0,797 и 0,794, то есть практически совпадают, а значения коэффициента Джини составляют 0,409 и 0,256 соответственно. Тогда коэффициент социальной напряжённости K_{CH} для России равен 0,409/0,797 = 0,513, в то время как для Белоруссии значение этого коэффициента значительно ниже и составляет 0,256/0,794 = 0,322. Соответствующее значение параметра e для России равно 0,797/(0,797 – 0,409) = 2,054, а для Белоруссии – 0,794/(0,794 - 0,256) = 1,475. Из этих расчётов следует вывод: проблемы имущественного неравенства и социальной напряжённости для России стоят значительно более остро, чем для Белоруссии.

В качестве другого примера возьмем две соседние азиатские страны: Казахстан и Киргизию. Для Казахстана (*ИРЧП* равен 0,774; коэффициент Джини равен 0,290) коэффициент K_{CH} равен 0,375, а параметр е

принимает значение 1,599. Аналогичные расчеты для Киргизии (*ИРЧП* и коэффициент Джини равны соответственно 0,705 и 0,422) дают для коэффициента K_{CH} значение 0,599, а для параметра e — значение 2,491. Выводы относительно качественной сопоставимости уровней социально-экономической напряжённости в этих соседних странах очевидны не в пользу Киргизии.

Если в порядке сравнения взять аналогичные данные за тот же период для промышленно развитых стран, например, для Канады (*ИРЧП* равен 0,950, а коэффициент Джини – 0,326), то расчёты для этой страны дают значение коэффициента социальной напряжённости 0,343, а значение параметра *е* индекса Аткинсона – 1,522. Эти значения значительно ниже соответствующих значений индикаторов социальной напряжённости для России и Киргизии и близки к аналогичным показателям по Белоруссии и Казахстану.

Предварительный анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что экономическая база для социальной напряжённости в обществе возникает при значении коэффициента Джини, превышающем половину величины индекса ИРЧП. При этом значение коэффициента социальной напряженности K_{CH} больше 0,5, а значение пара-

метра индекса Аткинсона *е* больше 2,0. Можно сделать также вывод о том, что для снижения уровня социальной напряжённости необходимо наряду с общим повышением качества жизни снижать уровень дифференциации доходов населения. Детальный анализ рассмотренных количественных индикаторов социальной напряженности и их использование для оценки уровня социальной стабильности в нашей стране в целом и по отдельным регионам являются задачами последующих исследований.

Литература

- [1] Труд и социальные отношения: Научный журнал Академии труда и социальных отношений. М., 2007. №2 (38).
- [2] Социальная статистика: Учебник / Под ред. чл.-кор. РАН Елисеевой И.И. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
- [3] Федосеев В.В. Математическое моделирование в экономике и социологии труда: методы, модели, задачи: Учеб. пособие для вузов. М., 2007.
- [4] Россия и страны мира. 2006. Стат. сб. М., 2006.
- [5] Россия и страны-члены Европейского союза. 2007. Стат. сб. М., 2007.
- [6] Российский статистический ежегодник. 2006. Стат. сб. Росстат. М., 2007.

Мешков Владимир Родионович

кандидат философских наук, директор Национального института социального аудита

СОЦИАЛЬНЫЙ АУДИТ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В современном рыночном хозяйстве возрастает роль социального фактора и человеческого капитала. Соответственно, возникает вопрос – как оценить качественный уровень системы социального управления? Академия труда и социальных отношений разработала Концепцию российской модели социального аудита – инновационную социальную технологию системы управления социоэкономическими отношениями. В статье рассматриваются роль и место социального аудита в системе социального управления. Раскрываются цели и задачи, предмет и объект социального аудита. Анализируется механизм проведения социального аудита. Предлагаются конкретные мероприятия по созданию организационно-правовой базы российской модели социального аудита.

Ключевые слова: социальный аудит, социальная безопасность, социальное партнерство, корпоративная социальная ответственность, социоэкономика.

Сложные и многогранные процессы радикальных реформ и структурных изменений в жизни современной России постоянно ставят перед отечественной наукой и системой образования непростые вопросы осмысления и интенсивного поиска по созданию и дальнейшему совершенствованию новых форм и методов системы управления социально-экономическими отношениями.

Эффективное развитие экономики требует применения оптимальных и высокопродуктивных управленческих технологий, позволяющих осуществить гармоничное сочетание профессиональнотрудового потенциала работника с целеполаганием организации. Длительное время в нашей стране в основе управления любой организации лежали управленческие технологии, ориентированные на достижение экономических целей с упором на рациональное и эффективное использование финансовых, технических и материальных ресурсов, в то время как вопросы социальной политики, человеческих ресурсов занимали второстепенное место и носили зачастую декларативный характер.

По данным Всемирного банка, сегодня в индустриально развитых странах на долю физического капитала приходится около 16% национального богатства, природного капитала – 20%, а доля человеческого капитала составляет 64%. В России ситуация складывается следующим образом: 14% составляет доля физического капитала, 72% приходится на природный капитал, и всего лишь 14% составляет человеческий капитал [9].

Следует отметить, что само по себе экономическое развитие не гарантирует полноценного развития человеческих ресурсов, равно как и рынок сам по себе не способен ликвидировать бедность и создать массовое благоденствие. Необходимо добиваться таких возможностей, когда экономика и развитие человеческих ресурсов не только создадут условия для устойчивого и длительного развития, но и взаимно дополнят и усилят данный процесс. Устойчивое и долговременное развитие организации, являющейся первичным субъектом экономики, основанное на экономических, социальных и экологических факторах, ведет к снижению нефинансовых рисков организации и вносит позитивный вклад в формирование репутации социально ответственной организации.

Управление социальным развитием представляет сложный организационный механизм, оказывающий целенаправленное воздействие на весь комплекс социоэкономических отношений, который отличается динамичностью, многофакторностью и подвержен постоянным изменениям. По своей сути управление социальным развитием на уровне организации направлено на создание условий для эффективной реализации трудового потенциала коллектива и формирование высокого уровня мотивационного поля человеческих ресурсов, что в совокупности влечет за собой повышение производительности труда и увеличение финансовых показателей. Соответственно, возникает необходимость в создании инструмента анализа и оценки эффективности деятельности механизма управления социальным развитием организации, который с помощью системного и комплексного анализа позволит осуществить научное наблюдение за реальным положением дел в социоэкономической сфере и своевременно определить степень разбалансированности социальных критериев в коллективе.

Одной из оптимальных и универсальных технологий исследования и управления социальными процессами в нашей стране явилась концепция российской модели социального аудита, разработанная в 2007г. по инициативе Федерации независимых профсоюзов России (далее ФНПР) творческим коллективом ученых и преподавателей Академии труда и социальных отношений (далее АТи-СО). Данный шаг явился адекватным и своевременным ответом коллектива Академии на вызовы современности и одновременно его вкладом в формирование гражданского общества в России, в дальнейшее совершенствование механизмов социальной безопасности и социального партнерства.

Рассмотрим эволюцию зарубежной концепции социального аудита для более полного восприятия теоретического и практического контекста развития российской модели социального аудита.

Начиная с середины XX века, социальный аудит становится эффективной и востребованной многовекторной технологией регулирования социально-экономических отношений в странах с развитой рыночной экономикой, которые поставили перед собой стратегическую цель устойчивого и долговременного развития социально ориентированной экономики.

В 1964г. Национальный первый городской банк Нью-Йорка (The National First City Bank of New York) начал работу по формированию для своей центральной и филиальной сети принципов аудита для кадровой службы. В 1973г. Джон Умбл (John Humble) публикует свой труд «Аудит социальной ответственности», который во Франции издается под названием «Социальный аудит на службе менеджмента выживания». В Канаде начинается обучение на курсах «социальной бухгалтерии».

В 1977г. во Франции принимается закон (Loi №77-769 du 12 juillet 1977), обязывающий руководителей предприятий с количеством работающих более 300 человек ежегодно представлять на рассмотрение комитета предприятия социальный отчет (le bilan social). Закон предписывал директорам предприятий составлять социальный отчет на основе конкретных данных, позволяющих оценить социальную политику предприятия в течение трех предшествующих лет. В статье 438-3 французского закона определяются базовые индикаторы этого социального отчета: (1) реализация социальных программ на предприятии в динамике; (2) занятость; (3) зарплата и премиальные; (4) социально-бытовые условия; (5) охрана труда; (6) условия труда; (7) система обучения и повышения квалификации; (8) профессиональные отношения [16, с. 3700].

В 1979г. Институт по проблемам предприятия и персонала, возглавляемый

Раймондом Ватье (Raymond Vatier), создает группу по изучению вопросов «развития экспертизы и социального аудита». В 1982г. Р. Ватье создает Международный институт социального аудита и становится его первым президентом. В 1983г. в США, в Филадельфии, группа Хэй (Нау) начинает научные разработки нового метода изучения, оценки и сравнительного анализа издержек, связанных с управлением человеческими ресурсами (Human Ressources Costs Management).

В 1983 г. в Копенгагене Европейская Ассоциация руководителей кадровых служб на своем конгрессе рассмотрела вопросы социального аудита. В Европе начинают появляться многочисленные научные статьи и монографии по социальному аудиту. В 1984г. Жан-Мари Перетти (JM Peretti) и Жан-Люк Вашет (JL Vachette) издают книгу «Социальный аудит». В следующем году выходит рукопись по вопросам социального аудита Пьера Кандо (Р. Candau). В 1988г. Р. Ватье издает монографию «Аудит социального управления».

В 1980-х гг. в центре внимания социальных аудиторов находились вопросы управления человеческими ресурсами. Они рассматривали проблемы верификации данных социальных отчетов, а также влияние социальной среды предприятия на мотивацию персонала.

В начале XXI века вектор изучения социального аудита фокусируется на новых внешних проблемах современности: социальная среда, социальная ответственность бизнеса, заинтересованные стороны – «стейкхолдеры» (stakeholders), т. е. клиенты, инвесторы и другие физические и юридические лица, которые влияют на организацию и ее деятельность прямо или косвенно.

Наблюдается интенсивный процесс создания организационной структуры социального аудита, формируется его нормативно-правовая база, разрабатываются формы социальных отчетов, принимаются и внедряются этические кодексы ведения

бизнеса и корпоративной социальной ответственности (далее КСО) бизнеса. Впервые проект социальной отчетности был реализован на практике в начале 1990-х гг. компаниями The Body Shop (Великобритания), Ben&Jerry's (США) и Van City (Канада) [3]. Сегодня это стало постоянной практикой многих международных компаний. Международные специализированные организации разрабатывают стандарты и индикаторы проведения социального аудита с учетом Конвенций Международной организации труда (далее МОТ). В настоящее время существует около 30 стандартов нефинансовой отчетности, без соблюдения которых весьма проблематично выйти на международные рынки. По данным ООН, более 4000 организаций в своей работе руководствуются этими стандартами [10].

В системе профессионального образования многие университеты организуют учебный процесс по подготовке социальных аудиторов. В частности, во Франции большую и активную работу в рамках профессионального образования по подготовке социальных аудиторов проводят университеты городов Ля Рошель (La Rochelle) и Марселя. Во Франции начинает деятельность Центр сертификации независимых социальных аудиторов (CCIAS), который создал и претворил в жизнь процедуру индивидуальной сертификации социальных аудиторов. Создаются институты социального аудита в Тунисе, Алжире, Марокко, Сенегале и в Люксембурге.

По данным известной аудиторской компании Эрнст энд Янг, только в мировой сети магазинов Уол-Март (Wal-Mart Stores) в 2005г. было зафиксировано более 25000 фактов проведения социального аудита. В том же году, по данным Международного института социального аудита, во Франции было зарегистрировано около 600 случаев проведения социального аудита [14].

Таким образом, к началу XXI века в индустриально развитых странах социальный аудит становится непременным элементом экономики. В этих странах сформирована и успешно реализуется организационно-правовая основа социального аудита, создающая все необходимые условия для работы социальных аудиторов. Сущность социального аудита заключается в предоставлении заказчику аудита независимой и адекватной информации, полученной в результате анализа проблем, очерченных заказчиком. Социальный аудит позволяет выявить существующие риски в социально-трудовой сфере на уровне предприятия и разработать меры по их устранению. Более того, в условиях стремительного процесса глобализации социальный аудит как осознанная необходимость начал выходить за границы индустриально развитых государств и начал распространяться по всему миру.

В последние десятилетия в условиях глобализации и открытости границ российские компании все чаще при выходе на международные рынки сталкиваются с требованиями соблюдения применимых норм российского и иностранного законодательств, а также ведения бизнеса в соответствии с общепринятыми принципами социальной ответственности со стороны иностранных деловых партнеров и зарубежных заинтересованных других сторон. Многие российские компаниилидеры понимают, что в существующих условиях глобализации изоляционизм и игнорирование общих процессов ведут к потере конкурентоспособности и темпов развития.

«Перед российским бизнесом стоят задачи обеспечения прочных позиций во внутренней и внешней экономике, что создает основу устойчивого развития страны. В условиях глобализации и открытости рынков такие возможности в значительной мере зависят от уровня конкурентоспособности российских компаний.

Конкурентоспособность сегодня определяется эффективностью использования не только производственных активов и денежных ресурсов, но и нематериальных активов компаний, качеством управность в правность в правность прав

ления нефинансовыми рисками. Деятельность, которая охватывает нефинансовые показатели, отражает широкий круг вопросов: качество менеджмента, этика делового поведения, структура и результативность социальных инвестиций, связанных с развитием персонала, поддержанием здоровья на рабочих местах, созданием благоприятной среды в территориях присутствия. Эти факторы, определяя общественное лицо компании, все в большей степени влияют на формирование ее деловой репутации, что имеет вполне определенные экономические последствия.

Показательно, что мировые рейтинговые агентства начинают использовать в своей аналитике данные нефинансовой отчетности, подтверждающие устойчивость и ответственность компаний. Можно ожидать, что в обозримом будущем нефинансовая отчетность превратится в повсеместно распространенную практику, становясь такой же общепринятой нормой, как и финансовая отчетность» [4].

Сегодня большинство крупнейших российских компаний, работающих на международных рынках, ежегодно публикуют нефинансовые (социальные) отчеты. Однако доверие к таким отчетам будет максимальным, если они будут аудированы и заверены независимыми (негосударственными) структурами.

Так, в частности, подтверждают наши выводы результаты исследования Ассоциации менеджеров России «Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания». Это исследование, проведенное в 2003г. при поддержке компании «Филип Моррис», стало частью международного исследовательского проекта «Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания». Проект реализовывался одновременно в России, Венгрии, Польше, Чехии и Украине.

В процессе исследования 46% опрошенных высказали мнение, что корпоративная социальная отчетность должна быть обязательной, 36% — добровольной. Наибольшее количество опрошенных (82%) подтвердили, что доверие к отчетам компаний по КСО будет более полным и значительным, если они будут удостоверяться независимым (негосударственным) органом. 70% опрошенных удовлетворились бы подтверждением, полученным от государственных структур, и только 46% готовы поверить собственной отчетности компании без дополнительного ее «внешнего» утверждения.

Наиболее перспективными источниками информации на будущее руководители компаний считают отчеты и аналитику независимых организаций [12].

Концепция российской модели социального аудита была обсуждена и получила одобрение на заседаниях рабочей группы Российской трехсторонней комиссии (далее РТК). Российская модель социального аудита позволяет исследовать весь спектр социальных проблем как в комплексе, так и по отдельным направлениям на основе методологии и инструментария.

В рамках практической реализации концепции российской модели социального аудита Академия труда и социальных отношений в августе 2007г. учредила Национальный институт социального аудита (далее НИСА), одной из основных целей деятельности которого является внедрение и развитие национальной модели социального аудита в Российской Федерации.

Организационно-правовой формой Национального института социального аудита является автономная некоммерческая организация, что позволяет рассматривать НИСА как независимый институт гражданского общества, а не как контрольный профсоюзный орган. Предусмотрено создание на базе института координирующего и методического центра в области социального аудита. В своей деятельности НИСА, используя научноисследовательский потенциал профессорско-преподавательского состава АТиСО, планирует организовать постоянно дейст-

вующие курсы по подготовке и повышению квалификации социальных аудиторов. В центре работы аудиторов находятся принципы, изложенные в разработанном нами этическом кодексе социального аудитора: профессионализм, объективность, независимость. Именно на них должны будут ориентироваться в своей деятельности аудиторы, именно они должны стать их личными качествами: аудиторы должны быть не только высококвалифицированными специалистами, но и людьми с высокими морально-нравственными качествами.

Методологической базой российской модели социального аудита стали научные изыскания Академии труда и социальных отношений в области социоэкономики. В последнее десятилетие были разработаны основные компоненты научной школы АТиСО. Базовым элементом этой школы выступает социоэкономика, которая «как научная школа представляет некий синтез общественного и экономического. Это конкретные формы общественного воспроизводства человека как главного ресурса нации. В рамках этой научной школы социоэкономический человек рассматривается в трех главных ипостасях:

- а) как производитель в единстве его физических и интеллектуальных способностей к труду;
- б) как потребитель материальных, социальных, духовных благ, выступающих необходимыми условиями существования человека труда и семьи;
- в) как субъект свободного времени, затрачиваемого на отдых, досуг, а самое главное на творчество и развитие личности» [13, с. 16].

В социоэкономике центральная роль отводится человеку, человеческому потенциалу, а не финансовым или другим материально-техническим ресурсам. Соответственно, социоэкономические отношения – совокупность отношений в обществе на той стадии его развития, когда социальный фактор становится решающим

условием воспроизводства человеческих ресурсов, имеющим своей целью устойчивое и долговременное развитие.

В Концепции российской модели социального аудита само понятие «социальный аудит» трактуется как механизм диагностирования социальных отношений на предприятии, в отрасли, регионе и на федеральном уровне. По мнению разработчиков концепции, в отсутствии российских социальных стандартов социальный аудит должен оценивать результаты работы по реализации планов, соглашений, договоров, направленных на повышение удовлетворенности условиями труда и социальной жизнью работников.

Социальный аудит есть один из механизмов системы руководства и управления, а также способ мониторинга, предназначенный для наблюдения сферы социоэкономических отношений.

Цель социального аудита – получение объективной информации о характере социоэкономических отношений в выбранной области исследований (т. е. оценка способности организации разрешать социальные проблемы, которые возникают внутри и за ее пределами, и управлять теми из них, которые оказывают непосредственное влияние на трудовую деятельность человека).

Предметом социального аудита является достоверная и объективная информация, поступающая со всех уровней обследования социоэкономических отношений через анализ существующей нормативно-правовой документации (законы, указы, соглашения, договоры, приказы, положения, инструкции и другие нормативные акты), а также через полевые исследования, опросы, интервью, мониторинг, статистические данные и тому подобное.

Объектом социального аудита становятся социоэкономические отношения в контексте разработки, принятия и реализации трех- и двухсторонних соглашений и коллективных договоров, планов и программ социального развития, действую-

щих на уровнях системы социального партнерства и управления социальноэкономической сферой (т. е. все направления деятельности предприятия, связанные с формированием ее корпоративного имиджа, обеспечением профессионального роста работников, созданием для них благоприятного социально-психологического климата, безопасных условий труда и т. д.) [2].

Однако следует обратить внимание на тот факт, что социальный аудит во многом сложнее, чем финансовый, экологический или другие виды аудита. Ведь предметом обследования здесь являются не просто материальные активы или финансово-экономическая и другая информация, а человеческие ресурсы.

Бесспорно, управлять человеческими ресурсами гораздо сложнее, чем иными видами ресурсов. К тому же надо учитывать, что в настоящее время именно социальная доминанта и именно человеческие ресурсы, а не финансовые, становятся решающим фактором достижения устойчивого экономического развития. Помимо этого современное рыночное хозяйство характеризуется возрастающей социальной ответственностью государства, бизнеса и наемных работников, о чем начали говорить и лидеры нашего государства.

В.В. Путин на фактически итоговом заседании Совета при президенте России по реализации приоритетных национальных проектов, состоявшемся 28 февраля 2008 года, подчеркнул, что реализация новой социальной политики должна идти на базе самых современных инновационных технологий: «...Нужны новые механизмы включенности институтов гражданского общества, экспертов, профессиональных сообществ в процесс формирования социальных программ, а также процедура оценки их эффективности. По большому счету, уже сейчас мы должны вплотную подойти к общественному аудиту всех решений и действий власти в области социальной политики» [8].

В Концепции российской модели социального аудита рассматривается его развитие по двум направлениям: (1) социальный аудит предприятия, холдинга, отрасли; (2) социальный аудит на уровне региона.

Во втором случае проводится диагностика и оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти. Результаты аудиторского обследования позволяют органам государственной власти и местного самоуправления получить наиболее широкую и достоверную информацию относительно социального климата на всех уровнях хозяйственной деятельности и, соответственно, иметь возможность более целенаправленно и плодотворно воздействовать на всю систему социоэкономических отношений.

Региональным органам власти социальный аудит позволяет интегрировать бизнес в решение социальных проблем региона. Кроме того, во всем мире индексы социальной ответственности серьезно влияют на инвестиционную привлекательность региона и уровень жизни населения.

В настоящее время в России известны и практикуются многие виды социального аудита: аудит охраны труда, аудит оплаты труда, корпоративный аудит, экологический аудит и т. д.

Однако, как мы уже отмечали, «Аудит системы управления человеческими ресурсами занимает важное место в рамках социального аудита, поскольку именно человек стоит в центре анализа и оценки социально-трудовых отношений в организации» [11, с. 282].

По нашему мнению, сегодня одной из ключевых проблем, связанных с человеком на производстве, является проблема его трудовой мотивации. Соответственно, при проведении социального аудита мы концентрируем внимание на факторах мотивационного поля.

Мотивация персонала занимает одно из центральных мест в управлении трудовым коллективом, поскольку именно мотивация выступает непосредственной причиной поведения работника и коллектива в целом в достижении личных и коллективных целей. Ориентация работника на достижение целей организации, по существу, является главной задачей руководства организации.

Следовательно, в организации исследуются ключевые, с нашей точки зрения, вопросы, касающиеся конкретных характеристик социоэкономического потенциала, а также возможностей самой организации в решении собственных стратегических и тактических задач.

Таким образом, общая схема социального аудита системы управления человеческими ресурсами выглядит следующим образом:

Одновременно рассматривается и анализируется социальный климат (психофизический фон), сопровождающий работника в организации, который мы подразделяем на положительный и отрицательный.

Положительный порождает энтузиазм, воодушевление, сплоченность, благожелательную атмосферу и т. д.

Отрицательный влечет за собой безразличие, враждебность, конфликтные ситуации, апатию, намеренное замалчивание проблем, неискренность, увеличение случаев травматизма, текучесть кадров и т. д.

Понятно, что улучшение социального климата следует рассматривать как один из важнейших факторов увеличения эффективности деятельности предприятия.

Мы считаем, что в жизни трудового коллектива эти факторы имеют разный уровень влияния на человека. Одни факторы оказывают большее влияние, другие факторы оказывают меньшее влияние. В целом, влияние этих факторов зависит от причин субъективного и объективного характера. Например, сегодня, в условиях мирового финансового кризиса, уровень зарплаты работника не может быть высоким.

Непонимание и зачастую игнорирование руководителем значимости этих факторов отрицательно сказывается на общем уровне мотивационного поля.

Исследования показывают, что руководители организации в своей работе руководствуются только несколькими факторами: трудовая дисциплина, зарплата, текучесть кадров.

Это явление, с нашей точки зрения, хорошо и достаточно детально описывает Л.Я. Аверьянов в своей книге «Социология: что она знает и может»: «...если руководство уделяет внимание одним факторам и не уделяет другим факторам, то в системе мотивации происходит определенный перекос. На снижение уровня мотивационного поля оказывают влияние не только факторы, которые не получили достаточного развития, но и неуравновешенность всех факторов по уровню их развития.

Здесь хочу обратить внимание на важный момент: в коллективе, как правило, не происходит взаимопогашения и компенсации одних факторов другими. Если перспективы роста нет, то ее нет, и этого нельзя компенсировать. Если работники не участвуют в управлении производством, то высоким уровнем трудовой дисциплины это не заменить. Если в кол-

лективе плохой моральнопсихологический климат, то никакой зарплатой его не заменить и т. д.

Таким образом, при наличии высокого уровня развития нескольких факторов достаточно одного, который по каким-то причинам не получил развития (например, моральное стимулирование труда), этого одного достаточно, чтобы коллектив не выполнил свою производственную задачу или выполнил ее плохо» [1].

Следовательно, в данном случае только социальный аудит в состоянии выявить уровень разбалансированности этих факторов и на основе анализа этих факторов предоставить руководству организации варианты решений по улучшению ситуации.

Социальный аудит дает возможность руководству и профсоюзному комитету организации получить объективную, неангажированную, научную и достоверную информацию относительно состояния социоэкономических отношений в организации.

Социальный аудит помогает достижению трудового равновесия и согласия между руководством и профсоюзной организацией.

Социальный аудит позволяет выявить существующие и потенциально возможные риски, способствуя тем самым увеличению эффективности системы управления организацией.

Социальный аудит снижает операционные расходы и увеличивает экономический эффект работы организации.

В ходе практической реализации социального аудита возникли определенные трудности с адекватным восприятием форм и методов проведения социального аудита. Зачастую процедуру проведения социального аудита путают с работой инспекции труда и аттестацией рабочих мест.

Попытаемся определить принципиальную разницу между социальным аудитом, инспекцией труда и аттестацией рабочих мест.

Федеральная инспекция труда — единая федеральная централизованная система государственных органов, осуществляющих государственный надзор и контроль за соблюдением законодательства РФ о труде и охране труда всеми организациями и физическими лицами, на которых это законодательство распространяется. Основная задача — осуществление надзора и контроля за соблюдением законодательства РФ о труде и охране труда. Федеральная инспекция труда реализует свою деятельность во взаимодействии с правоохранительными органами.

Функции государственных инспекций труда:

- осуществляют государственный надзор и контроль за соблюдением законодательства РФ;
- расследуют в установленном порядке несчастные случаи на производстве, анализируют их причины и разрабатывают предложения по предупреждению таких случаев;
- рассматривают дела об административных нарушениях и т. д. [6].

Что касается аттестации рабочих мест, то эта процедура предусматривает следующее:

- планирование и проведение мероприятий по охране и условиям труда;
- сертификацию производственных объектов на соответствие требованиям по охране труда;
- обоснование предоставления льгот и компенсаций работникам, занятым на тяжелых работах.

Сроки проведения аттестации устанавливаются организацией исходя из изменения условий и характера труда, но не реже одного раза в пять лет с момента проведения последних измерений. Вся работа по проведению аттестации регламентирована законодательной базой РФ [5].

В данном случае можно констатировать, что работа инспекции труда и аттестация рабочих мест регламентированы российским законодательством, их главная цель заключается в контроле и над-

зоре, а также сертификации производственных объектов. Что же касается социального аудита, то он не имеет на сегодняшний день законодательной базы, сама процедура социального аудита носит добровольный характер, и он не является контролирующим и надзирающим инструментом.

Понимая необходимость создания нормативно-правовой базы для социального аудита, в 2008г. АТиСО разработала и передала в Государственную Думу РФ проект федерального закона «О социальном аудите в Российской Федерации».

Необходимость принятия данного закона обосновывается следующими аргументами: социальный аудит как комплексный институт обследования социальной сферы на макро- и микроуровнях не имеет конкретного закрепления в Российском законодательстве. Конституция РФ и другие правовые акты, в частности, Федеральный закон «Об аудиторской деятельности», Трудовой кодекс, бюджетный и пенсионный кодексы не содержат правового признака социального аудита в качестве метода регулирования социальных отношений. Более того, реализация конституционного положения о Российской Федерации как социальном государстве во многом обусловлена эффективным функционированием системы социального аудита, что само по себе предполагает собственную правовую основу этой системы.

Мы считаем, что социальный аудит может быть эффективным инструментом в разработке социальной политики Российского государства, ставшего по Конституции на путь построения социального государства. В этом случае социальный аудит может использоваться государством в целях обеспечения устойчивого и долговременного социального развития. Результаты аудиторского обследования позволяют органам государственной власти и местного самоуправления получить наиболее широкую и достоверную информацию относительно социального климата на всех

уровнях хозяйственной деятельности и, соответственно, иметь возможность более целенаправленно и плодотворно воздействовать на всю систему социоэкономических отношений. Социальный аудит может применяться как инструмент налаживания полноценного диалога и сотрудничества между государством, бизнесом и институтами гражданского общества.

Таким образом, привлечение к социальному аудиту институтов гражданского общества, по нашему мнению, позволит государству выступать не в качестве контролера, а, главным образом, в качестве координатора социоэкономических отношений, и тем самым придавать более гибкий характер системе регулирования социальной политики государства.

В настоящее время мы можем констатировать, что в стране осуществляется работа по практической реализации российской модели социального аудита. В целом на сегодняшний день общая картина состояния этой деятельности характеризуется следующими особенностями:

- правовым вакуумом в области социального аудита;
- отсутствием единой, универсальной системы критериев для аудиторских заключений в социальной сфере и социальной отчетности российских предприятий;
- отсутствием методического центра и координирующего органа по развитию социального аудита;
- растущим пониманием значимости социального аудита и спросом на аудиторские услуги со стороны власти, работодателей и общественных организаций, в первую очередь, профсоюзов;
- наличием ряда организаций, занимающихся социальным аудитом, зачастую не имеющих квалифицированных кадров;
- стихийностью образования фирм, предлагающих услуги социального аудита;
- постепенным проникновением в страну и расширением влияния западных аудиторских фирм.

Очевидно, что современный этап развития российской модели социального

аудита ставит на повестку дня решение следующих задач:

- 1. Инициировать разработку и принятие закона РФ о социальном аудите, определяющего:
- содержание и правовой статус социального аудита в системе социальноэкономических отношений;
  - механизмы его осуществления;
- полномочия и ответственность организаций, занимающихся аудиторской деятельностью в сфере социальных отношений.
- 2. Создать при Российской трехсторонней комиссии (РТК) Совет по аудиторской деятельности в сфере социальнотрудовых отношений, функциями которого будут:
- осуществление взаимодействия власти, работодателей и профсоюзов по внедрению социального аудита в практику реализации социальной политики государства;
- аккредитация организаций, занимающихся социальным аудитом и ведение реестра аккредитованных аудиторских фирм.
- 3. Сформировать при Общественной палате РФ комиссию по развитию социального аудита в РФ, задачами которой будут:
- всемерное содействие превращению социального аудита в необходимый и действенный инструмент изучения и решения социальных проблем общества, т. е. вооружение Общественной палаты эффективным инструментом контроля деятельности органов исполнительной власти и обратной связи с обществом на основе научного анализа;
- контроль деятельности организаций, предоставляющих услуги социального аудита, и контроль за соблюдением ими законодательства;
- разработка условий проведения конкурсов «Регион социальной ответственности», а также «Вуз высокой социальной эффективности»;

- контроль за соблюдением правовых норм, регулирующих аудиторскую деятельность в сфере социальных отношений.
- 4. Создать российский научнометодический центр социального аудита на базе Национального института социального аудита, располагающего на сегодня необходимой научной, методологической базой и кадровым потенциалом, который будет заниматься:
- научно-методическим обеспечением социального аудита в РФ;
- решением вопросов профессиональной подготовки аудиторских кадров на базе Академии труда и социальных отношений;
- разработкой системы обучения, повышения квалификации и аттестации социальных аудиторов для высших учебных заведений в регионах страны;
- определением единых подходов к организации и содержанию социального аудита в РФ.

Литература

- [1] Аверьянов Л.Я. Социология: что она знает и может. М., 1993.
- [2] Концепция российской модели социального аудита. М., 2007.
- [3] Лучшие корпоративные социальные проекты 2006-2007. М., 2008.
- [4] Нефинансовые отчеты компаний, работающих в России: практика развития социальной отчетности. Аналитический отчет. Российский союз промышленников и предпринимателей. М., 2006.
- [5] Положение о порядке проведения аттестации рабочих мест по условиям труда. Приложение к Постановлению Министерства труда и соци-

- ального развития Российской Федерации от 14.03.1997. № 12.
- [6] Постановление Правительства Российской Федерации о федеральной инспекции труда от 28 января 2000г.
- [7] Путь к устойчивому развитию. Корпоративный социальный отчет. СУЭК. 2001-2005.
- [8] РБК daily. 29 февраля. 2008.
- [9] Роик В.Д. Социальный бюджет России и основы социального бюджетирования: учебное пособие. М., 2008.
- [10] «Руководство по отчетности в области устойчивого развития» Глобальной инициативы по отчетности и сообщения о достигнутом прогрессе Глобального договора ООН. М., 2007.
- [11] Социальный аудит : Учебное пособие / Под общей редакцией А.А. Шулуса, Ю.Н. Попова. М., 2008.
- [12] Социальный портрет бизнеса. Путеводитель по социальным программам российского бизнеса. Серия путеводителей-справочников «Проверено Коммерсантъ». М., 2004.
- [13] Шулус А.А. На нашем знамени должно быть начертано: человек, развитие, справедливость // Академия труда и социальных отношений. 90 лет. М., 2009.
- [14] Meignant A. Manuel d'audit du management des resources humaines, Editions Liaisons. Paris, 2007.
- [15] Landier H. Evaluer le climat social de votre enterprise, Editions d'Organisation, Group Eyrolles, 2008.
- [16] Jounal Officiel de la République Française. 13 Juillet. 1977.
- [17] Combemale M., Igalens J. L'audit social, Vendome Impressions Groupe Landais, 2005.

Нигматуллина Танзиля Алтафовна

кандидат исторических наук, доцент, директор Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений

СОЦИАЛЬНЫЙ АУДИТ И СОЦИАЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ИМИДЖА БИЗНЕСА

В статье представлена разработанная коллективом Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений и внедренная в практику деятельности организаций методика проведения социального аудита и социального мониторинга.

Ключевые слова: социальный аудит, социальный мониторинг, ресурсный потенциал, социальная ответственность, социальная программа.

Человеческий фактор, социальные отношения, здоровое общество — проблемы, которые сегодня активно обсуждаются учеными и практиками в большинстве стран мирового сообщества, испытывающих в той или иной степени влияние процессов глобализации экономики, уменьшение государственного ее регулирования, изменение общественных настроений, ожиданий и системы ценностей.

Российская Федерация за прошедшее десятилетие прошла сложный путь, завершив в основном начатые в 1990-е гг. масштабные трансформации социально-экономической и политической систем государства. Однако, несмотря на то что в настоящее время можно говорить об определенной степени стабильности развития основных подсистем общества, и в первую очередь социальной, проблема борьбы с бедностью, социальной защиты подавляющей массы наемных работников, составляющих главную ценность ресурсного потенциала общества, по-прежнему остается актуальной. Именно поэтому перед российским государством и обществом в «Основных направлениях социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу» в числе приоритетных поставлена задача сформировать новый социальный контракт, предполагающий взаимную ответственность власти, бизнеса и общественных институтов.

Контракт определяет, что обеспечивает в стране рост экономики: жесткая налоговая политика и государственные инвестиции или рост предпринимательской свободы, частных инвестиций и корпоративной ответственности. Кроме того, он предполагает инициирование процесса эффективного распределения социальной ответственности путем достижения оптимального баланса между государственным регулированием и свободным предпринимательством. Социальный договор должен обеспечить необходимый уровень готовности и профессиональной способности бизнеса взять на себя решение социальных проблем.

Сложность ситуации объясняется рядом факторов. Рост производства на многих предприятиях достигается за счет загрязнения окружающей среды, сопряжен с техногенными авариями, несправедливым распределением доходов. Это формирует у населения негативное отношение, которое проецируется на все бизнес-сообщество и на государство в целом.

С другой стороны, хотя, как справедливо отмечал Уиллис Харман, доминирующий институт в любом обществе берет на себя ответственность за все его проблемы, бизнес, ставший самым мощным институтом на планете, не имеет такой традиции. Для него это новая роль, и она еще не до конца им воспринята [1]. «Несовпадение личных и корпоративных ценностей, вероятно, наиболее распространенная проблема, с которой сталкиваются компании» [2, с. 145]. И это заставляет руководителей все чаще задумываться не только об основной цели бизнеса, но и о том, что успех предпринимательской деятельности во многом зависит от степени социальной ответственности. крупные отечественные компании используют в деловой практике предоставление социальной отчетности, которая способствует повышению их рейтинга во взаимоотношениях с органами власти, партнерами и инвесторами.

Социальная ответственность бизнеса носит многоуровневый характер:

- базовый уровень предполагает выполнение следующих обязательств: своевременная оплата налогов, выплата заработной платы, по возможности предоставление новых рабочих мест (расширение рабочего штата);
- второй уровень включает обеспечение работников адекватными условиями не только трудовой деятельности, но и жизни: повышение уровня их квалификации, профилактическое лечение, строительство жилья, развитие социальной сферы;
- на третьем уровне осуществляется благотворительная деятельность;
- четвертый уровень предусматривает финансовые вложения в развитие инфраструктуры территорий, создание условий, обеспечивающих экологическое благополучие, качество производимой продукции.

Однако социальные инвестиции, как и любые инвестиции, невозможны без оценки их эффективности, аудита и социального мониторинга.

В Республике Башкортостан социальным аудитом и социальным мониторингом в последние годы активно занимается коллектив Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений. В частности, в 2007г. коллективом Института были разработаны и апробированы на уфимском предприятии НПП «Молния» инструментарий и методика социального аудита, опубликованы учебное пособие «Основы социального аудита» и словарь-справочник «Социальный аудит: технологии, стандарты, основные понятия», проведена международная научно-практическая конференция «Технологии управления социальным аудитом». Кроме того, подготовлены и запатентованы опытная методика и программа по оценке эффективности политик и программ «Социальный мониторинг и социальный аудит деятельности органов местного самоуправления».

Цель социального аудита и социального мониторинга той или иной организации заключается в получении объективной оценки эффективности её социальной политики, качества и уровня удовлетворенности работников предоставляемыми социальными услугами.

Разработанный инструментарий использовался в качестве элемента управления, являясь базой для стратегического планирования социальной политики организации. Кроме того, он служил средством:

- связи между работниками организации и окружающей средой (т. е. обществом, властью, поставщиками, инвесторами, стейкхолдерами и т. д.);
- измерения основных параметров восприятия и отношения работников к проводимой социальной политике, степени удовлетворенности предоставлением социальных услуг;

- оценки эффективности внедряемых социальных программ;
- оценки динамики основных параметров восприятия и отношения работников к социальной политике организации, степени удовлетворенности предоставлением социальных услуг;
- сравнения оценок результатов собственной деятельности и деятельности конкурирующих организаций;
- определения социальных последствий прогнозных разработок в социальной сфере деятельности организации.

При этом социальный аудит и социальный мониторинг не ограничиваются констатацией того, что есть и что должно быть. Они позволяют выявить основные причины возрастания угрозы социальных рисков и наметить программу управления ими, а также — что очень важно — определяют мотивы социальной ответственности бизнеса, наглядно демонстрируя, какие выгоды получает организация, осуществляющая эффективную социальную политику:

- (1) развитие собственного персонала позволяет не только избежать текучести кадров, но и привлекать лучших специалистов на рынке;
- (2) рост производительности труда в организации;
- (3) улучшение имиджа организации, рост репутации;
  - (4) рекламу товара или услуги;
- (5) освещение деятельности организации в СМИ;
- (6) стабильность и устойчивость развития организации в долгосрочной перспективе;
- (7) возможность привлечения инвестиционного капитала для социальноответственных компаний выше, чем для других компаний;
- (8) сохранение социальной стабильности в обществе в целом;
  - (9) налоговые льготы [3].

Основу методики социального аудита и социального мониторинга деятельности организации составляет очный выборочный опрос её работников в виде формализованного интервью и анкетирование. Для осуществления анкетирования были разработаны специальные опросные листы, позволяющие в достаточной степени объективно оценить уровень социальной политики, степень удовлетворенности работников, провести социальный аудит отдельных объектов (условий труда, психологического климата, социальных гарантий и т. д.).

В типовой анкете по проведению социального мониторинга вопросы распределены по следующим блокам:

1-й блок – «Что организация хочет?» включал следующие вопросы: *Существует ли программа социальной деятельности организации и её корпоративный кодекс?; *Сформулированы ли конкретные цели и конкретная политика социальной ответственности?; *Составляют ли вопросы социального плана неотъемлемую часть каждодневной работы?; *Осознает ли организация свою ответственность за охрану окружающей среды?; *Настроено ли руководство на улучшение социальной ответственности организации?

2-й блок - «Что организация делает?» - содержал вопросы: *Принимает ли организация во внимание соображения социального плана в процессе принятия на работу новых сотрудников, длительной болезни работников, (раннего) выхода на пенсию, организации рабочего процесса (времени), перемещений, назначений и увольнений?; *Предпринимает ли организация какие-либо специальные усилия по сохранению работников в различных кризисных ситуациях?; *Какие шаги предпринимаются для сохранения окружающей среды?; *Предпринимает ли организация какие-либо меры по борьбе с вытеснением работников с рынка труда (например, за счет повышения конкурентоспособности своего работника на рынке труда путем дальнейшего

его образования, обучения и переподготовки)?; *Соблюдаются ли в организации условия коллективного договора и удовлетворяет ли он работников?; *Соблюдает ли организация партнерские отношения с другими организациями, органами местного самоуправления?; *Ведется ли работа по улучшению условий труда?; *Соблюдается ли в организации корпоративная этика?

3-й блок — «Что организация получает?» - охватывал следующий круг вопросов: *Приносят ли усилия администрации в сфере социальной политики ожидаемый результат?; *Считают ли работники, что организация работает над повышением своей социальной ответственности и делает это эффективно?; *Удовлетворяет ли работников соорганизации?; циальная политика *Влияет ли социальная политика организации на психологический климат в коллективе?; *Что бы Вы изменили в социальной политике организации?

4-й блок — сбор информации о социально-демографическом статусе респондента.

Результаты анкетирования работников отражают следующую информацию:

(1) восприятие социальных программ и инициатив, реализуемых в организации, оценку ее социального климата;

- (2) степень эффективности и качество внедряемых социальных программ, рекомендации по их оптимизации;
- (3) ожидания и предпочтения в социальной сфере;
- (4) латентные формы социальной напряженности и причины их вызывающие, предложения по их устранению.

Активное внедрение в практику деятельности организаций методик социального аудита, оценки социальных программ, осуществление постоянного мониторинга социальной деятельности организаций, публикация отчетов по их результатам позволит выявить социальный рейтинг организации и в конечном итоге будет способствовать усилению социальной составляющей в деятельности бизнес-структур и повышению доверия граждан к бизнесу в целом. А это — еще один шаг на пути построения социального государства.

Литература

- [1] Harman W. Why is there a world business academy? http://www.mirrabot.com/work/work 68063.html
- [2] Barrett R. Liberating the corporate soul: Building a visionary organization. Boston, Buttenvorth-Heinemann, 1998.
- [3] Сайт «Программа развития ООН» http://un.by/ru/undp/gcompact/res/motives.html.

Трибуна ученого

Орланов Георгий Борисович

кандидат философских наук, профессор кафедры социологии и управления социальными процессам Академии труда и социальных отношений

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ

Работа посвящена актуальным проблемам реформирования российской образовательной системы. В ходе анализа определены объективные факторы, затрудняющие процесс интегрирования России в единое европейское образовательное пространство. Автором предложены пути практического решения задач российского образования на государственном уровне.

Ключевые слова: социализация личности, Болонский процесс, реформирование образовательной системы, парадигма обучения.

Очевидно, что государственные решения в период реформ задают главный вектор «приложения сил» и общую траекторию изменений, связанных с образовательным процессом, представляющим собой педагогически организованную социализацию в интересах личности и общества. Поэтому чрезвычайно важно, какие именно социальные ценности принимаются, или по умолчанию предполагаются, государственными структурами. Присоединение России в 2003г. к Болонскому процессу обязывает нашу страну реформирование образовапровести тельной системы и выполнить ряд условий, среди которых введение сравнимых квалификаций в области высшего образования и двухступенчатой системы (бакалавриат – магистратура), использование академических кредитов европейского образца (ECTS), переход на принципы модульного обучения и многое другое. Выполнение данных условий должно способствовать формированию единого европейского образовательного пространства с такими важными его характеристиками, как сопоставимость программ обучения, академическая мобильность студентов и преподавателей, сравнимость дипломов на рынке труда и т. д.

Для России очевидны определенные плюсы включения в этот процесс. Помимо модернизации всего российского образовательного «пространства», это еще и конвертируемость российских дипломов, которые на Западе пока не оцениваются адекватно, за исключением документов нескольких известных вузов, таких, как МГУ, МИФИ, СПбГУ и другие.

Однако по некоторым другим содержательным позициям, касающимся, в частности, сохранения фундаментальных ценностей и традиций в образовании, что также предполагается Болонским процессом, ситуация выглядит не так обнадеживающе. Неслучайно столько острых дискуссий велось в Германии и Франции, а некоторые европейские вузы вообще отказывались двигаться в русле Болонского процесса. В России ситуация, очевидно, сложнее всего. И не только потому, что теперь мы должны интегрироваться в более прагматичную западную систему высшего образования, неизбежно разрушая исторически сложившиеся преимущества наших вузов (одно из которых - ориентированность всего учебного процесса, начиная с первого курса, на более глубокую подготовку в области фундаментальных наук).

Помимо прочего, для России характерна такая системная черта жизнедеятельности её социального организма, как расхождение ценностей декларируемых и ценностей фактических, реально определяющих государственные решения. «Объем» подобного расхождения накапливался веками, а административную систему России XX столетия, пожалуй, и не с чем сравнить. Одно дело - декларации, закреплявшиеся в официальных документах, получавших достаточно высокий международный рейтинг (например, Конституция 1936г.). Совсем другое – реальные ценностные ориентации, определявшие конкретные решения во всех сферах жизни общества, в том числе в области образования («подгонка» личности под идеологически заданные параметры) и науки (кибернетика, генетика, социология и т. д.), не говоря уже о правах человека.

Конечно, в последнее время ситуация в структурах управления существенно изменилась. Но укоренившееся в «генах» расхождение между декларируемыми и фактическими ценностями не исчезло. Это расхождение, избавившись от своих крайних политических форм, продолжает свое, теперь более скрытое, «модернизированное» существование в области государственно-администрапринятия тивных решений. Например, провозглашаются ценностные установки государства на формирование среднего класса на базе реформирования отношений собственности и создание цивилизованной структуры распределительных отношений. Но систематически принимаются решения, фактически доводящие социальное расслоение до крайних пределов, фиксируемых рекордными значениями известных коэффициентов (децильности, концентрации доходов, контрастов, фондов и т. п.).

Как бы не хотелось признавать, но это есть конкретный показатель реальных, а не декларируемых, ценностных установок, системно действующих на

уровне государственных структур в два последних десятилетия. Конечно, было бы преувеличением приписать государственным органам сознательную, оформленную хотя бы устными распоряжениями установку на создание подобного разрыва (вопрос о сознательной установке отдельных должностных лиц требует и отдельного анализа). Но при всех декларируемых интенциях с точки зрения результата нет никакой разницы между подобной установкой и отсутствием у государства нацеленности на ликвидацию разрыва. С точки зрения результата декларации противоположны многим пунктам конкретных действий государства. Другими словами, на государственном уровне фактически доминируют иные - «теневые» социальные ценности, которые предопределяют больше, чем ценности публично провозглашаемые, часть из которых остаётся просто «не в работе».

В сфере образования расхождение ценностных установок, может быть, менее очевидно, но тоже даёт о себе знать. Во-первых, реформа проводится «сверху» со всеми вытекающими классическими недостатками такого подхода: отсутствие мотивированности самих вузов, административно-силовых применение приемов типа обязательного приема абитуриентов на основе ЕГЭ, жестко поставленных сроков для всех учебных заведений независимо от их готовности и т. п. То есть мало учитывается тот декларируемый постулат, что в сфере образования более предпочтительными являются методы стимулирования вузов (типичная современная и сложная для менеджмента задача), а также управленческие решения, отражающие понимание неравномерности и неодинаковости сроков вхождения вузов в Болонский процесс. Отсюда опасность дискредитации самой идеи включения России в единое европейское образовательное пространство, идеи, которая соответствует тенденциям развития постиндустриального общества.

Трибуна ученого

Во-вторых, и это связано с предыдусоображениями, ЩИМИ все отчетырапорты к определенным срокам о переходе вузов на кредитно-зачетную и модульную системы будут свидетельствовать не более чем о введении новой терминологии и, скорее всего, так или иначе устроят структуры управления, которые эти сроки сами и контролируют. А вот наиболее важное в образовательном процессе – приемы и способы преподавания, т. е. все то, что невозможно тотально отследить «сверху» и заменить к определенному сроку, – сохранится в прежнем варианте. В том числе и потому, что в вузах продолжает действовать традиционная организация учебного процесса, которую никто (те же «верхи») не отменял: семестровое обучение, поточно-групповая организация занятий, акцент на аудиторную работу с группами, учебный план, циклы дисциплин, экзаменационная сессия и т. п. Синтез старой и новой структуры (с ориентацией на индивидуальный подход и активность самих студентов) в принципе невозможен, а параллельное сосуществование создает для всех участников, особенно для звеньев управления, неразбериху, в которой бумажная и терминологическая имитация внедрения новых форм учебного процесса становится подчас единственным выходом.

В-третьих, в европейских вузах уже не первое десятилетие доминирует субъектно-субъектная парадигма обучения, выдвигающая в центр внимания активную роль самого студента. Данный подход, как известно, развивал американский педагог Д. Дьюи еще в первой половине прошлого века. Студент сам решает (выбирает), чему и как учиться. Роль преподавателя сводится к индивидуальному наблюдению и направлению студенческой активности по определенной «траектории» развития в процессе обучения с опорой, в частности, на принципы модульного обучения. Поэтому включение в Болонский процесс для большинства европейских стран носит естественный характер, оформляя уже укоренившиеся ценности в сфере образования (акцент на активности обучающегося, гибкая программа, рейтинговый контроль знаний и т. п.), в т. ч. и школьного, что очень существенно. Можно сказать, что форма подгоняется под почти готовое содержание. Остается лишь довести до конца уже давно идущие процессы.

Россия же попадает в иную ситуацию. Ситуацию ломки традиционной субъектно-объектной парадигмы обучения, когда именно преподаватель, а не студент полностью определяет цели, задачи, содержание обучения, его принципы, формы и методы. Студент – только объект учебно-воспитательного процесса. Его задача в определенном смысле пассивна - понять, запомнить и творчески применить полученную информацию. Такая парадигма, обоснованная еще немецким педагогом И.Ф. Гербартом в первой половине XIX в., оказалась вполне адекватной задачам развития индустриального общества. Она со всеми своими достоинствами и недостатками настолько прочно укрепилась в условиях российского образования, что некоторые исследователи склонны связывать такую парадигму не столько с индустриальным обществом, сколько вообще с авторитарными политическими режимами, что вряд ли корректно.

Конечно, категоричное противопоставление образовательных процессов (тем более в их «плюсах» и «минусах») по линии Запад-Восток слишком схематично. В частности, в практику многих российских вузов и школ уже давно вхо-ДЯТ элементы новой субъектносубъектной парадигмы обучения со всеми своими научно-методическими атрибутами. И в последние годы объем этих элементов явно нарастает. Однако в целом российская «онтология образования» похожа на старый автомобиль, к которому приделываются различные современные «навороты», тогда как следует кардинально изменить саму модель под запросы нового времени. Такая кардинальность и есть самая большая сложность для России: в отличие от новой автомодели новую систему образования невозможно «сконструировать» к 2010г. Общее понимание проблем есть у всех, кто связан с образованием. Но ситуацию еще и надо чувствовать. Вообще, чем выше профессиональное мастерство человека в любой области (педагогика, управление, искусство, спорт и т. д.), тем значительнее у него доля знаний, не выражаемых в словесной форме. Это знание называют по разному: «неявным знанием», или «неизреченным интеллектом» (М. Полани), «знанием-как» (Г. Райл) и т. п. Но именно такое «чувствознание» оказывается решающим в достижении высокого, или хотя бы приемлемого, результата деятельности. Подобное чувство – что именно, в каком порядке и в какие сроки можно и следует изменить в российском образовательном пространстве и как договориться с западными партнерами, чтобы не терять своих преимуществ, - отличает профессионалов, полупрофессионалов и дилетантов от образования, в т. ч. и в области «управления» этими процессами. При всех своих недостатках первые «рулить» будут все-таки лучше, чем вторые и третьи. О реальных ценностных ориентациях людей, в т. ч. управленцев, нельзя судить только по декларациям, какими бы «умелыми» они не казались. Все дело в том, как у личности согласованы различные «пласты» ценностей, насколько велик запас «знаний-как».

В социологии и психологии различают, в частности, ценности терминальные и инструментальные. Специфика такой дифференциации в свое время была описана К. Клакхоном [1], позже – М. Рокичем [2], а в российской социологической литературе представлена, например, в исследованиях Н.И. Лапина [3]. Терминальные ценности — это ценности более высокого ранга, ценности-цели, стратеги-

ческие самоценности (например, жизнь индивида как самоценность, семья, социальный порядок и т. п.). Инструментальные ценности - это ценности-средства, обеспечивающие достижение ценностей терминальных (в частности, нравственное поведение, инициативность, коммуникабельность и т. п.). Несложно подобную классификацию провести и в сфере образования применительно к определенным задачам возможного социологического исследования процедур и последствий принятия государственных решений. Тогда в разряд терминальных попадут те ценности высокого ранга, которые продекларированы в европейских и российских документах в связи с Болонским процессом, а инструментальными окажутся те фактически действующие ценностные установки по реализации приоритетных целей, которые систематически в ежедневном режиме определяют «траекторию» реформирования российского образовательного пространства. Такое исследование наверняка дало бы много интересного материала, в том числе и для государственных решений по кадровому обеспечению «догоняющей модернизации» образования.

Но кое-что в сегодняшнем расхождении терминальных и инструментальных ценностей видно и без всяких исследований (по результатам, как и в политике формирования социальной структуры). Например, такая инструментальная ценность в системе управления образованием, как достижение всеобщего перехода всех вузов к 2010г. на принципы Болонского процесса, есть фикция, вредящая самому процессу. Часть российских вузов, учитывая их материальную базу, кадровый потенциал и даже студенческий контингент, подготовленный не в «продвинутых» школах, а по классическим субъектно-объектным канонам, не смогут увидеть себя даже в мечтах в европейском образовательном пространстве еще лет 10-15. Вместо тотального перехода конструктивнее было бы вести Трибуна ученого

речь о разных сроках для разных групп вузов. И это вполне можно согласовать с западными партнерами, чтобы не пересматривать подписанные международные документы. Конечно, это противоречит другой инструментальной установке государственной политики – формальному равенству всех российских вузов с их дипломами единого образца. Но и тут может быть найден выход без ущемления самооценок вузов разного уровня готовности. К тому же все равно любой работодатель, в том числе и европейский, при наличии диплома европейского образца не ограничится взглядом на документ, а будет смотреть не только на самого выпускника, но и на реальный рейтинг подготовившего его российского вуза.

Другая инструментальная ценность государственное стимулирование вузов в их усилиях по включению в Болонский процесс. Такое стимулирование в России пока трудно заметить, если оно вообще есть. Во всяком случае, на важнейшем уровне взаимодействия со студентами уровне преподавателей - ничего не видно. Требуемая сегодня громадная по объему содержательная и методическая перестройка читаемых курсов традиционно продолжает входить в разряд работ, которые в вузе фактически не оплачиваются. Впрочем, и оплачивать ее было бы не обязательно при условии достойной зарплаты преподавателей, доцентов и профессоров. Трудно ожидать от человека, вынужденного искать подработку в своем вузе или на стороне, серьезных усилий по модернизации читаемой дисциплины, учитывая, что он все равно знает свой предмет лучше любого контролирующего его лица. Чистое административное давление ведет лишь к имитации подключения к высоким современным требованиям (кто сами контролирующие и каков уровень их собственной подготовки?). И подобная имитация будет «качественно» осуществлена, учитывая давно сложившиеся навыки взаимодействия высококвалифицированных российских

профессиональных групп с чиновниками различных уровней властной вертикали. В общем и целом вузовские профессионалы «обыграют» чистых управленцев на поле согласования терминальных и инструментальных ценностей применительно к Болонскому процессу. Но выиграет ли от этого образовательный процесс?!

выстроенную эффективную систему стимулирования вузов государство могло бы решать много задач: контролировать номенклатуру специальностей (направлений подготовки), количество студентов, преподавателей и даже самих учебных заведений, обеспечивать там, где необходимо, конкуренцию всех участников образовательного процесса и т. п. То есть вместо тотального «подталкивания» лучше создать такую среду образовательного процесса, в которой сами вузы, не только их руководство, но также преподаватели и студенты, будут стремиться войти в Болонский процесс. Создание подобной системы стимулирования - это, конечно, уже «высший пилотаж» государственного менеджмента, что хотелось видеть хотя бы в перспективе.

Из всего изложенного вытекают по меньшей мере три вывода.

Противоречия терминальных и инструментальных ценностей в государственной политике в области образования неизбежно ведут к бумажной и терминологической имитации реформирования. И в сложившейся ситуации больше надежд на сами вузы, которые, вопреки не всегда внятной политике государства, будут самостоятельно и эффективно действовать в процессе вхождения в Болонский процесс.

Практическое направление решений сегодняшних российских проблем — в создании на государственном уровне серьезной системы стимулирования самих вузов, затрагивающей решающее звено образовательного процесса (студент — преподаватель — кафедра) в его подключении к ценностям Болонского процесса. В данный момент времени в

этом звене вообще мало знают о сути последнего.

На данном этапе реформирования системы образования социологический подход способен обеспечить тот общий, «панорамный» взгляд на весь процесс, без которого все элементы реформ будут «рассыпаться» по фрагментам, не приводя к построению целостной картины. А такая картина чрезвычайно нужна для принятия конструктивных решений как на государственном, так и на вузовском уровне.

Литература

- [1] Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // Toward a General Theory of Action / Ed. by T.Parsons, E.Shils. Cambridge, 1951.
- [2] Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y., 1973.
- [3] Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России. Результаты мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (1990-2002гг.) // «Мир России». № 4. 2003.

Трибуна ученого 41

Баязитова София Александровна

аспирантка кафедры истории и культурологии Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена вопросам развития и применения гендерного подхода в исследованиях. Автор делает вывод о том, что гендерный подход развивается как феминистская критика основных направлений социологии. На современном этапе гендерные исследования в области социологии сталкиваются с теми же проблемами, что и социологическое знание в целом, а именно: с проблемой соотношения уровней структур и действия, с полемикой символического интеракционизма и этнометодологии, с одной стороны, и структурализма и функционализма — с другой.

Ключевые слова: гендер, гендерный подход, поло-ролевой подход, гендерное неравенство.

Исследование гендерных отношений постепенно становится неотъемлемой частью большинства социальных и гуманитарных наук, при этом разные науки и научные сообщества обладают разной степенью заинтересованности к включению гендерной тематики в свое интеллектуальное поле. Наиболее популярными в изучении гендера остаются антропология, психология, социология, отчасти филология и философия; гендерно не заинтересованными - политология, история, экономика. Можно согласиться со следующим утверждением: «В России среди сложившихся обществоведческих дисциплин наиболее интенсивно в последние годы осваивает гендерную проблематику именно социология, достаточно очевидным является то, что самое интенсивное распространение гендера происходит через социологию» [1].

Западная социология инкорпорировала гендерный подход в свои дисциплинарные рамки. Сформировалось также отдельное направление феминистской социологии. Российская социология в настоящее время находится в стадии включения гендерного подхода в теорию, методологию и в область эмпирических исследований. Развитие гендерного подхода в российской социологии предполагает социологически информированный анализ становления

гендерных исследований на Западе. Необходимо обозначить схему развития теоретических представлений о социологии гендерных отношений, рассмотреть, каким образом гендерные отношения осмысливались в классических и постклассических социологических теориях, вошедших в так называемое основное русло социологического знания. Затем необходимо изложить представление о сути гендерного подхода в социологии.

Всякая социологическая теория предполагает некоторую интерпретацию социально организованных отношений между полами. Обсуждение мужественности и женственности и их соотношения мы можем найти у Маркса и Дюркгейма, Зиммеля и Парсонса, Хабермаса и Бурдье, Гидденса и Лумана, Гофмана и Гарфинкеля. В рамках классической и постклассической социологии вплоть до середины 1970-х гг. термины «гендер» и «гендерные отношения» не употреблялись, интересующая нас область социальной реальности анализировалась в терминах отношений межу полами.

Логика марксистской социологии при всех вариантах приводит исследователей к утверждению, что гендерные отношения, т. е. отношения между полами, — это один из аспектов производственных отношений, которые мыслятся как отношения эксплуа-

тации. При этом разделение труда между мужчиной и женщиной рассматривается как первичное, необходимое для существования человеческого рода.

Эмиль Дюркгкейм связывает изменение положения полов с общественным разделением труда и развитием цивилизации. В результате социального развития, считает Дюркгейм, «один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой — интеллектуальными». В основании диссоциации функций находятся «дополняющие друг друга различия».

Колоссальное влияние на осмысление отношений между полами в социологической мысли имели труды Талкотта Парсонса, особенно совместная монография Парсонса и Бэйлза [3]. Этот подход стал парадигмальным, получив название полоролевого. Согласно ему, женщина выполняет экспрессивную роль в социальной системе, мужчина – инструментальную. Экспрессивная роль означает, говоря современным языком, осуществление заботы, эмоциональной работы, поддержание психологического баланса семьи. Эта роль – монополия домашней хозяйки, сфера ответственности женщины. Инструментальная роль заключается в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами, это роль добытчика, защитника. Типы ролевого поведения определяются социальным положением, ролевые стереотипы усваиваются в процессе интериоризации норм, или ролевых ожиданий. Правильное исполнение роли обеспечивается системой поощрений и наказаний (санкций), положительных и отрицательных подкреплений. При этом исходным основанием полоролевого подхода является имплицитное признание биологического детерминизма ролей, отсылающее к фрейдистскому представлению о врожденных мужском и женском началах.

Поло-ролевой подход оказался настолько востребованным, что и в его рамках, и за его пределами вплоть до настоящего времени используются понятия мужской и женской роли. Данный подход стал общим местом научных и повседневных обсуждений мужского и женского. Как указывает австралийский социолог Роберт Коннелл [4], биологическая дихотомия, лежащая в основе теории ролей, убедила многих теоретиков в том, что в отношения полов не включают измерения власти, «женская» и «мужская» роли молчаливо признаются равнозначными, хотя и разными по содержанию.

Обратимся к положениям драматургического интеракционизма Ирвина Гофмана [5]. Половые различия рассматриваются им с точки зрения социального взаимодействия, предоставляющего индивидам средства для выражения их гендерной идентичности. Социология практически всегда включала в свое поле рассмотрение отношений полов, которое зависело от общего теоретического подхода, пол при этом интерпретировался как «аскриптивный», или приписанный, статус. Гендерный подход сформировался как критика представлений классической социологии о природе отношений между полами. Гендерные отношения рассматриваются как социально организованные отношения власти и неравенства.

Термин «гендерный подход» возникает в социологии в 1970-е гг. Он формируется как оппозиция исследованиям отношений между полами. Под гендерным подходом в социологии мы понимаем анализ отношений власти, организованных на основании культурно-символического определения пола. Культурно символическое определение пола (то, что называется гендером) - это комплексная характеристика статуса, которая возникает на пересечении множества признаков индивида или группы. Таким образом, гендерный подход представляет собой вариант стратификационного подхода, в нем всегда присутствует тезис о неравном распределении ресурсов по признаку приписанного пола, об отношениях господства-подчинения, исключения-признания людей, которых общество относит к разным категориям пола. Гендер становится «полезной» многоуровневой категорией социального анализа, которая «работает» на уровне анализа идентичности, межличностных отношений, системном и структурном уровнях.

Гендерный подход на Западе разрабатывается в 1970-е гг. как когнитивная практика женского движения второй волны и как критика социальной теории и потому во многом определяется закономерностями развития последних. Исследования опираются на адаптирование социальной теории к проблематике социальных отношений между полами. При этом основное русло социологии критикуется за то, что выстраивается из рефлексии опыта публичной сферы, где доминировал в течение всего периода модернизации мужской опыт.

В марксистской феминистской традиции неравенство материальных ресурсов и жизненных возможностей мужчин и женщин рассматривается как структурно обусловленное (капитализмом и/или патриархатом), а сами «женщины» и «мужчины» - как относительно недифференцированные категории, иногда - как «социальный класс». Отношения между категориями – это отношения неравенства и эксплуатации (патриархата), при которых женщины как класс дискриминированы в публичной сфере. Структуралистские концепции, адаптированные такими феминистскими теоретиками, как Джульетт Митчелл и Гейл Рубин [6], исходят из того, что положение индивида определяется его положением в структурной оппозиции «мужчина – женщина». Инкорпорируя в анализ поло-родовых отношений и сексуальности идеи Маркса-Энгельса и К. Леви-Стросса, политэкономию и структурализм, Г. Рубин вводит понятие поло-гендерной системы. Это понятие стало одним из основных в гендерном подходе. Согласно Г. Рубину, «в каждом обществе существует система «пол/гендер» (sex/gender system) определенная организация, посредством которой биологический «сырой материал» половой жизни и воспроизводства

человека подвергается человеческому, социальному вмешательству и приобретает определенные конвенциональные формы». Иными словами, поло-гендерная система — это набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности и в рамках которых эти преобразованные сексуальные потребности удовлетворяются.

Второй шаг феминизма заключается в выдвижении концепции «двойной системы» угнетения женщин в современном обществе. Капитализм и патриархат – это параллельно действующие системы, которые создают структурные факторы гендерного неравенства. Главная мысль этой теории заключается в том, что капитализм и патриархат являются отличными друг от друга и равно всеобъемлющими системами социальных отношений, которые сталкиваются и взаимодействуют между собой. В результате наложения двух систем эксплуатации возникает современный общественный порядок, который может быть назван «капиталистическим патриархатом». Анализ гендерных отношений требует самостоятельной теории, логически независимой от классовой.

Феминистки переосмысливают также и функционалистский поло-ролевой подход. Так, либеральный феминизм (одно из направлений феминистской мысли), критикуя, адаптирует положения парсонсианства (в том числе о напряжении половых ролей и кризисе американской семьи), используя их для анализа угнетения женщин и мужчин предписанными традиционными ролями. Феминистский подход в этом своем варианте остается структурнофункционалистским. Примерами такого варианта гендерного подхода являются исследования по андрогинии Сандры Беем [7], которая разработала методику измерения степени маскулинности и фемининности, книга Б. Фридан «Загадка женственности» [8] и многочисленные последующие феминистские исследования, которые используют понятия социализации, роли и

статуса для интерпретации различий положения женщин и мужчин в обществе. Согласно этой позиции, поведение мужчин и женщин различно, поскольку оно соответствует разным социальным ожиданиям. Исследователи показывают, как эти ожидания воспроизводятся такими социальными институтами, как школа, семья, профессиональное сообщество, средства массовой информации. Изменяющиеся ожидания становятся главной темой обсуждения социальных ролей в этом варианте гендерного подхода. Роли, предписанные представителям разного пола, перестают рассматриваться как взаимодополняющие, делается акцент на их иерархию и отношения власти.

Поворот исследовательского интереса от уровня структур к уровню действий, к повседневности, социологии позволил феминистским теоретикам инкорпорировать идеи социального конструирования реальности в анализ гендерных отношений. Драматургический интеракционизм и этнометодология вписываются в русло «социально-конструктивистского поворота» в социальных науках и радикализируются в гендерных исследованиях. В этой перспективе гендер понимается как социально-сконструированное отношение, связанное с категоризацией индивидов по признаку пола. Микросоциология концентрирует внимание на уровне повседневных взаимодействий, посредством которых производятся разные гендерные отношения в разных культурах.

Теория социального конструирования гендера основана на различении биологического пола и социальной категории принадлежности к полу. Гендер определяется как работа общества по приписыванию пола, которая производит и воспроизводит отношения неравенства и дискриминации. «Женщины» (как и «мужчины») более не рассматриваются как недифференцированные категории, напротив, категория различия становится основной в определении женственности и мужественности.

Различия задаются через контексты возраста, расы и сексуальной ориентации.

Социологи-конструктивисты обращаются к тому, как воспроизводится гендерное неравенство в повседневном взаимодействии «здесь и сейчас». Американские феминистские социологи Кэндес Уэст и Дон Зиммерман [10] утверждают, что создание гендера происходит постоянно во всех институциональных ситуациях на микроуровне. Вслед за Ирвином Гоффманом они считают, что отнесение индивидов к той или иной категории по признаку пола является существенно значимым для социально компетентного «подотчетного» поведения. Успешная коммуникация опирается, как правило, на возможность однозначной идентификации пола собеседника. Однако, категоризация по признаку пола далеко не всегда однозначна и не обязательно соответствует биологическому полу индивида. Приписывание пола происходит согласно правилам создания гендера, принятым в данном обществе, и выражается в гендерном дисплее. Понятие гендерного дисплея используется авторами для утверждения социальной сконструированности не только гендерных различий, но и биологического пола.

Итак, гендерный подход развивается как феминистская критика основных направлений социологии. Однако под влиянием феминистской критики в настоящее время в западной социологии произошли такие изменения, которые уже не позволяют отделить тематику отношений полов от собственно гендерного подхода. В настоящее время гендерные исследования в области социологии сталкиваются с теми же проблемами, что и социологическое знание в целом, а именно - с проблемой соотношения уровней структур и действия, с полемикой символического интеракционизма и этнометодологии, с одной стороны, и структурализма и функционализма – с другой. Варианты решения этой проблемы мы можем найти в объединительной парадигме, вслед за сторонниками которой (такими, как П. Бурдье и А. Гидденс) в

рамках гендерных исследований осуществляется попытка сочетания уровней структур и действия. Попытку концептуализировать гендерные отношения в рамках объединительной парадигмы делает австралийский социолог Роберт Коннелл. Анализ практик позволяет исследовать, как через социальные взаимодействия на микроуровне осуществляется конструирование социальных отношений. Анализ структур дает возможность исследовать ограничения макроуровня, которые являются условиями осуществления практик. В рамках данного подхода гендерные отношения рассматриваются как процесс; структуры складываются исторически, а способы структурирования гендера многообразны и отражают господство разных социальных интересов.

Литература

- [1] Клецин А. Дилеммы гендерной социологии // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках / Под ред. Жеребкиной И. Харьков, 1998.
- [2] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Изд. 2. Т. 3. М, 1980.

- [3] Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. NY: The Free University Press, 1955.
- [4] Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. СПб., 2000.
- [5] Goffman E. Frame Analysis of Gender. From «The Arrangment Between the Sexes» // Goffman Reader. Lemert C. and Branaman A. (eds.) Blackwell Publ, 1997.
- [6] Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. СПб., 2000.
- [7] Bem S. Gender Schema Theory // Sings. Vol. 8. N 4. 1983.
- [8] Фридан Б. Загадка женственности [Текст]. М., 1994.
- [9] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
- [10] Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Труды Санкт-Петербургского филиала ИС РАН. СПб., 1997.

Егорышев Сергей Васильевич

доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и практике НОУ ВПО «Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия»

ПУТИ СОЗДАНИЯ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И НАСЕЛЕНИЕМ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности сотрудничества правоохранительных органов и органов внутренних дел с населением с целью обеспечения общественной безопасности. Подчеркивается роль государства, всего человеческого сообщества и каждого индивида в создании механизмов совместной деятельности. На основе зарубежного и отечественного опыта предложены новые направления взаимодействия и механизмы сотрудничества правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, общественная безопасность, безопасность человека, преступность.

В последние годы в стране усилиями государственных органов и формирующегося гражданского общества создаётся новый механизм взаимодействия правоохранительных органов и, прежде всего, органов внутренних дел с населением с целью обеспечения общественной безопасности. Формируются и результативно работают различные общественные объединения правоохранительной направленности. Однако значимость решения задачи преодоления преступности и обеспечения общественной безопасности требует более широкого участия гражданского общества и населения.

Общественная безопасность проявляется и обеспечивается на трех уровнях: безопасность человека, безопасность общества и безопасность государства. Фундаментальной здесь является категория «безопасность человека», которая в докладе Комиссии по безопасности человека ООН определяется следующим образом: «Безопасность человека расширяет фокус от безопасности границ до жизни людей и групп населения внутри и за пределами границ. Идея заключается в том, чтобы были защищены люди, а не только террито-

рии внутри границ против внешней агрессии. И в отличие от традиционных подходов, наделяющих государство полной ответственностью за государственную безопасность, процесс безопасности человека включает в себя более широкий спектр действующих лиц и институтов — в особенности самих людей... Безопасность человека касается скорее индивидуумов и сообщества, нежели государства, достижение безопасности человека включает не только защиту людей, но наделение людей полномочиями полагаться на самих себя» [1, с. 11-13].

Указанное положение имеет в плане рассматриваемой нами проблемы важное значение, т к. подчеркивает роль и значение не только государства в обеспечении безопасности, но и роль и значение в этом человеческого сообщества – части социума вообще и, в частности, социума в пределах государственных границ, роль и значение самого человека.

Следовательно, и пути создания механизма совместной деятельности по обеспечению общественной безопасности пересекаются на трех уровнях: (1) государственный, включая межгосударственное со-

Трибуна ученого 47

трудничество правоохранительных органов в борьбе с преступностью; (2) общественный, на котором и проявляется сфера взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества и общественными формированиями правоохранительной направленности; (3) личностный, предполагающий осуществление каждым гражданином правопослушного поведения, проявления открытого неприятия социальных отклонений и активного противодействия им (и в общественной правоохранительной деятельности).

Вполне естественно, что путей создания современного механизма взаимодействия органов внутренних дел через активное и разностороннее взаимодействие с институтами гражданского общества и населением достаточно много. Некоторые из них выглядят сегодня лишь теоретически возможными, ибо для их реализации не сложились еще благоприятные условия. Но вполне определенная часть этих путей уже налицо, она представлена в зарубежном и в отечественном опыте прошлого и настоящего, для их реализации в настоящее время имеются благоприятные условия. В связи с этим остановимся тезисно на характеристике некоторых из этих путей.

В условиях современной России при выстраивании нового механизма взаимодействия органов внутренних дел с общественностью, и в этом проявляется существенная особенность, инициатива преимущественно принадлежит государству и его правоохранительным органам. Эта инициатива, например, проявилась при создании общественных советов при управлениях и министерствах внутренних дел, общественных формирований правоохранительной направленности. Но и со стороны общества эта инициатива тоже есть, и отрицать ее нельзя.

Следовательно, выявляя и анализируя пути создания механизма взаимодействия органов внутренних дел с гражданским обществом, необходимо иметь

в виду два источника этих путей: 1) государство и 2) гражданское общество, население. Поэтому какой бы из этих путей не рассматривался, в каждом из них присутствуют в той или иной мере инициатива и потенциал государства и инициатива и потенциал гражданского общества.

В числе одного из таких значимых сегодня путей выступает назревшая необходимость законодательного обеспечения взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества и общественностью. На сегодняшний день в стране правовая регламентация участия общественности в борьбе с преступностью все еще отстает от потребностей практики. Отсутствует единый общефедеральный закон, регламентирующий взаимодействие органов внутренних дел с гражданским обществом и населением. В действующих на сегодняшний день законодательных актах обозначены отдельные аспекты подобного взаимодействия. В частности, в Законе РФ «О милиции» закреплено: «Милиция решает стоящие перед ней задачи во взаимодействии с другими государственными органами, общественными объединениями, трудовыми коллективами и гражданами» (ч.2 ст.3) [2]. Но в чем, в каких формах и пределах заключается это взаимодействие - не раскрывается.

В Федеральном Законе РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» статья 17 посвящена содействию граждан оргаосуществляющим оперативнорозыскную деятельность. В ней говорится: «Отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности сотрудничества с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту» [3]. Широкое же участие общественности в оказании содействия органам внутренних дел в этих законах не регламентируется. Не раскрывается в существующих законах понятие и содержание общественной правоохранительной деятельности, несмотря на то, что она уже стала фактом.

Общественные формирования правоохранительной направленности работают сегодня преимущественно в региональном правовом поле, которое существенно различается в зависимости от финансовых возможностей каждого конкретного субъекта Российской Федерации.

Во всех субъектах Федерации для создания и регулирования деятельности общественных формирований и осуществления населением общественной правоохранительной деятельности приняты соответствующие нормативно-правовые акты органов законодательной и исполнительной власти, а в 60 субъектах – законодательные акты. Например, в Тюменской области – Закон от 30 ноября 2001г. «Об участии жителей Тюменской области в обеспечении общественного порядка» и Постановление губернатора от 12 июля 2004г. «Об утверждении Положения о народных дружинах по обеспечению охраны общественного порядка»; в Челябинской области – Долгосрочная программа сотрудничества ГУВД области и окружного казачьего общества по взаимодействию в сфере обеспечения общественного порядка на территории Челябинской области; во Владимирской области – Указы губернатора от 14 июня 2002г. «Об участии населения в охране общественного порядка» и от 4 ноября 2003г. «О мерах по улучшению работы общественных объединений, участвующих в охране правопорядка»; в Кабардино-Балкарии - Закон от 26 июня 2004г. «Об участии граждан в осуществлении охраны общественного порядка»; в Республике Тыва – Закон от 11 марта 2003г. «Об участии граждан в охране общественного порядка на территории Республики Тыва»; в Республике Башкортостан - Закон от 28 июля 1997г. «Об общественных органах правоохранительного характера в Республике Башкортостан»; в г. Москве - Закон г. Москвы от 28 марта

2001г. «Об участии жителей Москвы в охране общественного порядка».

Необходимо подчеркнуть, что в ряде регионов принятые законодательные акты были конкретизированы дополнительными нормативными документами. Так, например, в Республике Башкортостан приняты и действуют утвержденные постановлением Кабинета Министров РБ от 7 июля 1998г. «Положение о социально-профилактическом центре по месту жительства граждан», «Положение о рабочих отрядах содействия милиции» и «Типовое положение о совете профилактики трудового коллектива». 23 марта 1998г. принят Закон «О государственной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав».

Что же касается общефедерального уровня, то разработанный ещё в 1997г. Федеральный закон «Об участии граждан Российской Федерации в обеспечении правопорядка» [4] и ряд последующих проектов редакций этого закона всё ещё не приняты.

Это, по всей вероятности, свидетельствует об активных дискуссиях между сторонниками и противниками этого закона, хотя очевидно, что глубоко заблуждается тот, кто думает, что избавить общество от преступности могут лишь правоохранительные органы.

В действующей редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 10 января 2000г., также записано, что решения и меры, принимаемые органами государственной власти в области борьбы с преступностью, должны опираться на поддержку общества [5]. Но чтобы задействовать все ветви государственной власти, весь потенциал гражданского общества, обеспечить повсеместную деятельную помощь населения в правоохранительном деле, соответствующие международные, общенациональные и региональные правовые положения, они должны быть полностью трансформированы в единый нормативно-правовой массив России, регулирующий борьбу с преступностью, который мог быть представлен в Федеральном Законе «Об участии граждан в обеспечении правопорядка» или «Об общественной правоохранительной деятельности».

Восполняя в какой-то мере этот правовой пробел и определяя основные направления своей работы по взаимодействию с общественностью, МВД России в январе 2009г. утвердило Концепцию совершенствования взаимодействия подразделений МВД РФ со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2009-2014гг. Однако Концепция не является законом.

Работа по совершенствованию законодательной основы взаимодействия органов внутренних дел и общественности, которая осуществляется гражданами непосредственно или через институты гражданского общества, выводит на необходимость законодательного, а главное, практического решения весьма важной проблемы обеспечения надежной правовой и социальной защиты лиц, содействующих органам внутренних дел, суда и прокуратуры.

В числе наиболее перспективных, а в последующем и действенных путей создания современного механизма взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества и населением необходимо считать сотрудничество с органами местного самоуправления. Опыт такого взаимодействия имеется в истории России советского периода, есть он и в зарубежных странах.

Федеральное и региональное законодательство о местном самоуправлении к вопросам местного значения относит и охрану общественного порядка, что предполагает обеспечение общественной безопасности на улицах, в транспорте и иных общественных местах. Кроме того, закрепляя за органами местного самоуправления функцию охраны общественного порядка, законодатель относит

к ведению муниципальных образований организацию и содержание муниципальных органов охраны общественного порядка, осуществление контроля за их деятельностью [6, 7].

Взаимодействие органов внутренних дел в лице милиции общественной безопасности или местной милиции с органами местного самоуправления, а через них и с населением территориальных образований, осуществляется по целому ряду направлений, которые и содержат в себе еще не реализованный полностью потенциал роста эффективности подобного взаимодействия.

Во-первых, органы местного самоуправления призваны создавать необходимые условия для работы местной милиции: финансировать ее деятельность, формировать кадровый состав, осуществлять материально-техническое обеспечение, привлекать население к оказанию поддержки милиции.

Во-вторых, взаимодействие органов внутренних дел, осуществляющих свою деятельность на территории того или иного муниципального или территориального образования, с общественностью строится также через представительные органы местного самоуправления, в ведении которых находятся вопросы принятия общеобязательных правил по предметам ведения муниципального образования, включая общественную безопасность.

В-третьих, такие формы осуществления местного самоуправления, как местный референдум, собрания (сходы) граждан, могут прямо влиять на обеспечение безопасности на местном уровне. Кроме того, граждане имеют право на индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления и к должностным лицам по вопросам личной и общественной безопасности [8].

В-четвертых, представительные органы местного самоуправления вправе создавать постоянные депутатские ко-

миссии по вопросам обеспечения общественного порядка, соблюдения прав и свобод граждан, формировать добровольные общественные образования правоохранительной направленности, используя для этого различные организационно-правовые формы.

При органах местного самоуправления в решении задач по обеспечению общественного порядка участвуют административная и наблюдательная комиссии, комиссия по делам несовершеннолетних и другие. Задача состоит в придании их работе системного характера.

Весьма эффективным путём взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества и населением в современных условиях призвано стать сотрудничество со СМИ.

Следует отметить, что сама по себе эта проблема не нова. И в дореволюционный, и в советский периоды отечественной истории правоохранительные органы использовали средства массовой информации для решения ряда служебных задач. Но в силу сложившихся, особенно в советское время, социальнополитических условий взаимодействие органов охраны правопорядка со СМИ носило преимущественно односторонний характер. СМИ не могли позволить себе критику в адрес силовых структур государства, сделать предметом гласности те или иные негативные явления, имевшие место в милицейской среде, да и сами органы внутренних дел не стремились к открытости, к объективному освещению своей работы в средствах массовой информации.

С демократизацией общественной жизни и с появлением независимых СМИ органы внутренних дел сделали важный шаг навстречу гласности, стали более открытыми для общественности и многие стороны их работы. В последние годы тесное сотрудничество органов внутренних дел и средств массовой информации стало приоритетным направлением. Об этом, в частности, свидетельствует соз-

дание в ноябре 2008г. Координационного центра МВД России по вопросам деятельности общественных советов, созданных и функционирующих в органах внутренних дел всех уровней, а также утверждение уже упомянутой «Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2009-2014 годы». Новая Концепция, несомненно, придаст содержательность и целостность сотрудничеству органов внутренних дел с гражданским обществом, включая СМИ, а Координационный совет позволит упорядочить процесс взаимодействия, придать ему системный характер, выработать новые эффективные формы совместной деятельности. В настоящее время взаимодействие органов внутренних дел со СМИ реализуется по целому ряду направлений, интенсивность и результативность которых весьма различна.

Одним из таких направлений выступает решение конкретных оперативнорозыскных, следственных и других служебных задач посредством обращения в СМИ с информацией о розыске лиц, совершивших преступления, о без вести пропавших, о возможных свидетелях дорожно-транспортных происшествий и преступлений и другое.

Следующим направлением является профилактика правонарушений и преступлений, повышение степени осведомленности населения о конкретных способах предупреждения тех или иных видов преступлений, информирование граждан о действиях в случае реальной опасности стать жертвой преступления, поощрение общественной активности граждан в сфере охраны правопорядка. Это направление связано с активной виктимологической пропагандой в СМИ, которая крайне необходима сегодня.

Подобная практика широко распространена в ряде зарубежных государств.

Трибуна ученого 51

Этот опыт с учётом отечественных специфики и возможностей может быть широко использован, ибо содержит в себе большой потенциал взаимодействия правоохранительных структур и гражданского общества.

Третье направление взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации связано с формированием собственного престижа и повышением своего авторитета. Здесь используются такие формы, как предоставление журналистам информации о результатах деятельности органов внутренних дел и их подразделений (на использование этой формы указали 22,0% опрошенных нами сотрудников милиции в среднем по России и 16,0% по Башкортостану), своевременная передача средства массовой информации сообщений о преступлениях и чрезвычайных происшествиях для предотвращения паники, страха, ложных слухов (соответственно 27,0% по России и 28,0% по Башкортостану), проведение правовой пропаганды (соответственно 26,5% и 18,0%).

Тем не менее, следует еще раз подчеркнуть неоднократно высказываемое суждение о том, что в общественном сознании сформировался и сохраняется «информационный образ» как преступности, так и органов внутренних дел. Причем этот образ носит гипертрофированный негативный характер. Так, в ходе проведенных нами социологических исследований было установлено, что только 17,4% опрошенных сотрудников в 2004г., 13,2% – в 2005г. и 19,4% – в 2008г. оценили как справедливые большинство критических высказываний и оценок СМИ в адрес органов внутренних дел. Соответственно, 50,9%, 50,9% и 60,9% опрошенных признают справедливой лишь небольшую долю критики.

По данным заместителя министра внутренних дел России Н.А. Овчинникова, из 734 тысяч материалов о деятельности органов внутренних дел, опубликованных в центральных и региональных

СМИ в 2008г., около 35% носили позитивную окраску. 522 публикации содержали критический материал [9].

В этой ситуации информационноаналитические группы и пресс-службы органов внутренних дел должны взять на себя инициативу оперативного реагирования на критику, указывать на ее конструктивные или необоснованно порочащие стороны, а не делать вид, что ничего страшного не происходит.

В последние годы органы внутренних дел налаживают и другие каналы обратной связи с населением. Примерами могут служить телефоны доверия и «горячие пейджеры», используя которые граждане могут оперативно передать информацию о готовящемся или совершенном преступлении, а также о нарушениях со стороны сотрудников органов внутренних дел. 40,2% опрошенных нами граждан считают, что телефоны доверия и «горячие пейджеры» способны улучшить коммуникационную связь населения и милиции, и примерно столько же -37,4% полагают, что эта способность проявляется лишь отчасти. Но это, как говорится, умозрительные суждения, т. к. в ходе опроса выяснилось, что 77,7% респондентов этими коммуникационными средствами не пользовались.

Таким образом, взаимодействие органов внутренних дел с институтами гражданского общества и населением посредством СМИ и других коммуникационных средств предполагает два направления реализации и развития: 1) со стороны органов внутренних дел, использующих все возможные каналы коммуникации с общественностью и гражданским обществом в деле профилактики преступности, повышения правовой культуры общества и повышения собственного авторитета, и 2) со стороны СМИ, особенно независимых, которые должны формировать социально-значимый, позитивный образ органов внутренних дел и их сотрудников; полно и объективно информировать население; отказаться от использования информационного ресурса для манипулирования массовым сознанием.

В свете содержания Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы МВД со СМИ и общественными объединениями на 2009-2014 годы эти направления получат дальнейшее развитие.

Если прежняя Концепция, рассчитанная на 2005-2008 годы, ориентировала на строительство эффективной системы трёхстороннего информационного взаимодействия между органами внутренних дел, СМИ и общественностью и основной целью определяла максимально возможную в рамках, не противоречащих закону, открытость МВД для общественности и распространение достоверной информации о деятельности Министерства и его структур, то новая Концепция делает акцент на эффективную пропагандистскую деятельность, направленную на преодоление правового нигилизма, оперативное реагирование на критику в СМИ и информирование об устранении недостатков, активное использование социальной рекламы и современных информационных технологий.

Несмотря на то что в регионах страны идет активный процесс создания добровольных общественных формирований правоохранительной направленности, отражающийся в воссоздании ряда старых, в поиске и внедрении новых форм участия граждан в охране общественного порядка, сама эта работа, а также деятельность этих формирований, имеет резервы эффективности. Прежде всего, речь идет о том, чтобы этот начавшийся процесс не превратился в очередную шумную кампании. А симптомы этого явления уже имеются. Свидетельством этому является чрезмерная активность администраций ряда муниципальных образований в организации различных общественных формирований содействия органам внутренних дел.

Выстраивая новый механизм взаимодействия общественности с органами

внутренних дел, необходимо учитывать, что нынешние российские реалии многом отличаются от условий, имевшихся в советский период отечественной истории. Произошли изменения в менталитете россиян, которые сегодня во многом по-иному воспринимают и оценивают содержание понятий «добровольность». «готовность», «обязанность», «социальная значимость». Неслучайно поэтому на фоне растущей готовности граждан содействовать в той или иной форме работе органов внутренних дел (в 2008г. – 72,3% опрошенных по РБ и 85,0% – по РФ) 46,7% опрошенных в Республике Башкортостан связывают эту готовность с наличием определенных обстоятельств, в числе которых и материальное поощрение работы в составе добровольных дружин за оказание помощи в изобличении преступника, и т. п. И если 58,4% респондентов одобряют идею создания общественных формирований типа добровольных народных дружин, то при этом 24,9% опрошенных убеждены в том, что эти дружины должны работать на качественно новой – платной основе.

Вопрос материального поощрения за содействие органам охраны правопорядка сегодня в нашей стране становится актуальным и поэтому широко обсуждаемым.

Не менее значимым является вопрос об оптимальной численности добровольных общественных формирований правоохранительной направленности, позволяющей организовывать и проводить эффективную работу.

Вполне естественно, что формироваться добровольные народные дружины, другие общественные организации подобного типа должны по принципу необходимой и разумной достаточности, т. к. всегда присутствует желание придать этому процессу массовый, масштабный характер. Каждое общественное формирование в зависимости от его разновидности может иметь свою численность, которая определится практикой. Но уже сегодня имеющийся в органах внутренних

Трибуна ученого 53

дел опыт свидетельствует, что для организации эффективной работы, например, участкового уполномоченного милиции актив его помощников должен насчитывать от 10 до 25 человек [10, с. 14].

Говоря об общественных формированиях правоохранительной направленности, помимо их массовых форм, на наш взгляд, следует развивать специализированные объединения граждан, состоящие из специалистов различных отраслей народного хозяйства, с тем чтобы в той или иной мере снять противоречия между профессиональными и общественными началами в правоохранительной деятельности, которые неизбежно возникают во взаимодействии органов внутренних дел с населением. Например, водители и автомастера высокой квалификации могут активнее участвовать в содействии подразделениям ГИБДД по обеспечению безопасности дорожного движения и безаварийной эксплуатации автотранспорта не только в качестве общественных инспекторов, но и при проведении технического осмотра автомобильного парка, экспертизе дорожнотранспортных происшествий, состояния дорог и подъездных путей, при подготовке и переподготовке водительского состава и т. п. Опыт работы таких специализированных дружин по линии ГИБДД имеется, например, в Екатеринбурге. Полезными для органов внутренних дел (начиная с уровня УВД и выше) могут быть группы консультантов, состоящие из высококвалифицированных специалистов различных отраслей знания, связанных с предметом деятельности органов внутренних дел (врачи, педагоги, социологи, психологи и др.).

Наиболее уязвимым местом в настоящее время является работа по профилактике правонарушений среди подростков и молодежи в учебных заведениях и по месту жительства. Сегодня работа подразделений по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных милиции нуждается в действенной поддержке населения.

Здесь могут оказать помощь студенческие оперативные отряды или студенческие отряды охраны общественного порядка, опыт результативной работы которых имеется в Нижнем Новгороде, Костроме, Томске и в других городах и регионах.

Активизация общественного начала в деле обеспечения общественной безопасности не обязательно должна осуществляться только в рамках деятельности государственных органов и, в частности, органов внутренних дел. Она может реализоваться через советы общественности при жилищно-эксплуатационных управлениях, через родительские комитеты средних образовательных и специальных учебных заведений, объединения граждан, созданные на базе депутатских групп в микрорайонах.

Следует отметить еще и такую форму взаимосвязи профессиональных и ответственных начал в деятельности органов внутренних дел, как усиление общественного контроля за их работой. 62,7% граждан, опрошенных нами в 2009 году, видят в установлении такого контроля действенное средство для укрепления общественного порядка и усиления борьбы с преступностью.

Одним из путей создания нового механизма взаимодействия органов внутренних дел с общественностью и институтами гражданского общества, а также фактором результативности работы самих органов внутренних дел, как свидетельствует мировая практика, является использование опыта и знаний ветеранов правоохранительных органов.

Сегодня не везде их потенциал используется в полной мере. Этому направлению работы не уделяется постоянного внимания, хотя практически во всех подразделениях остро стоит проблема подготовки молодых кадров. Учитывая примеры положительных результатов участия милиционеров-пенсионеров в

обучении и становлении молодых специалистов, целесообразно поддерживать как возмездное, так и безвозмездное участие ветеранов в обучении и воспитании начинающих сотрудников. Мнение советов ветеранов будет не лишним и при решении кадровых вопросов.

Необходимо выстраивать взаимодействие органов внутренних дел с профсоюзами и политическими партиями. Несмотря на то что по закону органы внутренних дел деполитизированы и департизированы, а партийный политический спектр в стране еще до конца не определен, тем не менее, уже состоявшиеся и имеющие авторитет и влияние политические партии, такие, как «Единство», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, могут через свои организации на местах, через молодежные организации, через активных членов наладить рядовых взаимодействие с органами внутренних дел обеспечению общественной безопасности. Это взаимодействие может включать в себя законодательную инициативу фракций этих партий в Государственной Думе, организационноправовое обеспечение деятельности общественных формирований правоохранительной направленности, моральную, информационную и финансовую поддержку этих формирований, работу по повышению В обществе политикоправовой культуры, преодолению социальных девиаций, работу с «трудными» подростками, ветеранами, с гражданами по месту жительства, организацию досуга молодежи. Политическая и идеологическая работа партий должна быть направлена не на влияние на сотрудников органов внутренних дел с целью завоевания их голосов в ходе выборов, а на свой электорат с целью формирования в обществе активного неприятия преступности и противодействия ей.

Литература

- [1] Безопасность человека сегодня: Доклад Комиссии по безопасности человека ООН / Пер. с англ. Нью-Йорк, 2003.
- [2] Закон Российской Федерации от 18.04.1991 №1026-1 «О милиции» (ред. от 09.05.2005) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.
- [3] Федеральный Закон от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 02.12.2005) // Собрание законодательства РФ. 1995. №33. Ст. 3349.
- [4] Проект Ф3 «Об участии граждан Российской Федерации в обеспечении правопорядка» // Собрание законодательства РФ. 1999. №6. Ст. 808.
- [5] Указ Президента РФ от 17.12.1997 №1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (ред. от 10.01.2000) // Российские вести. 1997. 25 декабря.
- [6] Федеральный закон от 6 октября 2003г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Уфа, 2006.
- [7] Закон Республики Башкортостан от 18 марта 2005г. «О местном самоуправлении в Республике Башкортостан». Уфа, 2006.
- [8] Закон Республики Башкортостан от 07.04.1997г. «Об обращениях граждан в Республике Башкортостан» (в ред. Законов РБ от 23.11.1999, 25.07.2001) // Известия Республики Башкортостан. 1997. 10 июня.
- [9] Материалы к выездному заседанию Общественного совета при МВД по Республике Башкортостан 17 марта 2009 года. г. Уфа / Министерство внутренних дел по РБ. Уфа, 2009.
- [10] Чекалин А.А. Взаимодействие милиции с общественными объединениями
   важный фактор укрепления правопорядка // Вестник Московского ун-та МВД России. 2006. №3.

Локальная история (к Аксаковским чтениям)

Роднов Михаил Игоревич

доктор исторических наук, заведующий отделом истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Российской академии наук

РОЛЬ СРЕДНЕГО И МЕЛКОГО БИЗНЕСА В ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛЕ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Средний и мелкий российский предприниматель до сих пор «terra incognita» нашей историографии. Даже в регионах современные исследователи основное внимание обращают на достаточно крупный (по провинциальным меркам) бизнес. В статье представлен анализ роли среднего и мелкого бизнеса Уфимской губернии в хлебной торговле на рубеже XIX-XX вв. Автор восстанавливает тысячевёрстный маршрут уфимского хлеба, все звенья коммерческой цепочки, убедительно доказывая, что самое существенное значение в ней играли именно средние и мелкие предприниматели.

Ключевые слова: хлебная торговля, Уфимская губерния, средний и мелкий бизнес.

В любом производстве существуют разные формы бизнеса – от сверхкрупных транснациональных корпораций до средних и мелких фирм, индивидуального предпринимателя. Соотношение крупного, среднего, мелкого бизнеса никогда не бывает стабильным, оно всегда неустойчиво и зависит от многих факторов: изменений в технологиях, роли банков, внутренней и внешнеэкономической конкуренции, политики государства и пр. При этом значение находящегося в «тени» успешных монополий среднего и мелкого предпринимательства в действительности очень велико. Это ещё раз подтвердил кризис 2008-2009гг., когда власть уже не на словах, а на деле бросилась стимулировать развитие малого и среднего предпринимательства как одного важных способов спасения от безработицы для тысяч и тысяч людей, для заполнения внутренних потребительских рынков товаров взамен резко подорожавшего и исчезнувшего импорта.

С начала 1990-х гг. в отечественной науке началось бурное изучение истории российского предпринимательст-

ва. Однако среди массы публикаций абсолютно доминируют труды о крупном бизнесе. Савва Морозов и Рябушинские, Стахеевы и Нобели, огромные фабрики и заводы, знаменитые волжские пароходства и крупнейшие банки империи - объект преимущественного внимания учёных. Современная российская «business-history» представлена в основном исследованиями о крупнейших московских и петербургских промышленниках и торговцах, по которым сохранились значительные архивные фонды [1-9]. Средний и мелкий российский предприниматель до сих пор «terra incognita» нашей историографии. Даже в регионах современные исследователи основное внимание обращают на достаточно крупный (по провинциальным меркам) бизнес [10-12].

Причиной этому является, вопервых, плохое состояние источников. В императорской России частный бизнес свою внутреннюю (деловую, финансовую) документацию не передавал в государственные архивохранилища. Торговые сделки совершались в усло-

виях коммерческой тайны. Уплатив государству требуемые налоги, предприниматель не обязан был предоставлять какую-либо информацию для публикации в открытой печати. Даже биржи в начале XX в. с большим трудом добивались данных от купцов. Председатель уфимского биржевого комитета Н.Н. Степанов в сентябре 1912г. по поводу заготовки хлеба говорил: «Повторяю, сведения эти далеко неполны, даются они крайне неохотно по причинам, упоминать о которых здесь совершенно излишне» [13, с. 86]. После установления советской власти колоссальное количество частных архивов было уничтожено, погибло в огне пожаров, сдано в макулатуру. Например, уже в 1990-е гг. во время ремонта здания одной из дореволюционных уфимских фирм, по рассказам краеведов, на чердаке было обнаружено множество делопроизводственной документации, которую строители выбросили с мусором. По свидетельству сотрудников Рыбинского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, ныне размещающегося в помещении знаменитой Рыбинской хлебной биржи, архив последней хранился в самом здании, и в 1918г. революционные матросы и солдаты просто употребили его бумаги на свои надобности. В рыбинском архиве в фонде биржи (Ф. 425) лежит всего четыре тоненьких дела. Аналогичная ситуация в уфимском архиве. Сохранились, главным образом, архивы крупных компаний, чьи предприятия (вместе с документацией) были национализированы большевиками. По этим документам и создаются современные исследования.

А значение мелкого и среднего бизнеса в экономике начала XX в. было весьма велико. Рассмотрим их деятельность на примере хлебной торговли, игравшей важнейшую роль в хозяйстве Уфимской губернии [14]. В качестве объекта изучения выберем пред-

принимательство на станциях Самаро-Златоустовской железной дороги. В начале XX в. в прессе и литературе много говорилось о «демократизации» хлебной торговли, расцвете мелкого предпринимательства, работавшего на заёмные средства (в кредит) [15, с. 111; 16, с. 60-61; 17, с. 255]. В районе Самаро-Златоустовской магистрали скупка хлеба велась на ярмарках и базарах, заготовители разъезжали по деревням и хуторам, часто оставляя хлеб у продавца. Потом товар вывозился, составлялись партии зерна, продававшиеся более крупным торговцам. «Купленный хлеб сейчас же сдаётся ж[елезную] дорогу. Под дубликат накладной берётся в банке ссуда, при помощи которой происходит расплата с продавцом, а в порт вслед за хлебом посылается залоговое свидетельство, и получателю предоставляется выкупить заложенный груз. Операции этого рода, особенно если принять во внимание, что банки дают ссуду, достигающую почти полной стоимости хлеба, позволяют с небольшим капиталом делать большие обороты». Скупщик, особенно работающий на экспорт, «заранее погружает зерно в вагон и на рынок выносит уже не товар, а документ, дубликат накладной, которую и сбывает экспортёру. Для последнего вся операция в этом случае сводится к покупке здесь и продаже в порту дубликата накладной» [18, с. 100].

Вспомним, что основным поставщиком хлеба в Уфимской губернии являлся также мелкий и средний товаропроизводитель — крестьянин-общинник или сельский предприниматель (кулак, фермер), доля помещиков и купцов оставалась крайне малой. Размер частновладельческих (помещичьих) посевов (с травами) по переписям 1916 и 1917гг. составлял 86938 и 71073,8 дес. [19, с. 125; 20, с. 129] из общей площади в 2,4-2,5 млн. дес. В целом помещичье хозяйство играло незначительную

роль в сельскохозяйственном производстве края.

Материалы по станции Приютово за 1910г. ярко демонстрируют доминирование среднего и мелкого бизнеса в хлебной торговле (табл. 1). Перед нами целая галерея имён, всплывших из исторического небытия. Скупку и отправку хлеба здесь производили один сравнительно крупный торговец (М.И. Бондарев, ему принадлежало 40% всего отправленного товара) и один средний – П. Бражников (около 29%). А рядом с ними в Приютово работала масса мелких предпринимателей, чьих капиталов хватало на загрузку лишь нескольких вагонов зерна. Например, В. Васильев 26 января отправил прямым сообщением вагон ржи (900 пуд.), затем, видимо, долго скупал у крестьян небольшие партии хлеба и 5 июля, наконец, собрал, и отправил ещё вагон ржи (900 пуд.). На местном направлении успехи предпринимателя В. Васильева ограничились единственным вагоном овса (750 пуд.). На прямом направлении А. Иванов вывез 8 вагонов,

Г.М. Печерцев – семь, Ф. Ломакин – 4 вагона. Зафиксировано четыре случая отправки всего по одному вагону. Обратим внимание, что дважды скупщики (А. Лебедев и Ф. Ломакин, А. Мезенцев и Клочков) объединяли свои скудные ресурсы для организации сколько-нибудь заметного бизнеса, в одиночку они смогли отправить только по несколько вагонов. Хотя, возможно, кто-то из мелких приютовских хлеботорговцев являлся представителем крупной компании, на её деньги закупая зерно.

Несмотря на значительный удельный вес крупного и среднего капитала, мелкий скупщик в Приютово процветал (31% всего отправленного товара). На железной дороге можно было, получив кредит, собрать вагон-другой хлеба, отправить в порт, заложить в банке накладную, взять под неё новый кредит, продать дубликат накладной экспортёру — и опять собирай у мужиков мешки с зерном, договаривайся с «мартышками» и «прасолами» о подвозе следующих партий.

Таблица 1. Динамика вывоза хлебных грузов из Приютово в 1910г.

	Вывезено хлебных грузов из Приютово в 1910г. (пуд.)			
Предприниматель	Прямое	местное	международное	всего
	отправление	отправление	отправление	
Бондарев М.И.	139050	34050	5400	17
Бражников П.	111900	14400	1800	8500
Лебедев А. и Ломакин Ф.	13050	19050	-	12
Лебедев А.	2400	-	-	8100
Ломакин Ф.	3600	-	-	32100
Мезенцев А. и Клочков	17100	8400	-	2400
Клочков	750	-	-	3600
Павлов А.	24150	-	-	25 500
Шварц Ал.	10200	4800	900	750
Печерцев Г.М.	6300	5250	-	24150
Иванов А.	7050	3000	-	15900
Мезенцев И.	4500	3750	-	11550
Васильев В.	1800	750		10050

Источник: ЦГИА РБ. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 11. Л. 54-60 об. Прямое отправление — поставки за пределы Уфимской губернии и СЗЖД, местное — перевозки внутри Самаро-Златоустовской железной дороги, международное — вывоз сразу на заграничные станции.

При этом лишь М.И. Бондарев отгружал зерно в течение всего года (сянваря по декабрь, прямое сообще-

ние). Следовательно, он имел какие-то существенные складские помещения, где хранился товар и откуда можно

было более-менее ритмично, с учётом колебаний цен, поставлять его на рынок. Видимо, на станции Приютово крупные хозяйственные комплексыусадьбы имелись только у Бондарева и Бражникова. Переписью 1920г. были зафиксированы приютовские мясной пункт (бывший дом Бражникова) и ссыпной пункт (бывший дом Бондарева) [21]. Остальные работали в период наплыва зерна нового урожая, скорее всего, отправляя хлеб прямо «с колёс» крестьянских телег. Даже П. Бражников ничего не вывозил в апреле-мае, июлеавгусте. «Кумпанство» А. Лебедева и Ф. Ломакина весь свой товар реализовало в январе-марте. Мелкий скупщик не имел капитала и соответствующей инфраструктуры (складские помещения и пр.) для организации стабильной торговли.

Местный предпринимательский социум ограничивался деятельностью вокруг своей небольшой станции, это были бизнесмены волостного масштаба, исключая Е. Папкова из Белебея и Безсарабова, видимо, крупного фермера из-под Давлеканово¹. Член ВКП(б) В.Д. Пашин в своей автобиографии рассказывал, что, проработав учеником в кондитерской города Белебея (1912г.), «перешёл на работу в качестве приказчика в магазин купца Бражникова, на станции Приютово» [22, с. 88]. Судя по профессии будущего репресреволюционера, сированного купец торговал хлебными продуктами, скорее всего, это и есть наш П. Бражников. Кроме того, на станцию Приютово в 1910г. прибывало большое количество разнообразных товаров (чай, сахар, железо, лес, фарфоровая посуда). Но

¹ Согласно данным переписи 1917г., Михаил Поликарпович Бессарабов, по сословию и национальности — «белебеевский купец», русский, имел хозяйство у посёлка Дорошевского (70,25 дес. посева). А возле Давлеканово, где он записался уже как мещанин и украинец, Михаил Поликарпович засевал ещё 124 дес. и держал 31 рабочую лошадь (ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 212, 214).

по фамилиям среди принимавших грузы не было ни одного торговца из табл.

1. В Приютово наблюдалась специализация предпринимателей на скупке и отправке хлеба.

Помогли материалы сельскохозяйственной переписи 1917г. [23]. Из них узнаём, что на станции Приютово проживал Макар Ильич Бондарев, 51 год, занятием которого указана «приёмка для армии хлеба». Семья состояла из сыновей (12, 11, 10 лет), жены (50 лет) и двух дочерей (19 и 5 лет). Имелась рабочая лошадь, но земли и никакого полевого хозяйства не было. Предприниматель в военное время, в условиях распада рынка, продолжал заниматься своим делом, на сей раз заготавливая хлеб для армии. В довоенные годы этот однолошадник и являлся лидером приютовского бизнеса. Кроме того, имеется подворная карточка на Лебедева Ивана Александровича (62 года, семья из трёх человек, безлошадный, безземельный, посева тоже не было). Возможно, перед нами И. Лебедев из табл. 1, отправивший один вагон зерна.

Таким образом, на станциях Самаро-Златоустовской железной дороги в начале XX в. самым активным образом действовал (и весьма успешно) мелкий и средний хлеботорговец, вывозивший продукцию бескрайних полей Башкирии в основном в балтийские порты, а среди основных приёмщиков уфимского хлеба была Рига. В конце XIX в. по оборотам внешней торговли Рига занимала на Балтике 2-е место после Петербурга: в среднем за год сюда ввозилось товаров на 60 млн. руб., вывозилось – на 40 млн. руб. «Главные неудобства Рижского порта заключаются в том, что он обыкновенно зимою надолго замерзает и что большое число глубоко сидящих судов должно останавливаться пред Усть-Двинском или же выгружать часть груза пред входом в устье Двины». В навигацию Рига принимала сотни парусных и паровых судов. В 1896г. сюда под иностранными флагами пришло 1236 судов, отошло – 1240, под русским флагом – 253 и 246 [24, с. 681].

По сведениям местного биржевого комитета, главнейшими хлеботорговыми фирмами в Риге в 1880-е гг. были Гольдшмидт и К°, Моор и Беме, Эд. Штурц и К°, Герцфельд, Даудерт и Янсен, А. Зельмер. Местное бизнессообщество включало четыре категории лиц, занимавшихся хлебной торговлей. Первые - это названные выше «экспортёры, отправляющие корабли с хлебом, который они покупают внутри страны через комиссионеров. Они обыкновенно не прибегают к кредиту». Вторую группу составляли «состоятелькомиссионеры, выписывающие массы хлеба; они имеют в Риге собственные амбары и прибегают к кредиту в банках Ельца, Орла и Ливен».

Кроме того, существовала «самая незначительная группа комиссионеров, не прибегающих к кредиту во внутренних банках и закупающих небольшие партии». И наконец, это «самые мелкие комиссионеры, закупающие по несколько вагонов и берущие ссуды в Ельце, Ливнах и Орле. Такие мелкие комиссионеры-евреи рассеяны по линиям железных дорог. При приёме хлеба от продавца на станции железных дорог они выдают полную цену и, получив дубликат накладной, закладывают его в одном из ближайших банков, чтобы воспользоваться ссудой для новых закупок. Три последние категории закупают хлеб или по приказу экспортёров, или на свой страх для будущих продаж» [25, с. 223-224]. Как видно из описаний современника, и в Риге действовали фирмы разного масштаба – от крупных до небольших. Они и закупали уфимский хлеб, который здесь «обезличивался», сливаясь с товарными потоками из самых разных частей Российской империи.

Далее в морском порту товар поступал в трюмы морских судов и направлялся на экспорт. В табл. 2 показан вывоз из Риги морским путём хлебных грузов в 1899г. (названия портов приведены так, как они именовались в то время).

Из табл. 2 видна обширная география экспорта хлебных грузов из Риги в восемь стран Северной Европы, в том числе и уфимский хлеб отправлялся потребителям по самым разным адресам. В отдельные порты поступали большие партии зерна, например, норвежские Берген и Кристиания (совр. Осло) приняли свыше 0,5 млн. пуд. ржи каждый. В другие места уходили сравнительно некрупные суда, перевозившие по несколько тысяч пудов груза (бельская баржа брала свыше 100 тыс. пуд.). В 1899г. из Риги вышло очень много парусников, которые снабжали российским хлебом приморские городки Швеции и других стран.

На карте 1 показан вывоз хлеба из Риги в Скандинавию и северогерманские города. Обращает на себя внимание присутствие многочисленных мелких гаваней в Швеции и Дании вплоть до совсем незначительных населённых пунктов (Агус и др.), некоторые сейчас вообще уже не числятся морскими портами. Видимо, сравнительно мелкие шведские или датские предприниматели закупали хлеб в России для снабжения локальных скандинавских рынков. Можно предположить, что именно они и обслуживались парусными судами. При всех преимуществах парового флота, не зависевшего от попутного ветра, парусники на рубеже XIX-XX вв. всё ещё оставались вполне конкурентоспособными. С одной стороны, их трюмы почти полностью использовались под груз, тогда как у парохода много места занимали сама машина и запас топлива.

Таблица 2. Вывоз хлеба из Риги морским путём за границу в 1899г.

Порт	Пудов	Порт	Пудов	
в Германию		в Швецию		
Любек	42303 гороха, 18654 овса, 18110 пшеницы, 4 пшеничной муки, 66924 ржи, 159968 ячменя	Агус	52580 пшеницы, 52452 ржи	
Фленсбург	32301 выжимки семенные, 14660 пшеницы, 45 704 ячменя	Вестервик	22527 ржи	
Шлезвиг	6080 ячменя	Гальмстад	8307 ржи	
Штетин	6462 овса, 46779 отрубей, 137 151 ржи, 28232 ячменя	Гефле	118440 ржи	
Бремен	42798 овса, 25830 ржи	Готенбург (Етеборг)	8184 овса, 24460 пшени- цы, 21510 ржи	
Гамбург	13480 пшеницы, 881 пшеничной муки, 145908 ржи, 12136 ячменя	Истад	8568 ржи	
Кёльн	3048 овса, 12170 пшеницы, 62 010 ржи, 6153 ячменя	Кальмар	126801 ржи	
Прочие (без	2439 ржи	Карлскрона	49824 ржи	
указания пор-				
тов)				
в Норвегию		Мальмё	35226 ржи	
Берген	548586 ржи	Норркёпинг	33822 ржи	
Кристиания	567702 ржи	Нюкёпинг	15102 ржи	
Кристианзунд	34803 ржи	Стокгольм	191310 пшеницы, 494964 ржи	
Moc	79272 ржи	Треллеборг	24420 пшеницы, 8424 ржи	
Ставангер	40158 ржи, 12 792 ячменя			
Шиен 6170 пшеницы, 25029 ржи, 6016 ячме- ня		в Данию		
в Голландию		Ааргус	39087 ржи	
Ньюве- Ватервег	19070 пшеницы, 56421 ржи, 66208 яч- меня, 218 сыра	Вейле	49266 ржи	
Роттердам	33798 овса, 77150 пшеницы, 307611 ржи, 3 сыра, 82784 ячменя	Гольбек	8442 ржи	
Флиссинген	12210 овса, 3050 пшеницы, 12402 ржи, 21576 ячменя, 23 сыра	Горсенс	22056 ржи	
Шидам 148338 ржи, 125552 ячменя		Копенгаген	15 муки, 144819 ржи, 30664 ячменя	
в Бельгию		Рандерс	26982 ржи	
Антверпен 60060 овса, 33450 пшеницы, 96				
	ржи, 1315 сыра, 603384 ячменя	в Великобританию		
Гент	5970 овса, 9765 ржи, 99056 ячменя	Грэвесенд	71838 овса	
Прочие	6168 овса, 6110 пшеницы, 18320 ячменя	Гуль	10877,5 гороха, 107100 овса	
во Францию		Лондон	7 муки, 442428 овса, 16745 пшеницы, 100360 ячменя	
Дюнкирхен	97470 овса	Бэрнтэйлэнд	2755 гороха, 12750 овса	
Руан	500 ржаной муки	Дунди	30229 гороха	
		Кампбелтоун	17136 ячменя	
		Лис	51005,5 гороха, 42066 овса, 12032 ячменя	
		Эбердин	1377,5 гороха	

Источник: Статистические сведения о рижской торговле за 1899г. Отдел І. Товарное движение г. Риги по водяным путям. Рига, 1901. С. 66-74 Карта 1. Вывоз хлеба из Риги в 1899г. (пуд.)

Отсюда низкая себестоимость перевозки хлеба на паруснике. Кроме того, парусное судно могло разгрузиться в любом удобном месте побережья, а пароходу требовался оборудованный причал (наличие пресной воды для двигателя, запас угля или нефти, необходимые погрузочные механизмы).

Преобладала отправка зерна, муки вывозилось мало. Если северные страны покупали в Риге рожь, то в Голландию, Бельгию, Францию ушло достаточно много пшеницы. Англичане приобретали любимый ими овёс, хорошо скупался кормовой ячмень для европейского животноводства. Неведомый потребитель, получив в булочной Стокгольма или Лондона свежий хлеб, не задумывался о далёком пути, который проделал тот через всю Россию от небольшой железнодо-

рожной станции среди бескрайних полей Южного Урала.

Таким образом, на всём тысячевёрстном маршруте уфимского хлеба самое существенное значение в восстановленной коммерческой цепочке играли средние и мелкие предприниматели. Хозяин сравнительно небольшого сельского подворья в Белебеевском уезде вырастил хлеб, который у него приобрёл мелкий приютовский торговец на взятый в банке кредит, в порту товар выкупил рижский купец-экспортёр или фирма, возможно, также сравнительно некрупная. Затем в порт Риги подошёл маленький парусник, и шведский или датский судовладелец (или сам капитан) загрузил зерно в трюмы. Пройдя по бурным балтийским водам, судно встало на якорь возле неприметного скандинавского приморского городка, откуда мешки с уфимскими зерном, мукой, крупой развезли по маленьким мельницам, булочным или магазинчикам, принадлежавшим какому-нибудь местному семейному бизнесу. Уфимский, рижский, шведский средние или мелкие предприниматели могли не знать друг друга, но именно их деловые контакты, смекалка, трудолюбие обеспечивали функционирование хозяйственных связей, благодаря которым в России зарабатывали деньги, а в Западной Европе не испытывали проблем с продовольствием.

Литература

- [1] История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX начало XX века. М., 2000.
- [2] Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. 1914г. М., 1992.
- [3] Петров Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997.
- [4] Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М., 2002.
- [5] Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. М., 1998.
- [6] Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М., 1997.
- [7] Экономическая история: Ежегодник. 2006. М., 2006.
- [8] Федоркова И.Р. Психология российского купечества дореволюционного периода. М., 2005.
- [9] Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования / Под ред. А.Л. Дмитриева, А.А. Семёнова. СПб., 2007.
- [10] Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н.П. Лигенко. Ижевск, 2008.
- [11] Козлова Д.А. Семья Смагиных. Предпринимательская деятельность и семейные традиции // Тре-

- тьи Русановские чтения. Вып. 3. Оса, 2008.
- [12] Крамарёва И.В. Купцы Курлины: история семьи в истории России. Самара, 2008.
- [13] Отчёт уфимского биржевого комитета за 1912 год. Уфа, 1913.
- [14] История Башкортостана во второй половине XIX начале XX века. Т. II. Уфа, 2007.
- [15] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
- [16] Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875—1914гг. (Очерки правительственной политики). Ленинград, 1978.
- [17] Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX начало XX вв.). М., 1999.
- [18] Баев И.П. К проекту сооружения железной дороги Оренбург Уфа Кунгур. Статистико-экономические материалы. Уфа, 1913.
- [19] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916г.: (По подсчётам, произведённым местными переписными учреждениями): Европейская Россия, поуездные, погубернские и порайонные итоги. Вып. 1. Пг., 1916.
- [20] Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ РСФСР. Т. 5. Вып. 2. М., 1923.
- [21] ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 691.
- [22] Пашин Сергей. Пашины: история рода. Уфа, 2006.
- [23] ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 933 (по новой нумерации дел).
- [24] Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXVIa (полутом 52). СПб., 1899.
- [25] Фёдоров М.П. Хлебная торговля в главнейших русских портах и в Кёнигсберге. М., 1988.

Верещагин Александр Сергеевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Уфимского государственного нефтяного технического университета

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ТРАКТОВКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

В статье рассмотрены последние тенденции в освещении социальноэкономических сторон изучения Гражданской войны в России. Особое внимание уделено новым подходам и структурированию источниковой базы при анализе социоэкономической политики противоборствующих сторон.

Ключевые слова: историография, Гражданская война, структура источниковой базы.

Раскрывая экономическую политику противоборствующих сторон в годы Гражданской войны, исследователи оперируют понятиями «военный коммунизм» и «рыночная экономика», противопоставляя эти категории как две взаимоисключающие линии в экономике через срез военного противостояния. В то время как крайне сложный блок проблем изучения Гражданской войны по обе стороны фронта при ближайшем рассмотрении превращается в мозаику соседствующих, казалось бы, взаимоисключающих категорий, последним в исторической литературе подчас придается самодовлеющее значение в ущерб не столь однозначному историческому материалу.

Определяющим элементом научного знания, основой для бесчисленных эмпирических обобщений является научный аппарат. Военизация и политизация с позиций классового подхода являлись двумя составляющими в процессе формирования категориального аппарата советской историографии при изложении истории Гражданской войны. Закономерно, что в годы острого военного противоборства широкое распространение получила военная лексика, а определение партийными лидерами советской республики как «осажденной крепости» посреди

враждебного окружения привело в последующем к широкому включению соответствующего понятийно-категориального ряда в ходе партийных дискуссий, а затем почти автоматически, под воздействием дополнительным идеологических факторов, в контекст исторических описаний. Этот терминологический ряд, обогащенный новым смыслом, образовал, по мнению языковедов, «код гражданской борьбы» [1, с. 193]. Он, в свою очередь, наложил свой отпечаток на сам стиль мышления историков. Итогом употребления военной терминологии явилось то, что в работах историков усилились категориально-экспрессивные, эмоционально-оценочные высказывания и, соответственно, изменилась общая их тональность.

Следует обратить внимание, что если одно из ключевых понятий при создании политизированной истории употреблялось некорректно, с постоянными «смысловыми шумами», то при «склеивании» его с другим – не менее неопределенным – степень невнятности резко увеличивалась. Путем дальнейшего создания подобного терминологического ряда можно успешно строить соответствующие теории. При этом чем гуще становился смысловой туман, тем интенсивнее могли вес-

тись научно-теоретические дискуссии, которые нельзя назвать схоластическими в традиционном понимании. В данном случае логический компонент самым невероятным образом переплетался с эмоциональным. С определенными оговорками это относится к дефинициям «военный коммунизм» и «рыночная экономика» времен гражданской войны.

В учебнике «История ВКП(б). Краткий курс» подчеркивалось, что большевики усиленно готовились к гражданской войне, «решив поставить весь тыл на службу фронту», поэтому вся система предпринимаемых мер, вызванная исключительно трудными условиями войны, имевшими временный характер, получила название «военный коммунизм» [2, с. 219]. Сквозь призму такой директивной установки экономическая политика первых лет большевистской власти стала интерпретироваться в советском направлении отечественной историографии через доказательство её необходимости и неизбежности в условиях военного времени и хозяйственной разрухи [3]. В узком смысле слова под военным коммунизмом стали подразумевать, как правило, совокупность принципов и механизмов политики и целенаправленных мер, имевших антирыночный, распределительный характер и осуществлявшихся в социальной сфере и в экономике. В более широком смысле военный коммунизм получает трактовку не только как социальный и политико-экономический, но и как особый социокультурный, психологический, правовой, моральный и идеологический феномен [4, с. 189].

В понятие «рыночная экономика» отечественной историографией вкладывается противоположный, альтернативный военному коммунизму, смысл. Главным элементом рыночной политики являлась свобода торговли (т. е. отношения купли-продажи). В широком смысле подразумевается, что это была отличная от военного коммунизма система отноше-

ний, регулирующая всю производственно-торговую деятельность.

Советские историки исходили из того, что в аграрной и торговой политике правительства А.В. Колчака были элементы, рассчитанные на сочувствие, привлечение середняка, связанные в основном с лозунгом свободы торговли [5, с. 81]. Одновременно исследователи осознавали, что при А.В. Колчаке имущество мелкого собственника не гарантировалось законом в связи с тем, что поборы с крестьян не были ничем регламентированы и взимались в чрезвычайном порядке для нужд армии методом контрибуций, реквизиций конфискаций [5, с. 58] (замечание, имеющее равную силу для противоборствующих сторон). В современных же описаниях экономического мировоззрения А.В. Колпревалируют модернизационные чака тенденции: «Он выступал за прогрессивные экономические преобразования: свободные рыночные отношения, конкурентоспособную промышленность частного и государственного секторов, поощрение кооперации» [6, с. 6].

Очевидно, что и политика военного коммунизма, и рыночная экономика были реалиями Гражданской войны, и они ни в коей степени не подвергаются сомнению. Вызывает недоумение только то, что часть исследователей абсолютно убеждена, что на территориях, контролируемых большевиками, политика военного коммунизма была полностью воплощена в жизнь, а на территориях «бегосударственных образований функционировала рыночная экономика. Обществоведы второй половины 1980-х гг. высказали мнение, что основная беда предшествующего поколения историков при исследовании исторического процесса 1917-1920гг. состояла в том, что они теоретические положения и лозунги партии рассматривали с позиций их обязательного в «чистом» и полном виде осуществления в реальной действительности. Данный момент как крупный просчёт

советской историографии отметил также академик П.В. Волобуев [10, с. 23].

Объяснение этому явлению частично следует искать в структуре источниковой базы исследований историков. Информативные возможности источника зависят от того, какие способы «спросить» найдет историк. По мере кристаллизации категориального аппарата последний начинает во многом определять методы работы историков с источниковой базой исследований. Вопросы, задаваемые советскими историками источникам в соответствии с партийно-политическими установками, носили ярко выраженный политический характер и были обращены, в первую очередь, к источникам политической сферы первых лет существования нового государства. По своему происхождению это были законодательные документы, делопроизводственная документация партии, советских органов власти, доминирующим в них являлся государственно-институциональный подход с его специфическим «языком власти».

Одно из центральных мест при рассмотрении военно-коммунистической политики занимает делопроизводительная документация. Она классифицируется в источниковедении в зависимости от тех функций, которые выполняли документы в управлении: организационная (нормативная) документация, распорядительная, плановая, учетная, контрольная, отчетная документация [11, с. 398-407]. Из комплексов взаимосвязанных документов составлялась система документов. В них отражались уже не отдельные факты, а последовательность фактов в их многочисленных связях во времени и пространстве. Такие источники, как правило, отражают вертикаль власти, когда все отданные вышестоящими органами распоряжения принимаются к исполнению нижестоящими. По образному выражению А.К. Соколова, большинство материалов, которые поступали в архивы, представляли собой «заботу государства о самом себе», о своей истории, а не

историю общества [12, с. 73-74]. Поэтому в ответ на упрек в адрес советского направления отечественной историографии Гражданской войны о том, что историки почти любой партийный или советский документ воспринимали как законы, указания или распоряжения, полностью реализованные на практике, отметим, что одно из объяснений подобной ситуации связано со слиянием управления с законодательством, соединение законодательной и исполнительной работы в первые годы советской власти. Историки, используя вышеуказанный структурный ряд, по-видимому, оказывались в своеобразной методологической ловушке.

Со второй половины 1980-х гг. центральным в дискуссии ученых стал вопрос: Вытекала ли (или, по крайней мере, допускалась ли) политика военного коммунизма из теории и идеологии марксизма и большевистской партии или же была полностью обусловлена чрезвычайными условиями войны?

По мнению С.А. Павлюченкова, речь должна идти о полномасштабной коммунистической политике, начавшейся после прихода большевиков к власти, которая в конечном счёте привела к разрушению производительных сил, разрыву отношений с крестьянством. Для 1918г., по мнению исследователя, ещё рано говорить о системе военного коммунизма, пока это была только политика военного коммунизма, сумма государственных заявок на всеобъемлющую монополию, не подкреплённых реальным механизмом производства и распределения продуктов [43, с. 79]. Напротив, по заключению В.П. Дмитренко, с конца 1918г. (после национализации ряда ведущих отраслей хозяйства, введения всеобщей трудовой повинности, карточной системы снабжения, огосударствления кооперации, провозглашения развёрстки и пр.) советская общегосударственная экономическая политика стала фактором, существенно влиявшим на развитие экономики, позицию основных групп населения, экономические связи между отраслями и регионами [14, с. 95-96]. Парадокс военного коммунизма, полагает В.Л. Телицын, в том, что это была экономическая политика государства, подрывавшая основы собственного существования [15, с. 171]. С рубежа 1990-х гг. политику военного коммунизма стали даже описывать как не вполне изжитую «экономическую чуму» [16].

Все авторы сходятся во мнении, что из всех провозглашенных лозунгов военного коммунизма особое недовольство вызывала реализация политики продразверстки. Обращаясь к теме изъятия хлеба у населения, историки акцентируют внимание на насильственном характере этого процесса [17, с. 3]. Анализируя документы, В.Л. Телицын пришел к выводу, что идеи большевиков о принудительном изъятии продовольствия претворялись в жизнь уже с первых дней революции [18, с. 190]. Изучив ситуацию 1919г. на Урале, историк Р.Р. Магомедов констатировал, что форсированные темпы заготовок хлеба осуществлялись продовольственными органами при полном отсутствии промышленных товаров для обмена на хлеб [19, с. 91].

В то же время в новейшей историографии ученые более рельефно выделяют связь этапа военного коммунизма с предшествующим периодом экономического развития страны. В облике военного коммунизма находят много сходных черт с государственным капитализмом военного времени в Германии, где наиболее последовательно и жестко проводились централизация и государственное регулирование экономики в 1914-1920гг. В.В. Кабанов предложил более широкий спектр вариантов для возможной оценки военного коммунизма. В частности, он может быть рассмотрен как опыт хозяйствования в экстремальных условиях: в годы первой мировой войны все воюющие государства прибегали к сходным методам хозяйственной политики [20, с. 211], но в России начала XX в. милитаризация затронула экономическую и социальную сферы сильнее, чем в других странах, определив и невиданный масштаб государственного регулирования в советский период истории. С подобным подходом солидарен В.А. Мау [21, с. 57], а С.А. Павлюченков сопоставил этапы в экономической политике царизма с общими чертами военного коммунизма большевиков [22, с. 99]. По мнению последнего, проводимые царским и Временным правительствами мероприятия по ограничению частной собственности и рынка приобрели статус военного коммунизма, превратились в принцип государственного строительства.

Цели и методы экономической политики советской власти, как отмечают исследователи, были заимствованы из опыта Первой мировой войны еще и потому, что значительная часть управленческого научно-инженерного корпуса в центре и на местах после октября 1917г. перешла в систему органов ВСНХ [23, с. 224-225]. Отсюда удивительное, по наблюдению М.А. Фельдмана, но только на первый взгляд, совпадение: государственные структуры дореволюционной России, Временное правительство, советские органы, Временное областное правительство Урала, диктатура Колчака - все вынуждены были применять одни и те же экономические, а точнее, внеэкономические меры [24, с. 115].

Делопроизводственная документация антибольшевистских государственных образований востока страны позволяет детально проанализировать прорегулирования экономической жизни вообще и, в частности, потребительского рынка на территориях «белых» государственных образований. Социально-экономической политике антибольшевистских правительств на Урале посвящен ряд специальных работ О.Ю. Никоновой [25, 26, 27]. Выстроив источниковедческую иерархию по программной и нормативной документации государственных и хозяйственных органов анти-

большевистских правительств, по материалам делопроизводственного и учетно-статистического характера, документам общественных организаций (в первую очередь профсоюзов), мемуарной литературе [28, с. 12-13], автор пришел к выводу, что на принципах государственного вмешательства в экономику с целью её регулирования было основано законодательство всех правительств «демократической контрреволюции» [28, с. 21]. По мнению О.Ю. Никоновой, характерной чертой социально-экономической политики всех коалиционных правительств был возврат к законодательству буржуазно-демократического Временного правительства [28, с. 15].

Анализ источников по социальноэкономической политике «белых» правительств позволил типологизировать некоторые её характеристики. Практика государственного регулирования и планирования народного хозяйства, милитаризация экономики, урезание социального законодательства, ограничение распорядительных и контролирующих функций профессиональных организаций трудящихся, спад промышленного производства и снижение жизненного уровня трудящихся явились чертами, характерными для социально-экономических процессов, происходивших как в Советской России, так и в «лагере контрреволюции» [28, с. 22]. В таком сопоставлении получает подтверждение тезис историков 1990-х гг. о том, что население в Гражданскую войну из двух зол выбрало казавшееся в тот период меньшим.

Обобщая богатые архивные материалы из собраний Екатеринбурга и Москвы, Н.И. Дмитриев также обратил внимание на показатели спада производства, невозможность остановить его правительством А.В. Колчака, на разрушительные процессы в промышленности Урала в условиях Гражданской войны.

На примере деятельности администрации Дальнего Востока Л.Н. Долгов приходит к выводу о существовании двух

мнений о допустимости вмешательства в дела потребительского рынка. Однако ни одно из них не получило полного практического воплощения. В итоге имел место стихийный рынок с элементами государственного воздействия [29, с. 74-78].

Анализируя экономическую составляющую политики П.Н. Врангеля, Л.И. Семенникова делает вывод, что «его правительство провозгласило на своей территории свободу торговли и предпринимательства. С этим актом связывались надежды на восстановление и развитие экономики. Однако в условиях гражданской войны «нормальное производство» не приносило прибыли. ...Этот опыт свидетельствует: силы, которые делали ставку на собственников, на свободный рынок, не могли рассчитывать на победу в гражданской войне в России» [30, с. 365].

Наиболее жестко сформулировал свою позицию в отношении проблем регулирования Ю.Д. Гражданов. Он считает, что «все режимы гражданской войны в России применяли методы «военного коммунизма» в смысле централизованного насилия и экономического принуждения ради «государственных интересов» [31, с. 55] (авторы «Белое дело: идеология, основы, режимы власти» посчитали такую точку зрения безапелляционной [32, с. 247]).

Следует подчеркнуть, что однотипность принимаемых экономических решений и красными, и белыми определялась, прежде всего, милитаризацией экономики, превращавшей регулирование экономики в прямое государственное вмешательство во все области жизни общества. Охрана интересов частных предпринимателей, сохранение рыночных механизмов не являлись целью ни для красных, ни для белых. Но после разрушения рыночных механизмов рабочая сила могла быть приведена в действие только через систему трудовой повинности [43, с. 11]. Отсюда такие хорошо знакомые, в частности, для Урала 1914-1917гг. меры, как мобилизация горнозаводского населения для работы на заводах и вне заводской черты; запрещение увольнения с предприятий; введение обязательных сверхурочных работ; принудительное перемещение квалифицированных рабочих из одних промышленных центров в другие, использование труда военнопленных. Механизм реализации продукции был связан с созданием надотраслевых, по сути, чрезвычайных органов управления: Заводского совещания, Областного управления, Промышленного комитета, Промышленного бюро ВСНХ и т. п. [33, с. 115-116].

В современной российской историографии делается вывод, что в подавляющем большинстве настроение наемного работника напрямую зависело от его материального положения, в частности, от снабжения продовольствием. К тому же, как полагает С.В. Яров, осознание никчемности контроля и его экономической бесполезности имело то последствие, что рабочие обращались с просьбами о национализации фабрик и заводов. Фактически, заключает он, это было требованием стабильности и гарантированных заработков независимо от того, кто это обеспечивал [34, с. 23]. С.А. Павлюченков подчеркнул, что на территории, подконтрольной большевикам, легальная торговля ненормированными продуктами и изделиями кустарного производства с некоторыми коррективами властей продержалась весь период военного коммунизма вплоть до своего полного освобождения нэпом [43, с. 234]. Поэтому, изучая теневую экономику военного коммунизма, нельзя отыскать практически ни одной отрасли национального хозяйства, не вовлеченной в сферу оживленной купли-продажи. Это касается в том числе и объектов национализированной недвижимости: земли, домов, предприятий [43, c. 237-238].

Изучение девиантного поведения населения, о чем свидетельствуют названия статей, складывается в самостоятельное направление в историографии Гражданской войны [35, 36]. Возрастает количество публикаций, посвященных проблемам приспособления и выживания (мешочничество, воровство, спекуляция), которые рассматриваются в работах уже не как социально-экономический, а как культурный феномен. В этом ряду выделяется фундаментальная работа А.Ю. Давыдова «Мешочники и диктатура в России 1917-1921гг.» [37].

Расширение источниковой базы в последнее десятилетие вызвало к жизни появление работ, основанных на нетрадиционном для предшествующего этапа архивном материале, заставило задуматься над многими ранее незыблемыми постулатами.

Фундаментальная работа И.В. Нарского по истории повседневности на Урале времен гражданской войны основывается на газетном материале 1917-1922гг., официальной документации и материалах личного происхождения, ошеломившими, по признанию автора, необозримым объемом разнообразной и по большей части не введенной в научный оборот информации о жизни населения. Исследователь пришел к выводу, что уже на протяжении 1917г. легальная торговля постепенно сворачивалась как из-за сокращения промышленного и сельскохозяйственного производства, так и из-за продолжения Временным правительством малоуспешной политики частичного регулирования товарооборота. После прихода к власти большевиков торговле как явлению, не вписывающемуся в планы социалистического переустройства, была объявлена беспощадная, но малоэффективная война [22, с. 117].

На основе источников автор показал, что, несмотря на грозный тон большевистских распоряжений (который в последнее время любят обличать историки), формирующийся на ходу аппарат новой власти на Урале был не в состоянии претворить их в жизнь. «Даже по окончании боевых действий в 1919-1920гг. продраз-

верстку выполнить не удалось. Было собрано от 94,1% запланированного в Екатеринбургской губернии до 46,5% в Уфимской» [38, с. 46]. Крестьяне по мере сил сопротивлялись сдаче хлеба государству по твердым ценам, которые абсолютно соответствовали действительному спросу и были в десятки раз ниже рыночных. Загнанная такими мерами в подполье торговля была в значительной степени парализована. Пытавшиеся реанимировать её в отвоеванных у Красной армии районах белые власти вынуждены были констатировать: «...местные торговцы, обобранные большевиками, ничего не предпринимают» [22, с. 118].

По мнению И.В. Нарского, в стране сложилась парадоксальная ситуация, которая мало соответствует расхожему представлению о монолитном характере политики «военного коммунизма»: «...в Советской России времен военного коммунизма бок о бок существовали две различные системы распределения распределение государственными органами по твердым ценам (или впоследствии бесплатно) и распределение через частную торговлю» [39, с. 592]. С карточной системой «классового» распределения продуктов и принудительной моделью организации труда, насильственными реквизициями и террором в деревне и городе причудливо соседствовали рынок и вольные цены, предпринимательская активность и торговые операции, едва скрываемое недовольство советской властью, в том числе в стенах советских учреждений, и взрывы яростного сопротивления её распоряжениям в селах и станицах [22, с. 279].

Можно согласиться с выводом исследователя, что в условиях гражданской войны ни один режим, вне зависимости от его политической окраски и заявленных целей, не мог обойтись без чрезвычайных мероприятий – контрибуций, конфискаций и повинностей, помноженных на своеволие и злоупотребления военных и гражданских властей и отдельных их представителей [22, с. 102]. Свобода рыночных отношений на территориях противников большевиков то и дело пресекалась силовыми решениями. Многочисленные примеры дает уральский регион. Во время существования Уральского областного правительства уполномоченный Сибирского правительства запретил вывоз из Кыштымской волости Екатеринбургского уезда предметов продовольствия в сторону Екатеринбурга. С рвением, достойным большевистского функционера, им были выставлены заставы на железных и грунтовых дорогах для реализации этого запрета. На продукты, ввозимые из Сибири на территорию ВОПУ, сибирской стороной была наложена 50-процентная пошлина, из-за чего их ввоз на Урал стал ощутимо сокращаться. Рьяные конкуренты - Сибирское и Самарское правительства - с азартом арестовывали и реквизировали грузы, предназначенные оппоненту. В итоге в период Гражданской войны удар по торговле был совершен обеими сторонами – и красными, и белыми [22, с. 120].

Путь, обозначенный И.В. Нарским, был продолжен А.А. Ильюховым, опубликовавшим книгу «Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны» [40]. Не со всеми выводами автора можно согласиться, в особенности если иметь в виду книгу Р.А. Хазиева «Централизованное управление экономикой на Урале в 1917-1921 годах» [41, 57].

На основе историографического анализа можно сделать вывод, что в годы Гражданской войны в «чистом виде» не существовали ни военный коммунизм, ни рыночные отношения, а при проведении исследований, особенно на региональном уровне, необходимо разграничивать политические лозунги и реальную экономику периода Гражданской войны. Механизм рынка может действовать эффективно только в относительно стабильной политической обстановке. В годы Гражданской войны гипертрофиро-

ванное развитие получают лишь некоторые стороны рыночной экономики, например, «черный» рынок, спекуляция. Это было и на «красной», и на «белой» территориях, что являлось общим следствием Гражданской войны. В этой связи необходим не только анализ принимаемых решений в контексте времени, но и, главным образом, исследование попыток их конкретной реализации без придания самодовлеющего значения категориальному аппарату. Поэтому нелишне обратить внимание на мнение западных исследователей, критически относящихся к оценке большевиками крестьянства как мелкой буржуазии. Они подчеркивают, что это определение - понятийно-зыбкое утратило всякий смысл в условиях Гражданской войны. Представитель мелкой буржуазии работает на рынок, а Гражданская война привела к практически полному свертыванию товарно-денежных отношений в стране [41, с. 269].

Малопродуктивно описывать политику противоборствующих сил только в категориях военного коммунизма или рыночных отношений, «полностью реализованных» в годы Гражданской войны. Печальные результаты подобного подхода очевидны: подчас невозможно разглядеть реалии Гражданской именно из-за такой абсолютизации применявшихся исследователями категорий. Нужно насытить старые категории новым естественным содержанием. Для этого необходимо вместо поддержания иллюзии абсолютной ясности и устойчивости наличных категорий принять презумпцию их замутненности и зыбкости. Это, естественно, потребует труда по «расшифровке» или даже «воссозданию» понятий, а затем и дополнительных усилий по их наполнению. По-видимому, только такая работа и позволит демифологизировать и рационализировать категориальный аппарат.

Вся современная историография склоняется к тому, чтобы научиться различать заложенные в прошлом социаль-

ные «риски» (или политические риски, что с успехом сейчас отрабатывают политологи), но пока это еще только постановка вопроса, без путей решения.

И если говорить о современном состоянии изучения Гражданской войны, то часто доминирует подход буквального прочтения документа с его вольной интерпретацией. Печальные результаты такого подхода очевидны.

Сошлюсь на мнение В.П. Булдакова, историка, особенно критично относящегося к историографическим работам. «Всякий источник врет, сознательно или бессознательно — не важно. Таким сомнительным источникам надо задавать такие вопросы, которые смогли бы нейтрализовать так называемый градус вранья» [42, с. 78].

Требуется совершенно иное: понять природу источника, объективно оценить его информационные возможности, т. е. избавиться от привычки буквально прочитывать документ, исходящий из иной культурной среды.

Литература

- [1] Lehikoinen R. Словарь революции революция в словаре? Хельсинки, 1990.
- [2] История ВКП(б). Краткий курс. М., 1997.
- [3] Метельский Н.Н. Оценка метода «самотека» при осуществлении продовольственной политики в конце 1919г. начале 1920-х годов // Великий Октябрь и социалистическое хозяйство на Урале и в Сибири в переходный период. (Проблемы историографии и источниковедения). Тюмень, 1987.
- [4] Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х 90-е годы). Архангельск, 2000.
- [5] Васьковский О.А., Тертышный А.Т. Современная историография истории Урала периода гражданской

- войны (1918-1920). Свердловск, 1984.
- [6] Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак // История «Белой» Сибири. Кемерово, 1997.
- [7] Бордюгов Г., Козлов В., Логинов В. Личность, доктрина, власть // Коммунист. 1990. № 6.
- [8] Щеблыгин С. Перечитывая заново // Коммунист. 1990. № 5.
- [9] Лекович Д. Ленин и сталинизм // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3.
- [10] Россия в 1917 году. Выбор путей исторического развития (материалы круглого стола). М., 1989.
- [11] Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981.
- [12] Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999.
- [13] Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.
- [14] Дмитренко В.П. Экономика России 1918г. как поле противоборства социальных интересов // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. М., 1994. Ч. 2.
- [15] Телицин В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма». Крестьянское хозяйство Урала в 1917-1921гг. М., 1998.
- [16] Присяжный Н.С. Экономическая чума: Военный коммунизм в России (историко-экономический анализ 1918-1921). Ростов-н/Д., 1994.
- [17] Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению трудящихся масс в вооруженную борьбу с интервентами и белогвардейцами (1918-1919). Сб.ст. / Под ред. И.Ф. Плотникова. Свердловск, 1990.
- [18] Телицын В.Л. Военный коммунизм: новый взгляд на старые проблемы // Отечественная история. 1998. № 4.

- [19] Магомедов Р.Р. Продовольственная политика советского государства в первые годы Советской власти (октябрь 1917г. март 1921г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
- [20] Кабанов В.В. Послесловие к монографии В.Л. Телицына // Телицин В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма». Крестьянское хозяйство Урала в 1917-1921гг. М., 1998.
- [21] Мау В. Реформы и догмы. 1914-1929. М., 1993.
- [22] Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922гг. М., 2001.
- [23] Первая мировая война: пролог истории. М., 1998.
- [24] Фельдман М.А. Рабочие Урала в 1914-1922 годах // Вопросы истории. 2001. № 10.
- [25] Никонова О.Ю. Социальноэкономическая политика колчаковского правительства в горнозаводской промышленности Урала // Вестник Челябинского университета. № 1. 1991.
- [26] Никонова О.Ю. Социальноэкономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей // Вестник Челябинского университета. 1994. № 1(7).
- [27] Никонова О.Ю. Социальноэкономическая программа «Демократи-ческой контрреволюции» (июнь-ноябрь 1918г.) // Проблемы социально-экономи-ческого и политического развития Урала в XVIII-XX веках: Сб. науч. тр. Челябинск, 1997.
- [28] Никонова О.Ю. Социальноэкономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918-1919). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996.
- [29] Долгов Л.Н. Проблема регулирования потребительского рынка в деятельности «белой» администрации Дальнего Востока (1918-1919 гг.) //

- История «Белой» Сибири. Кемерово, 1995.
- [30] Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 2000.
- [31] Гражданов Ю.Д. Государственные режимы периода гражданской войны в России // История Советской России: новые идеи, суждения. Тюмень, 1993.
- [32] Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998.
- [33] Фельдман М.А. Рабочие Урала в 1914-1922 годах // Вопросы истории. 2001. № 10.
- [34] Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999.
- [35] Овечкин В.В. Дезертирство из Красной Армии в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2003. № 3.
- [36] Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917-1920-е годы) // Вопросы истории, 2003, № 8.

- [37] Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917-1921гг. СПб., 2007.
- [38] Метельский Н.Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919-1921гг.). Свердловск, 1991.
- [39] Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1-2. М., 1990.
- [40] Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917-1921гг.). М., 2007.
- [41] Хазиев Р.А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917-1921 годах: Хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007.
- [41] Левин М. Гражданская война: Динамика и наследие // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994.
- [42] Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.
- [43] Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997.

Российская цивилизация

Кинева Татьяна Сергеевна

аспирантка кафедры истории и культурологии Уфимского государственного нефтяного технического университета

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙНОГО ЯДРА ЕВРАЗИЙСТВА (ОТ «КЛАССИЧЕСКОЙ» К НЕОЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

В статье рассмотрена трансформация идейно-политического ядра «классическо-го» евразийства под влиянием политических процессов, происходящих в нашей стране на протяжении XX в. Показана тесная взаимосвязь общественных настроений и реактуализации отдельных евразийских идей в современном политическом пространстве.

Ключевые слова: евразийство, идейное ядро концепции, евразийская риторика, идейная основа.

Евразийство как течение эмигрантской интеллектуальной мысли появляется в переломный социально-политический момент как реакция на глобальную катастрофу начала XX в. в России революцию 1917г. и Гражданскую войну. Характерно, что первая волна евразийства (1920-е гг.) и вторая волна (1990-е гг.) возникли в структурно сходных социально-политических условиях.

- 1. В результате революции 1917г. произошел распад Российской империи и, как следствие, дезорганизация всего бывшего государственного пространства. После распада СССР начался новый этап дезорганизации пространства, принявший форму провозглашения независимости новыми государствами.
- 2. После падения царизма и прихода к власти большевиков произошла кардинальная смена идеологии, и среди части населения возник «социальный заказ» на новые объединительные идеи и лозунги. То же произошло в начале 1990-х гг., когда возник острый спрос на новые объединительные идеологии.
- 3. В условиях социально-экономического кризиса начала и конца ХХ в., обнищания населения, резкой его дифференциации проявилось стремление сохранить общенациональные, традицион-

ные ценности и корни с явным стремлением объяснить «кто виноват».

Таким образом, важнейшее сходство двух периодов состоит в том, что это периоды великих «переломов», распада старой и становления новой России, передела прежде существовавшего геополитического пространства. Одной из форм ответа на радикальные преобразования стало распространение евразийских идей, этой своеобразной кризисной идеологии.

Основной вопрос, от которого отталкивались евразийцы 20-х гг. XX в. в своих рассуждениях и вокруг которого они строили свои теоретические конструкции: кто виноват в том, что произошло с Россией? Из первого выводился второй извечный русский вопрос: что делать? Ответы на эти вопросы давались преимущественно исходя из эмоционального настроя того времени, послереволюционного мироощущения. В этой связи можно согласиться с Н.А. Бердяевым, что «евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу» [1, с. 26].

Уже в первом сборнике евразийцев «Исход к Востоку. Предчувствия и свер-

шения. Утверждение евразийцев» [2] в подборе участников проявился столь характерный гетерогенный характер нового направления. Авторами работы были экономист и географ П.Н. Савицкий, лингвист и этнограф Н.С. Трубецкой, философ и богослов Г.В. Флоровский, искусствовед П.П. Сувчинский. В последующих сборниках «На путях», «Евразийский временник» [3] к основоположникам направления примкнули историк Г.В. Вернадский, историк и философ Л.П. Карсавин, правовед Н.Н. Алексеев, литературовед Д.П. Святополк-Мирский. Каждый из представителей «классического» евразийства (1921-1929гг.), отталкиваясь от конкретного культурно-исторического материала и собственного исследовательского опыта (географического, политико-правового, филологического, этнографического, искусствоведческого и т. п.), ссылаясь на него, анализируя и обобщая, разрабатывал отдельные стороны и положения новой идеологии.

Отправным моментом в формировании евразийской идеологической концепции стала её направленность против претензий европейской культуры на универсальный характер. Евразийцы призывали бороться с «кошмаром всеобщей европеизации», требовали «сбросить европейское иго». Западноевропейскую культуру Н. Трубецкой называл космополитизмом или романо-германским шовинизмом. «Мы должны привыкнуть к мысли, что романо-германский мир со своей культурой – наш злейший враг», – категорически постулировал Н. Трубецкой [4, с. 391]. Он также отметил пагубность для неевропейских народов навязывания чуждой им европейской культуры, что лишало автохтонные культуры их творческого потенциала. «...Освобождение мира от власти романо-германских хищников» - это и есть «новая историческая миссия» России [4, с. 337].

Таким образом, одним из центральных звеньев евразийства, его идеологическим кредо являлось противопостав-

ление России Европе. Сущность евразийской доктрины П.Н. Савицкий видел в «...отрицании «абсолютности» новейшей «европейской» (в обычной терминологии «западноевропейской») культуры, ее качества быть «завершением» всего доселе протекавшего процесса культурной эволюции мира» [5, с. 11]. И далее: «Евразийская концепция знаменует собою решительный отказ ОТ культурноисторического «европоцентризма», отказ, проистекающий не из каких-либо эмоциональных переживаний, но из определенных насущных и философских предпосылок... Одна из последних есть отрицание универсального восприятия культуры, которое господствует в новейших европейских понятиях» [5, с. 12].

Исходя из антизападной установки, евразийцы разрабатывали все концептуальные положения нового идейного течения. Предложенная евразийцами концепция, в том числе и её идеологическая составляющая, подробно проанализирована в обществоведческой литературе, только диссертационных исследований насчитывается несколько десятков. В рамках данного исследования важно определить, что входило в ядро идеологии «классического» евразийства и что понимается под ним в настоящее время.

В связи с гетерогенностью евразийства исследователи неоднозначны в том, какие положения необходимо относить к основам идеологии евразийства. К.В. Пишун считает, что непосредственно евразийская идеология базируется на пяти основаниях: 1) выдвинутом политическом идеале «государства правды» и «государства мира»; 2) концепции «идеократии», определяющей принципы формирования и существования политической элиты; 3) обязательном присутствии «демотического» фактора в управлении государством с максимально возможным усилением влияния на процесс государственного строительства со стороны низших по вертикали органов власти; 4) концепции «гарантийного государства», согласно которой органы управления должны обеспечить соблюдение основных политических и экономических прав граждан; 5) социально-техническом радикализме, усилении прикладного характера политической теории [6, с. 71-96].

А.В. Самохин относит к собственно идеологической концепции «классического» евразийства «монистическую идейную систему» [7, с. 109]. М.А. Гавриш считает основными принципами евразийской идеологической программы: континентальную и евроазиатскую ориентацию внешней политики, идеократическую государственную модель, органическую демократию, общинность, солидаризм, экономический и правовой патернализм [8, с. 7]. Политико-правовые аспекты евразийской идеи включают в себя, по мнению О.В. Лушникова, концепции «государства правды», «правообязанностей», «демотии» и «идеократии» [9, 20]. М. Ларюэль относит к базовым положениям идеологии евразийства соборность (православие и симфоническая личность), идеократию («органическое» государство) и ориентацию на «третий путь» [10, с. 78-104].

Таким образом, современные исследователи, несмотря на имеющиеся расхождения, достаточно уверенно очерчивают идеологическое ядро евразийской концепции на этапе теоретико-концептуальной разработки (получившего в литературе название «классическое» евразийство). В то же время исследователи, за исключением М. Ларюэль, не обращают внимания на две важные составляющие евразийской концепции: антизападническую направленность и православие как идейную основу движения. С учетом этой поправки в качестве наиболее разработанной структуры идейного ядра «классического» евразийства в статье применяется структура, предложенная К.В. Пишуном.

Несмотря на провозглашенную самими евразийцами уникальность нового течения (исходя при этом, в первую очередь, из обоснования его идеологического ядра), они, в лице Н.С. Трубецкого, резко критиковали большевизм (в частности, в оценке значения православия, которому они отводили роль идеологической опоры) и в то же время отмечали аспекты, сближающие евразийство и большевизм. Последний воспринимался евразийцами как явление национальное. «Большевистскому правительству... силою вещей приходится осуществлять в целом ряде вопросов ту политику, которая является для России естественной». Естественность, по мнению автора, заключалась в том, что Красная Армия является фундаментом будущей русской национальной армии, а в отношении азиатских народов проводится политика равноправия и партнерства, исходящая из «естественной культурной солидарности России и Востока» [11, с. 456-477]. Величайшую заслугу большевиков они также видели в восстановлении государства в естественных границах Евразии.

Евразийцы поддерживали и другие стороны советской действительности. Так, М. Ларюэль отмечает одобрение ими планов ускоренной индустриализации страны, принцип хозяйственного планирования, доминирование государства в экономике (хотя они и считали, что будущее евразийское государство должно быть социальным, но не социалистическим).

Евразийцы взяли на вооружение и одобрили большевистский опыт новой общественной тотальной организации как соответствующей русской особенности. «Они восхищались тем, как коммунисты управляют народными массами. Коммунизм вызывал симпатию евразийцев, потому что он, прежде всего, являлся «методологией», но в нем не было духовной глубины евразийства. Это означало, что коммунизм не идеал, а метод. Только евразийство имело статус идеологии, а коммунизм представлял собой лишь способ правления, лишенный смысла, пригодный только для того, чтобы евразийство дало ему внутреннее содержание. Речь шла о коммунистической тоталитарной практике, сочетаемой с евразийским идеалом. Два принципа не конкурировали, а дополняли друг друга» [10, с. 93-104].

При определенной симпатии к большевикам внутри евразийства не было единодушия по вопросу об отношении к советской власти. Необходимость занять четкую позицию не только в теоретическом, но и практическом плане по отношению к Советскому Союзу выявила диаметрально различные подходы внутри самого евразийского движения. Речь шла о том, каким ему быть — интеллектуальным течением или политической партией.

Внутри движения в конце 1920-х гг. происходит раскол на два направления: правое — пражское, отрицательно относившееся к контактам с СССР (П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Н.С. Трубецкой), и левое — парижское, сблизившееся с новым строем (Л.П. Карсавин, П.П. Сувчинский, С.И. Эфрон, Д.П. Святополк-Мирский).

Признавая положительные стороны большевистской революции и советского строительства, «правые» не желали иметь ничего общего с СССР, а хотели, оставаясь в эмиграции, вести пропаганду, в том числе и на советской территории, направленную на перерождение Коммунистической партии в Евразийскую партию. «Левые» же открыто шли на сотрудничество с Советской властью, поскольку считали, что противостояние СССР и Запада – это очередной эпизод тысячелетней цивилизационной войны, которую Запад ведет против России. В перспективе левые евразийцы были готовы порвать с эмиграцией, уехать в СССР и включиться в строительство Советской России, что они в итоге и сделали.

Движение постепенно вырождается к началу 1930-х гг. как в силу внутренних разногласий, так и вследствие изменения обстановки внутри СССР после свертывания НЭПа (на который часть евразийцев рассчитывала как на возможный путь эволюции в сторону евразийских идеа-

лов), укрепление авторитарной большевистской системы.

Евразийство, фактически переставшее существовать как течение к середине 1930-х гг., возродилось вновь в условиях глобальных изменений, потрясших страну в начале 1990-х гг. Современные евразийцы (или неоевразийцы) настаивают на преемственной связи и непрерывности между первоначальным движением эпохи 1920-х гг. и евразийским возрождением 1990-х гг. Эта связь, по их мнению, воплощается в трудах Л.Н. Гумилева, не только отмечавшего, что его относят к евразийцам, но и называвшего себя «последним евразийцем» [12, 13, с. 62].

В подавляющей массе исследований Л.Н. Гумилев позиционируется как ученый, продолживший дело евразийцев и творчески его развивший. Учение Л.Н. Гумилева представляется ряду авторов более чем современным (Л.П. Ахраменко, В.Я. Пащенко и др.) [15, 16], а в Интернете существуют сайты последователей Л.Н. Гумилева, развивающих его учение [17].

Однако если мы рассмотрим идейное ядро «классического» евразийства, то увидим, что основные его положения (за исключением антизападной риторики и имперской идеи) никогда Л.Н. Гумилевым не развивались. Более того, по многим положениям он вступал в логический конфликт с основателями евразийства.

Л.Н. Гумилев выделял в евразийской концепции те положения, которые близки его собственным, и придавал им свой смысл. Например, употребляемое Н.С. Трубецким слово «лик», по его мнению, можно заменить понятием «этнос», а вместо «многонародная личность» использовать понятие «суперэтнос». Излагая взгляды Н.С. Трубецкого на значение монгольского ига в русской истории, он дополняет их результатами своих изысканий. Вторым планом изложения при этом является полемика с «русофилами» [18, 19].

То, что объединяло Л.Н. Гумилева с евразийцами, — это интерес к степному

миру, однако он исходил из идей социальной биологии (что полностью отсутствует в «классическом» евразийстве). Можно утверждать, что его идеи лежат в другой интеллектуальной традиции – этницистской [20, с. 8].

Подходы, взгляды Л.Н. Гумилева значительно отличаются от евразийства двадцатых годов, в сущности, все его работы представляют собой попытку через синтез наук преодолеть влияние на общественное сознание европоцентристского стереотипа (это последнее и может являться объединяющим аспектом «классического» евразийства и Л.Н. Гумилева).

Мы разделяем мнение М. Ларюэль о том, что Л.Н. Гумилева можно рассматривать не в качестве продолжателя «классического» евразийства, а как одного из основных вдохновителей неоевразийства, а также его разновидности — тюркского евразийства [20, с. 8]. Можно говорить о том, что он радикально переосмыслил наследие первых евразийцев.

Как отмечают современные исследователи, своеобразной компенсацией за «проигранный» русскими XX век стало распространение на рубеже XX-XXI вв. государственно-патриотических и державных идей [21, с. 50-51], в том числе евразийских. Тем более что эти настроения имели благодатную почву. Так, основными элементами системы «квазитрадиционалистских «советских» представлений и ценностей» позднего советизма К.Г. Холодковский назвал «этатизм, упование не столько на свои силы, сколько на институционализированную протекцию государства, уравнительность, «державный» патриотизм вкупе с интернационализмом, часто вербальным, принудительный коллективизм» [22, с. 31].

По мнению ряда специалистов, «если в 1987-1993гг. в российском обществе преобладали процессы усвоения риторики социальных перемен и некоторого узкого круга западных (либеральных и демократических, без строгого различия) идей и символов, то середина и вторая

половина 1990-х годов отмечена и для населения, и для образованного сообщества... усилением мотивов неотрадиционализма, в том числе — в православном духе. Укрепляются изоляционистские настроения, ксенофобия, направленная как внутрь, так и вовне страны (антизападная, но особенно — антиамериканская риторика)» [23, с. 134].

Евразийство стало рассматриваться как вынужденная реакция на «атлантизм», то есть расширение НАТО на восток. По мнению Д. Биллингтона, для российских граждан евразийство стало средством эмоционального выражения сдержанного негодования по отношению к Западу, отвергающему или игнорирующему их в начале нового тысячелетия. В то время как Америка продолжает делать значительные инвестиции в экономику отстающего коммунистического Китая, в экономике России инвестиции практически не ощущаются. Своевременная поддержка, оказанная Россией США в их войне против терроризма после событий 11 сентября 2001г., не принесла ей особой выгоды [24, с. 86].

Положение внутри страны также создавало благоприятную почву для восприятия евразийских идей. «Многовластие, сплошь и рядом оборачивавшееся безвластием, заставляло общество тосковать по твердой руке. Консерваторами, убежденными в необходимости порядка и восстановления государственности, сделались едва ли не все поголовно. Либералы – в надежде, что сильная власть будет эффективнее проводить рыночные реформы, коммунисты – в рамках общего стремления вернуть "утраченные ценности социализма", в т. ч. и всесторонний государственный контроль над общественной жизнью. Наконец, бюрократия, намеренная легитимизировать свои претензии на бессменное управление государственной машиной, готовила почву для выхода на авансцену "партии власти", идеология которой сводилась к фразе "начальство может все"» [25, с. 231-232].

Подобные общественные настроения в стране и общий эмоциональный настрой с течением времени стали использоваться российской властью. В ситуации современного раскола общества (во многом по имущественному признаку – богатое меньшинство и бедное большинство) власть стала играть роль символического единения социального организма. Это находит выражение в идее «особого русского пути». Ее «реставрация» приходится на середину 1990-х гг., когда определились основные черты «новой» русской социальности. Одна из существенных черт ее, по мнению И.И. Глебовой, - символическое преодоление раскола через идею «особого пути». И власть в этом случае как бы занимает положение посредника, модератора, между двумя «складами» русской жизни [25, с. 171]. Продвижение идеи «особого пути», внедрение ее в массовое сознание «укореняет» (символически) господствующие группы, придает им национальные черты, консолидирует их. В результате формируется некий имидж социального единства. Политический консенсус ориентирован на русскую «особость», в этой связи евразийские идеи оказались также востребованными.

Г.Г. Дилигенский связывает повышение престижа «национальных» ценностей с эволюцией российского политиче-СКОГО класса. «Правящий бизнесбюрократический слой» заинтересован «прежде всего в укреплении своей власти, - считает он, - в политическом и социально-экономическом status quo». Бюрократии «не нужны ни реставрация старых порядков, ни продолжение модернизации; единственным идеологическим символом, соответствующим ее интересам, является контролируемое ею Государство. Примат Государства, существующего прежде всего ради самого себя и в интересах чиновников, зависимого от них и обогащающего их бизнес, удобнее всего легитимировать «национальными интересами» и «национальной идеей».

Отсюда этатистско-националистический дрейф элит, широкое использование ими соответствующих идеологических символов» [26, с. 61].

Таким образом, в актуализации отдельных положений евразийства на протяжении 1990-х гг. оказались заинтересованы не только отдельные идеологи, но и относительно широкие социальные группы и, до определенной степени, российская власть.

Одним из критериев идентификации неоевразийства в постсоветской России служит его преемственность идеям «классического» евразийства. Евразийство задумывалось основателями комплексно, поэтому любая попытка его модернизации, основанная на гипертрофированном внимании к отдельным элементам, является отступлением от самого евразийства как целостного учения. Под воздействием политических событий произошла реактуализация только отдельных евразийских положений, интеграционное звучание евразийства оказалось востребованным как нельзя кстати в условиях крушения Советского Союза, а «шоковая терапия» начала 1990-х гг. сделала актуальным в глазах населения антизападническую направленность и риторику евразийцев. В позиции Запада многим виделась неудача либеральных реформ.

Выделению евразийских положений, понятийного аппарата, евразийской риторики в современном политическом процессе, характеризующемся призму идеологического синкретизма, помогают предложенные Ю. Федоровым критерии классификации. Среди основных он выделяет: отношение к Западу либо как к угрозе России, либо как к модели для подражания. Идеологизированным выражением этого отношения являются теоретические положения, либо подчеркивающие цивилизационное своеобразие России, ee историкокультурное отличие от Запада, либо отстаивающие тезис о вхождении в мировую цивилизацию, под которой понимается цивилизация современного западного типа [27, с. 267].

Для западного дискурса характерно признание универсальной ценности достижений западной цивилизации, стремление втянуть Россию в цивилизацию, не считаясь с историческими традициями и современным состоянием страны. В то же время часть западников считает, что нигилистическое отношение к прошлому своей страны связано с неспособностью к освоению исторической традиции. Поэтому они несколько смещают акценты в своем дискурсе в сторону рассмотрения оппозиции «русская цивилизация - русское варварство», что позволяет перевести в иную плоскость бесперспективное противопоставление России Западу.

В отличие от западников традиционалисты (к которым относят и евразийцев) оперируют иными смысловыми категориями. У них выражением единства традиции становится сильное государство («империя», «держава» и т. п.), религиозная составляющая - православие, соборность, являющиеся выражением проникнутости народа духовным началом и силой общественной сплоченности, признание вселенской миссии России, русской государственности и культуры. Сложность анализа подобного дискурса, вычленения евразийской составляющей заключается в том, что он характерен для всех консервативно-националистических сил, в том числе для сторонников «русской идеи». Положительный смысл «русской идеи» формулируется через противопоставление русской культуры западной, описываемой при этом как единое целое: русская духовность, имеющая мистические корни, противопоставляется бездуховности западного прогресса.

Непосредственно для неоевразийского дискурса в современном политическом процессе наиболее характерными являются вариативные геополитические концепции, в основе которых лежит осознание необходимости для России само-

утвердиться и выстоять под агрессивным напором чуждой западной цивилизации. Мощь России в её целостности демонстрируется через отождествление её с огромным пространством, континентом в противовес атлантическому Западу.

Для чисто евразийского дискурса (в его классическом понимании) кроме названия «Евразия» характерно употребление таких категориальных дефиниций, как «симфоническая личность», «идеократия», «органическое государство», «государство правды», «демотия», а также антизападническая риторика. Частотность употребления названных смысловых положений, их расшифровка в идеологических построениях позволяют говорить о причастности тех или иных политических сил к евразийской идеологии.

С. Кургинян выделяет пять моделей неоевразийства, существенно отличных по теоретическим, идеологическим и геополитическим посылкам [28]. Но насколько евразийское идейное ядро оказалось адекватно отображенным в подобных моделях? Только в отдельных идеях.

О.В. Лушников выделяет следующие положения, выражающие квинтэссенцию современного евразийства: 1) самоидентификация России как особой цивилизационной общности, появившейся в результате многопланового этнополитического И культурноисторического синтеза народов Востока и Запада, построенного на сочетании национальной самобытности с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью (Л.Н. Гумилев, Б.С. Лавров, И.С. Шишкин, И.Б. Орлова и др.); 2) противопоставление американскому глобальному мировому порядку цивилизационного и геополитического полицентризма (многополярного мира), поддерживающего через систему стратегических альянсов экологическое, социокультурное и социально-полити-ческое равновесие мира (Б.С. Ерасов, И.Б. Орлова, А.С. Панарин, А.Г. Дугин, К.С. Гаджиев и др.); 3) воссоздание в России и СНГ единого культурного, экономического и политического пространства, способствующего социальному и межнациональному миру, равноправному сотрудничеству и интеграции народов Евразии стратегический и исторический императив России и основа для выживания всех народов Евразии в условиях вызовов современности (Э.А. Баграмов, А.Т. Горяев, Б.С. Ерасов, А.Г. Дугин, А.С. Панарин и др.); 4) признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного неподражательного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные постиндустриальной технологической модернизацией и созданием нового центра геоэкономики в Евразии (И.Б. Орлова, Б.С. Ерасов, А.Г. Дугин, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский и др.) [29, с. 22]. Сходных взглядов придерживаются и другие авторы диссертационных исследований.

В современном евразийстве на щит поднимается, в первую очередь, антизападный характер идеологии евразийцев. Сторонники евразийского проекта (А.Г. Дугин, В.В. Кожинов, В.В. Малявин, А.С. Панарин, В.Я. Пащенко, Г.Д. Чесноков и др.), одновременно выступающие в роли противников прозападнического развития России, так называемого «атлантизма», провозглашают необходимость восстановления целостного постсоветского пространства, создания славянотюркской интеграции и евразийской сверхдержавы. Наиболее ценным из наследия евразийской мысли 1920-х гг. А.Г. Дугин считает именно противопоставление России Западу. «Все исторические евразийцы были принципиальными противниками Запада («романо-германского мира»), сторонниками «идеократии», убежденными русскими империалистами, с симпатией относившимися к сталинской геополитической экспансии» [30].

А.Г. Дугин считает, что евразийский импульс действует в современной России

так же объективно и последовательно, как он действовал всегда на протяжении всей русской истории, на разных этапах выражаясь по-разному [31, с. 16]. По мнению автора, именно в единстве геополитического вектора и заключается осевая реальность, объединяющая между собой такие далекие явления, как Киевская Русь, Московское царство, романовская Россия или Советский Союз.

Политизированность взглядов (в соответствии с политическим моментом) современных неоевразийцев очевидна. Так, Г.Д. Чесноков отмечает, что в настоящий момент евразийская идея — это, в первую очередь, ответная реакция на попытки навязать России политический курс, отвечающий не столько ее интересам, сколько интересам стран Запада [32, с. 76].

Антизападничество «классического» евразийства включало такие положения, как отказ от «европоцентризма», создание (воссоздание) сильного государства — империи, православие как идеологическую опору (в противовес католицизму, на чем и строилось первоначальное противопоставление Западу), «третий путь» развития, равноправное отношение к восточным народам. Таким образом, антизападничество евразийцев было тесно связано как с воссозданием империи, так и «третьим путем» развития.

Для современного евразийства характерен также подчеркнуто антизападнический дискурс, в то же время антизападничество современных евразийцев базируется на вариативных геополитических концепциях. Наряду с провозглашением этноконфессиональной толерантности появились течения, провозглашающие ислам как идеологическую опору.

Таким образом, в современном евразийстве от «классического» идейного ядра осталось только то, что в свое время, вольно или невольно, объединило их с большевиками: антизападничество, из которого логически вытекало воссоздание империи, и «особый путь» (или третий путь) развития. При этом все три со-

ставные части современного ядра идеологии евразийства преподносятся адептами как интеграционный вектор развития. Неудивительно, что именно эти положения оказались реактуализированы в начале 1990-х гг. в отличие от так и оставшихся теоретическими концепциями «идеократии», «демотии» и т. п.

Первая половина 1990-х гг. стала временем бурного роста популярности понятия «евразийства». Популярность не привела к реальному внедрению в общественное сознание сложных идей неоевразийцев. Евразийство, несмотря на усилия некоторых идеологов, так и осталось в общественном сознании лишь подспудной идеей, ориентацией. В сущности, действительно широкое распространение получило лишь представление, что Россия базируется на двойной – этнической (славянской и тюркской) и религиозной (православной и мусульманской) – основе, и потому она и не Восток, и не Запад, что подтверждает необходимость «особого пути». Как показывают социологические опросы, популярность евразийской идеи в наши дни заключается в том, что «видение России как особого целостного культурного мира подсознательно исповедуется тремя четвертями населения России» [33].

Евразийство - идеология изменчивых очертаний, допускающая самые противоречивые смешения; она питается из разных источников, а люди, её создававшие, не сходятся ни в одной исходной посылке, за исключением общего для них понимания России как империи [20, с. 6]. для западных исследователей именно имперский характер евразийства является самой существенной чертой (западные геополитики К. Хаусхофер, 3. Бжезинский, С. Хантингтон в евразийстве видели обоснование русских имперских традиций), то для отечественных – это, в первую очередь антизападничество. Но обратим внимание, что и имперство, и антизападничество напрямую связаны с геополитикой.

Неоевразийство особенно гордится своей геополитикой. При этом оно ни слова не говорит о геоэкономике, которая собственно и «взламывает» представления о замкнутых пространствах. Критикуемая ими глобализация сводится «атлантизации». Но глобализация включает в себя как минимум три важнейших компонента: демократизацию, экономизацию и информатизацию. Если демократизацию с большой натяжкой можно отнести к наступлению атлантической цивилизации на пространство Евразии (хотя это весьма спорный вопрос), то уже экономизацию, т. е. создание глобального экономического, рыночного пространства, и информационную революцию, т. е. создание единого информационного пространства, и в этом следует согласиться с С. Кортуновым, следует отнести к числу объективных глобальных процессов [34].

Современная версия евразийства противоречит евразийству «классическому» также в том, что последнее провозглашало православный замысел русской истории. Именно православные, христианские ценности являются идеологической опорой «классического» евразийства.

Внутри современного национальнопатриотического идеологического поля как самого обширного для деятельности евразийцев выделяются три направления, связанные с определением роли православия, отношения к нему со стороны неоевразийцев: собственно «православное», «толерантное» и «исламское», или тюрко-туранское. Первое направление основывается на православии (как и в «классическом» евразийстве) и отличается ограниченным числом последователей. Второе направление характеризуется терпимостью к «своим» российским инородцам и исламу вплоть до создания православно-исламского союза. Третье направление делает упор на ислам как на идеологическую основу.

«Идеей-ценностью», «идеей-силой» евразийство до сих пор не стало. Основной причиной этого является то, что евразийство не воспринимается государствообразующим русским этносом как русская идеология - идеология, выражающая и отстаивающая его интересы. Более того, в последнее время за евразийством начинает закрепляться репутация идеологии антирусской. Такое положение вовсе не случайно, оно обусловлено отношением новоявленных евразийцев к национальному, в первую очередь русскому, вопросу. Его сторонники активно пропагандируют идею стирания этнических различий, формирования единой евразийской нации, евразийской культуры. Слишком явно сходство «евразийской нации» с новой исторической общностью «советский народ» у коммунистов.

Таким образом, ядро евразийской идеологической конструкции было разработано в 20-е гг. XX в. и включало в себя следующие положения: антизападничество, православие как идеологическую основу, концепции «государства правды», «государства мира», «идеократии», «демотии», «гарантийного государства», «третьего пути». Как показал проведенный анализ, в условиях реактуализации евразийских положений в конце XX в. востребованными разнородными политическими силами оказалось, главным образом, антизападничество евразийцев с концептами империи и геополитической исключительности.

Литература

- [1] Бердяев Н.А. Евразийцы. Казань, 1997. № 1.
- [2] Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.
- [3] На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Москва-Берлин, 1922.
- [4] Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Москва, 2000.

- [5] Савицкий П.Н. Евразийство // Евразийский временник. Т. IV. Берлин. 1925.
- [6] Пишун К.В. Политическое учение евразийства (опыт системной реконструкции и интерпретации). Дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 1999.
- [7] Самохин А.В. Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
- [8] Гавриш М.А. Политическая трансформация современного российского евразийства. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
- [9] Лушников О.В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность. Автореф. дис. ... к.ист. наук. Ижевск, 2008.
- [10] Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004
- [11] Трубецкой Н.С. Наш ответ: евразийство и белое движение // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999.
- [12] Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- [13] Гумилев Л.Н. Меня называют евразийцем... // Наш современник. 1991. № 1.
- [14] Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3.
- [15] Ахраменко Л.П. Евразийские взгляды Л.Н. Гумилева и перспективы развития российского суперэтноса // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: за и против. М., 1995.
- [16] Пащенко В.Я. Идеология евразийства. М., 2000.
- [17] Сайт, посвященный творчеству Гумилева Л.Н. http://gumilevica. kulichki.net

- [18] Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3.
- [19] Нерознак В.П. Мысли о континентальном менталитете и о «новом евразийстве» // Посев. № 4. 1994.
- [20] Ларюэль М. Как присваивается интеллектуальная собственность, или о противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии. 2001. № 4.
- [21] Глебова И.И. Ранний постсоветизм в политико-историческом контексте. М., 2006.
- [22] Холодковский К.Г. Идейнополитическая дифференциация российского общества: история и современность // Полития. 1998. № 2.
- [23] Дубин Б. Между каноном и актуальностью, скандалом и модой. Литература и издательское дело в России в изменившемся социальном пространстве // Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. М., 2004.
- [24] Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М., 2006.
- [25] Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М., 2007.
- [25] Глебова И.И. Ранний постсоветизм в политико-историческом контексте. М., 2006.

- [26] Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Россия в условиях трансформации. М., 2002. Вып. 24.
- [27] Федоров Ю. Группы интересов // От реформы к стабилизации. М., 1995.
- [28] Кургинян С. Содержание нового интеграционизма. Модели евразийского содружества и их соответствие интересам России // Независимая газета. 7 июля 1994.
- [29] Лушников О.В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность. Автореф. дис. ... к.ист. наук. Ижевск, 2008.
- [30] Завтра, 1999. №34.
- [31] Дугин А.Г. Евразийская платформа // Независимая газета. 15 ноября 2000.
- [32] Чесноков Г.Д. Евразийство и проблемы современной России // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: за и против. М., 1995.
- [33] Левада Ю.А. Мониторинг общественного мнения: «Великая Россия Евразийский союз» // Ю.А. Левада // www.levada.ru / Исследования / Политика / «Великая Россия Евразийский союз». 23 10 2003.htm
- [34] Кортунов С. Приключения евразийского человека // www.zlev.ru/ 53_39.htm

Тимергалина Александра Борисовна

аспирантка кафедры социологии, политологии и связям с общественностью ого нефтаного технического университета

Уфимского государственного нефтяного технического университета

СОЦИАЛЬНОЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ДИССИДЕНТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Акцент в исследованиях, посвященных диссидентскому движению, делается, как правило, на политической составляющей их деятельности — критике советского политического режима, правах политзаключенных и т. д. Однако не менее важным сегментом деятельности этого движения была защита социально-трудовых прав советских людей. В статье рассмотрена деятельность Московской Хельсинкской группы, Свободного профсоюза и Свободного межпрофессионального объединения трудящихся, проанализированы их позиции по вопросам защиты социальных прав советских трудящихся, рассмотрена конкретная правозащитная практика.

Ключевые слова: диссидент, диссидентское движение, профсоюзы, правозащитники.

Диссидентское движение возникло в середине 60-х годов XX века. Днем рождения этого движения можно считать первую демонстрацию под правозащитными лозунгами в Москве на Пушкинской площади 5 декабря 1965г. Диссидентство - это общественно-политическое оппозиционное движение. Оно состояло из целого спектра различных течений: национального, религиозного, правозащитного, движения за социально-экономические права. Ведущую, направляющую, объединяющую роль в нем играло правозащитное движение. Основной составляющей частью движения за права человека была интеллигенция.

Одна из наиболее значительных заслуг правозащитного движения - создание самиздата. Инициатива организации этого неподконтрольного способа распространения запрещенной в СССР литературы принадлежала именно правозащитному движению. Правозащитникам удалось резко увеличить распространение самиздата, принципиально изменив этот процесс. Единичные случаи передачи рукописей на Запад они превратили в систему, отладили механизм «самиздат – тамиздат - самиздат» (тамиздатом стали называть книги и брошюры, отпечатанные за рубежом и возвращённые в таком виде в СССР).

Следует отметить, что ни национальные, ни религиозные, ни правозащитные движения не имели четко выработанной социальной программы.

Религиозные течения отстаивали в основном право на выбор вероисповедания и свободу отправления религиозных культов. Они ратовали за свободу души, придавая мало значения проблемам материальным.

Национальные движения выступали за предоставление различных прав и свобод представителям тех или иных национальностей. В числе прочих они выдвигали требования и в социальной сфере, но это были разрозненные лозунги, не объединенные в единую социальную программу. Правозащитное движение, несмотря на свою главенствующую роль во всем диссидентском движении, выдвигало в основном требования в области гражданских и политических прав, касаясь социально-экономической сферы лишь вскользь. Так, лидер правозащитного движения академик А.Д. Сахаров в своей Нобелевской лекции говорил: «Мир, прогресс, права человека - эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими... международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немыслимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания... свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым — основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав» [1].

А.Д. Сахаров, как и большинство правозащитников, более активно ратует за социально-экономические права политзаключенных. Так, выдвигаются требования, распространяемые через письма за подписью многих видных диссидентов. Тем не менее, А.Д. Сахаров как сторонник «прозападнического» направления в правозащитном движении все же предпринимал попытки выдвижения социальных требований улучшения ситуации в экономической сфере. Следует отметить, что большое значение А.Д. Сахаров уделял проблемам политзаключенных.

А.И. Солженицын, также являясь одним из лидеров правозащитного движения, особое внимание уделяет вопросам соблюдения гражданских и политических прав.

Несколько в стороне стоит политика А.А. Зиновьева. Хотя многие исследователи относят его к диссидентам, сам он дистанцируется от движения и старается держаться обособленно. В своих многочисленных работах А.А. Зиновьев часто касается именно насущных социальных проблем. Однако Зиновьев все же не выдвигает четкой социальной программы. В своих произведениях он указывает на недостатки в этой сфере, разрабатывает различные модели решения этих проблем. Но чаще всего приходит к выводу, что социальные проблемы вторичны и решение их осуществится после решения политических вопросов.

Самиздат как один из наиболее действенных каналов распространения информации о деятельности диссидентов почти не обращался к социальноэкономическим проблемам. Отсутствие социальной программы в диссидентской среде объясняется во многом тем, что в состав диссидентского движения не входили люди, предъявлявшие социальные требования.

В СССР возникали волнения на социально-экономической почве, но власти их подавляли оружием. Наиболее известны такие волнения в Новочеркасске в 1962г. В то время самиздат еще не функционировал как четко отлаженная система, и поэтому эта информация не доходила до правозащитников. Отсутствовала связь между интеллигентским составом правозащитников и рабочей средой, в которой и вызревали эти волнения.

Затем после возникновения «Хроники текущих событий» – информационного органа правозащитников - информация стала просачиваться. Советские забастовки не выставляли ни политических, ни общих социально-экономических требований. В основном это были конкретные требования повышения заработной платы, выплаты премиальных и т. д. Эти стачки были кратковременными, требования бастующих, как правило, удовлетворялись. Но эти забастовки не имели цели создания единой социальной программы, здесь не было борьбы за идеи, здесь решались конкретные насущные единовременные проблемы.

Попытки сформулировать общие требования в социальной сфере предпринимались неоднократно с середины 1950-х гг. Рабочим было важнее выполнение их требований здесь и сейчас, нежели составление программ и планов на длительную перспективу. В связи с этим инициаторами подобных попыток формулировки социальных требований были представители интеллигенции, близкие к рабочим кругам. Они создавали подпольные организации в своих городах.

Действуя в лучших традициях революционеров 1917г., они распространяли листовки со своими программами, в которых были не только общедемократические, но и социальные требования. Деятельность этих подпольных организаций ввиду жесткой конспирации оставалась неизвестной за пределами города или поселка. Поэтому эти группы не имели связи с правозащитниками и не встречали сочувствия и поддержки.

В 1970-е гг. предпринимались попытки предать гласности социальные проблемы СССР. Рабочий из Одессы Леонид Серый в 1976г. и Анатолий Марченко в 1977г. написали письма на открытую тему, обращаясь к зарубежным профсоюзам. Инженер А. Никитин пригласил в Донецк американских корреспондентов и сумел организовать их встречу с шахтерами, которые честно рассказали о своей жизни. За этот поступок А. Никитин попал в спецпсихбольницу.

Первой правозащитной ассоциацией в СССР, издавшей документы о положении в области социально-экономических прав, стала Московская Хельсинкская Группа (далее МХГ), созданная в 1976г. в Москве. 1 августа 1975г. завершилось проходившее в Хельсинки совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором принимали участие главы всех европейских государств (за исключением Албании), а также США и Канады. Советское руководство, подписав Заключительный акт этого совещания, приняло на себя обязательство придерживаться международных стандартов в области прав человека. Московские правозащитники Юрий Орлов, Андрей Амальрик, Валентин Турчин, Анатолий (Натан) Щаранский пришли к идее создания независимых от правительств общественных объединений по контролю за выполнением гуманитарных статей Хельсинкских соглашений. 12 мая 1976г. на пресс-конференции, созванной на квартире академика А.Д. Сахарова, Юрий Орлов объявил о создании Московской Хельсинкской группы. Такова история создания главной правозащитной ассоциации. Одним из документов из области защиты социально-экономических прав является «Нарушение социально-экономических прав человека в СССР. Право на труд»:

«Наибольшим нарушением прав рабочих и служащих является отсутствие у них реальной возможности защищать свои интересы. В советском законодательстве нет права на забастовку, любая попытка коллективного выступления жестоко подавляется. Имеющиеся в СССР отраслевые профсоюзы есть, по сути, образование партийно-государственное, они не являются организацией рабочих для борьбы за повышение уровня жизни и улучшения условий труда... Профсоюзы в СССР занимаются вопросами производства, выполнения плана, укрепления дисциплины, воспитательной и идеологической работы... и лишь в самом ничтожном объеме защищают интересы рабочего» [2, с. 210].

Если ориентироваться на обязательные гуманитарные статьи Заключительного Акта Хельсинкского договора, документы МХГ соответствовали следующим тематикам:

- 1) равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой;
  - 2) свобода выбора места проживания;
- 3) свобода выезда из страны и право возвращения в нее;
  - 4) свобода совести;
- 5) право знать свои права и действовать в соответствии с ними;
  - 6) права политзаключенных;
  - 7) контакты между людьми;
  - 8) право на справедливый суд;
- 9) социально-экономические права, подтвержденные Всеобщей декларацией прав человека и международными пактами о гражданских и политических правах, одобренных Советским Союзом;
- 10) предложения МХГ Белградской и Мадридской конференциям по улучшению контроля за выполнением гуманитарных статей Заключительного Акта.

С начала 1978г. социально-экономическая тематика стала все чаще появляться в документах Московской Хельсинкской Группы. В этих документах освещаются самые насущные проблемы советского общества: неучитываемая безработица, отсутствие пособия по безработице, низкий уровень заработной платы основной массы населения, использование женского труда на тяжелых работах, существование различных форм принудительного и полупринудительного неоплачиваемого труда, резкое ограничение выбора места работы из-за системы трудовых книжек и прописки. Также некоторые документы посвящены дискриминации в области труда инвалидов, верующих, бывших политзаключенных, членов независимых общественных ассоциаций.

Первой открытой ассоциацией, выступившей с социальными требованиями, стал Свободный профсоюз, созданный в феврале 1978г. В конце 1977г. 25 человек подписали «Открытое письмо к мировой общественности об истинном положении рабочих и служащих в канун 60-летия СССР». В этом письме говорится: «Мы – советские люди из разных слоев общества, ... разных национальностей и из разных уголков страны ... мы – это многочисленная армия советских безработных, выброшенных за ворота предприятий за право на жалобу, за право на критику, за право на свободу слова... Сколько нас? Мы думаем, нас десятки тысяч, сотни тысяч... Сегодня страдаем мы – завтра любой гражданин СССР может стать членом нашего коллектива и мыслить по-нашему» [2, с. 273].

Представителями независимого профсоюза была созвана пресс-конференция с участием иностранных корреспондентов, на котором это письмо было предано огласке и отдано для передачи в ООН и на Белградскую конференцию государств-партнеров по Хельсинкским соглашениям.

Представители независимых профсоюзов, выдвигая в целом правозащитные программы и выступая под диссидентскими лозунгами, дистанцировались от правозащитников. Они не считали себя диссидентами, поскольку боролись не со строем, а с конкретными социальными проблемами. Лидер первого в СССР независимого профсоюза В. Клебанов говорил, что цель независимого профсоюза — «...помогать успешному строительству коммунизма и бороться с бюрократией и волокитой» [2, с. 275].

Активистов, таких, как Клебанов, действительно сложно отнести к диссидентской среде. Их главным стремлением было добиться соблюдения прав в социальной сфере, вернуться в нормальную советскую колею. Они не вынашивали возвышенных политических планов, думали и действовали локально.

Тем не менее, начавшийся процесс уже было не остановить. В апреле 1978г. была предпринята новая попытка создания профсоюза. Несколько правозащитников направили в Президиум Верховного Совета СССР, в Совет Министров и ЦК КПСС заявление с требованием зарегистрировать на основании действующих нормативных актов Независимый профсоюз трудящихся СССР. Но, разумеется, ответа не последовало. Затем один из инициаторов этого профсоюза В. Кувакин создал Рабочую группу защиты трудовых и социально-экономических прав человека в СССР. Группа публиковала в журнале «Поиски» и в самиздатских сборниках обзоры о нарушениях права на труд, о несоответствии уровня социального обеспечения международным нормам и пр.

В конце концов было решено создать правозащитную организацию, которая бы объединяла людей разных убеждений. Так было создано Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (далее СМОТ). Целью СМОТа было оказание правовой, моральной и материальной помощи своим членам. При СМОТе создавались различные кооперативные объединения и кассы взаимопомощи. Также при СМОТе должна была собираться и

обобщаться информация о положении в области социально-экономических прав.

СМОТу удавалось выполнять информирующую функцию, но взаимопомощи на кооперативных началах не суждено было осуществиться. Многие члены СМОТ были арестованы. Но даже серии арестов не остановили выпуска «Информационного бюллетеня». 25 октября 1978г. Московская Хельсинкская Группа объявила на своей пресс-конференции о создании Инициативной группы (далее ИГ) защиты прав инвалидов в СССР. Целью ИГ являлся сбор и распространение информации о положении инвалидов в СССР, обращение с ходатайствами в компетентные органы об улучшении системы обеспечения инвалидов и помощи им и, наконец, создание Всесоюзного общества инвалидов. Участники Инициативной группы инвалидов сразу же начали подвергаться жестоким преследованиям со стороны КГБ.

Инициативная группа инвалидов была принята как филиал в международное общество инвалидов, информировала международную общественность о положении инвалидов в СССР и получала из-за рубежа периодические издания с информацией о положении инвалидов в других странах.

Вместе с открытыми ассоциациями в защиту социально-экономических прав в те же годы известно несколько анонимных призывов к трудящимся бороться за свои права. В Москве на Красной Пресне в апреле 1983г. появились листовки «левооппозиционной группы» «Новый путь» аналогичного содержания. В Эстонии в 1981-1982гг. были сделаны попытки с помощью листовок призвать к получасовой демонстрации-забастовке с политическими и социально-экономическими требованиями. Листовки были подписаны: «Демократический национальный фронт Советского Союза».

В это время самиздат уже активно публиковал материалы по ведению борьбы за социально-экономические права в Советском Союзе. Единая социальная программа диссидентского движения так

и не была выработана, но были предприняты первые систематические шаги к решению этой проблемы.

Итак, борьба за соблюдение социальных прав и свобод велась в трех плоскостях: вызревание требований происходило в рабочей среде, формирование и локальное отстаивание - в среде интеллигенции, не входившей в правозащитное движение, но имеющей связи с рабочей средой; информирование отечественной и мировой общественности, публикация документов, обобщение фактов - прерогатива ядра правозащитного движения. Таким образом, создание и продвижение социальной программы происходило снизу вверх как по сути, так и по хронологии. Рабочие дали сигнал правозащитникам к созданию социальной программы и социально-экономических отстаиванию прав и свобод. Диссиденты более активно работали в области гражданских прав и свобод, несколько оставляя в стороне социальную программу. Следует отметить, что правозащитники все же уделяли внимание социальным проблемам, но в основном они ратовали за права политзаключенных, за помощь им, в том числе в социальной сфере. Видя в них пострадавших за их общее правое дело, диссиденты всячески отстаивали права этой группы. Тем не менее, следует признать прогресс в сфере продвижения и отстаивания социально-экономических интересов. Это были только первые шаги, но цель была намечена, и было задано направление вектора развития.

Литература

- [1] Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека http://www.sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/saharov_-_mir_progress.html
- [2] Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. История инакомыслия в СССР: Новейший период / Алексеева Л.М. Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений (МХГ). М., 2001.

Научная жизнь

Научная жизнь

Международная научно-практическая конференция «Креативное образование – потребность современного рынка труда»

13-14 ноября 2008 года в Башкирском институте социальных технологий (филиале) Академии труда и социальных отношений состоялась международная научно-практическая конференция «Креативное образование - потребность современного рынка труда». Соучредителем конференции выступил Комитет Республики Башкортостан по делам ЮНЕ-СКО. Участники конференции - представители научного сообщества из различных городов России, Казахстана и Германии обсудили широкий спектр проблем современного высшего образования: структурные сдвиги в системе высшего образования; тенденции развития высшего образования на современном этапе; вопросы гуманизации, фундаментализации и стандартизации высшего образования; регионализации деятельности высшей школы; проблемы импорта и экспорта высшего образования.

В ходе работы Круглого стола «Актуальные проблемы высшего профессионального образования на современном этапе» участники конференции проанасовременное лизировали состояние высшего образования, обозначили основные тенденции в его развитии, проблемы и пути их преодоления. Было отмечено, что система образования в России переживает сейчас радикальные изменения, затрагивающие все её элементы и звенья. Кроме того, за последнее десятилетие аналогичные реформы национальных систем образования пережили практически все развитые страны. Доктор филологических наук, профессор Н.М. Жанпеисова (г. Астана, Казахстан) отметила постоянно возрастающие по объему и все более разносторонние по содержанию мирохозяйственные связи, которые формируют потребность в универсальных специалистах, получающих профессиональную подготовку в национальных университетах. Это приводит к тому, что содержание национальных систем высшего образования естественно стремится к неким единым стандартам, вырабатываемым мировой наукой и техникой. Глобализация требует от национальных систем высшего образования новой целевой ориентации, учитывающей потребности общества в международной солидарности на основе ценностей общечеловеческой этики.

Среди основных мировых тенденций современного высшего образования учаконференции отметили, первых, его всё более массовый характер. Эта тенденция, по мнению директора Башкирского института социальных технологий Т.А. Нигматуллиной, ставит на повестку дня вопрос о качестве обучения. Современное общество нуждается в высокообразованных и мобильных специалистах. Именно общество может и должно стимулировать качественное высшее образование, воздействуя на рынок труда молодых специалистов. Кроме того, решению поставленных задач должно способствовать «творчески ориентирообразование, ванное позволяющее сформировать нестандартно мыслящих людей, способных эффективно работать в самых разных областях знаний независимо от их специальности».

Очевидна и вторая тенденция — диверсификация высшего образования по институциональным формам, уровням и содержанию. Однако, как отметила доктор педагогических наук, профессор Г.И. Воронина (г. Москва), несмотря на многообразие высших учебных заведений в современней России, роль и значение классических университетов продолжает

возрастать. Более того, они совершенно очевидно претендуют на роль своеобразных центров по формированию социокультурной среды в регионе. По мнению Г.И. Ворониной, диверсификация высшего образования порождает проблему его адекватности современным требованиям и качественных различий в разных типах учебных заведений. Для России эта проблема выражается в разнородном составе контингента студентов и преподавательского состава, а следовательно, и уровня подготовки в государственных и коммерческих вузах.

И, наконец, третья тенденция, характерная для современного высшего образования развитых стран - его интернационализация, устойчивость процесса универсализации высшего образования. Эта тенденция ярко проявляется в возрастающей роли международного сотрудничества в области образования, появлении наднациональных образовательных организаций, программ и фондов. Безусловно, это благоприятная тенденция. Однако, как отметил Президент Актюбинского университета им. С. Баишева, доктор философских наук, профессор Б. Ахан (Казахстан), мобильность студентов и преподавателей в условиях сильных различий экономического развития разных стран приводит к такой негативной тенденции, как «утечка умов».

Важную роль в процессе развития международной интеграции высшего образования играет международное сотрудничество и такие международные организации, как ЮНЕСКО. Исполнительный директор Комитета Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО Р.М. Суфиянов (г. Уфа) в своем выступлении подчеркнул, что «развитие международного сотрудничества является главной целью ЮНЕСКО и основной формой деятельности в сфере высшего образования». Секретарь Комитета Российской Федерации по делам ЮНЕСКО К.А. Гавердовская (г. Москва) отметила, что международное сотрудничество меняет свои формы и виды деятельности, накапливая потенциал для достижения такого уровня высшего образования, который соответствовал бы потребностям современного международного социума. Еще одной важной задачей международного сотрудничества в рамках ЮНЕСКО является выравнивание уровня национальных образовательных систем и подготовка квалифицированных кадров для национальных экономик.

Почетная гостья конференции, Национальный координатор Проекта ассоциированные школы ЮНЕСКО, депутат Московской городской Думы Т.А. Патяева в своем выступлении обратила внимание участников конференции, преподавателей вузов, директоров и учителей школ на важность преемственности образовательных программ школ и высших учебных заведений. Только согласованные действия на всех этапах обучения молодого специалиста создадут условия для формирования профессиональной компетенции учащихся.

Интересный опыт государственной политики в сфере высшего образования Европейского Союза и германской службы академических обменов (ДААД) был представлен в докладе представителя ДААД в Республике Башкортостан Марион Скал.

Однако несмотря на положительный эффект от развития интеграции и международного сотрудничества, участники научной конференции отметили и ряд негативных сторон этой тенденции, в первую очередь, умаление значения национальных образовательных традиций, опасность потерять такие несомненные достоинства российской образовательной системы, как фундаментальность, научность, энциклопедичность. Как отметила в своем выступлении директор БИСТ (филиала) АТиСО Нигматуллина Т.А., сегодня необходимо стремиться к поиску оптимальных вариантов последовательной интеграции высшей школы России в мировую систему высшего образования, сохранить все ценное, что имеет российНаучная жизнь

ская школа, и в то же время осуществить востребованные временем изменения,

которые позволят обеспечить перспективы развития России в новом столетии.

Цикл профсоюзных научно-практических конференций

По инициативе Башкирского институсоциальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений и при поддержке Федерации профсоюзов Республики Башкортостан оргапроведён цикл низован И практических конференций, посвященных вопросам профсоюзного движения и участия в нем молодежи: «Молодежь и профсоюзное движение» (30 октября 2008г.); «Портрет современного профсоюзного лидера» (18 февраля 2009г.); «Молодежь и профсоюзы в Республике Башкортостан» (18 марта 2009г.).

Проблемы получения доступного качественного образования и бесплатного медицинского обслуживания, трудоустройства и занятости, ухудшения условий для создания семьи, всестороннего и полноценного культурного развития, а также жилищная проблема, военный призыв и служба в армии – вот неполный перечень вопросов, волнующих молодое поколение. Председатель профсоюзной организации студентов БИСТ Петрова А.В. (г. Уфа) в своем докладе на Региональной научно-практической конференции «Молодежь и профсоюзы» отметила, что большинство членов студенческого сообщества недостаточно знает о том, что профсоюзы – это та организация, которая может открыто защищать их интересы, отстаивать их права и гарантии. Общее мнение участников конференции выразила студентка Габбасова Линара (г. Уфа), которая предложила включить в резолюции по итогам конференции обращение к Федерации профсоюзов РБ «активизировать свою деятельность в сфере молодежной политики, влиять на формирование социальной активности молодежи при решении общественно значимых вопросов, эффективно выполнять свою основную функцию – защиту прав трудового населения».

Новый формат представляет Всероссийская научно-практическая конференция «Портрет современного профсоюзного лидера», прошедшая 18 февраля 2009г. Это видеоконференция, которая собрала студентов из различных городов России (Москва, Екатеринбург, Челябинск, Казань, Уфа). В основе дискуссии лежали результаты одноименного социологического опроса, проведенного среди учащейся молодежи. Главный вопрос конференции и социологического опроса - какими качествами должен обладать профсоюзный лидер, возглавляющий массовую общественную организацию?

В числе типичных социальнопсихологических черт личности профсоюзного руководителя называются: инициативность, энергичность, уверенность, проницательность, предприимчивость, организованность, высокая работоспособность и т. п. Но наиболее важными названы: творческий склад ума, стратегическое мышление, умение аккумулировать энергию многих, склонность к инновациям. Иначе говоря, считают респонденты, руководитель должен обладать креативными качествами, т. е. быть способным порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации. Студенты старших курсов в этот перечень добавляют еще и наличие профессиональных знаний и возрастной показатель: профсоюзный лидер должен быть не старше 35 лет.

Следующее качество, которое выделяют опрашиваемые как необходимое для профсоюзного лидера, — организаторские способности, умение брать на

себя ответственность за принятие решений и рационально использовать свое время. Принципиальным является наличие у профсоюзного лидера толерантных качеств, т. е. терпимости и снисходительности к чужим мнениям, верованиям, поведению.

Участники дискуссии акцент сделали на том обстоятельстве, что сегодня большая часть населения России пребывает в состоянии постоянного стресса, депрессии, и потому как никогда важно, чтобы руководители обладали качествами победителя: были уверены в успехе своего дела; сконцентрированы на возможностях, а не на трудностях. Массы пойдут за теми, кто уверен в правильности выбранного пути и сумеет убедить в этом других. Кроме того, профсоюзный лидер должен охранять профсоюзные традиции и своевременно замечать новые явления, вселять в массы социальную уверенность, преодолевая их пессимизм и апатию. Этого можно достичь в случае, если постоянно подчеркивать важность общих ценностей и общего видения будущего, идентичность со своим коллективом и формирование у него чувства «кто мы есть» и «за что мы стоим» как организация. Поэтому для профсоюзного лидера очень важны ораторские навыки - владение словом и искусством убеждения.

Центральной темой для дискуссий на Республиканской научно-практической конференции «Молодежь и профсоюзы в Республике Башкортостан» (18 марта 2009г.) стали результаты одноименного социологического исследования, проведенного Федерацией профсоюзов Республики Башкортостан.

Основные цели исследования, по словам зам. председателя Федерации профсоюзов РБ Ивановой Л.Х., заключаются в следующем: (1) определить, как молодежь относится к профсоюзам; (2) как видит себя в профсоюзном движении; (3) какие проблемы волнуют молодежь и каким образом профсоюзы могут

помочь в их решении. Участниками социологического опроса стали представители различных слоев молодежи: нефтехимической отрасли (ЗАО «Каучук»), авиационной промышленности (ОАО УМПО), текстильной и легкой промышленности (хлопчатобумажный комбинат, ОАО «Дубитель»), учащаяся молодежь (Башкирский государственный университет, Башкирский институт социальных технологий) – всего 249 человек.

Среди основных проблем современного профсоюзного движения, как показал опрос респондентов, можно назвать слабую мотивацию профсоюзного членства. Так, 35,5% респондентов признались, что состоят в профсоюзе «по привычке, по инерции». Вступая на рынок труда, молодые люди почти ничего не знают о профсоюзных организациях. Им непонятны в полной мере преимущества членства в профсоюзе. Они рассматривают их как традиционные и бюрократические институты, не соответствующие собственной молодежной культуре. Однако, как отметил Зайнетдинов И.Х. (председатель ППО ЗАО «Каучук», г. Стерлитамак), молодые люди могут стать активными членами профсоюза, если цели и деятельность организации будут соотноситься с их интересами и потребностями. Важным фактором мотивации профсоюзного членства является эффективность работы профсоюзных организаций. По мнению Фазылова Г.Ф. (Республиканская организация Башкортостана Общероссийского профсоюза работников автомобильного транспорта и дорожного хозяйства), привлечь молодежь в профсоюзы может и поддержка молодежных инициатив, помощь в реализации их интересов и устремлений.

Острую дискуссию вызвал в определенном смысле провокационный доклад Курамшиной А.Х. (психолог, бизнестренер, г. Уфа) – «Время умирать или меняться». Жесткая постановка вопроса и весьма неприятный для профсоюзного руководства вывод: «Вы заметили, что

Научная жизнь

вопрос «Нужен ли профсоюз в современной России?» уже популярен только в среде самих профсоюзных деятелей, в то время как большинство российских работников нашло ответ ещё в середине 90-х годов. И это был отрицательный ответ». Как профсоюзам переломить ситуацию, заслужить доверие граждан? По мнению Курамшиной А.Х., «следует внимательно разобраться в том, как профсоюзы позиционируют себя, какие задачи перед собой ставят и насколько эффективно их выполняют. Следует «оторваться» от государства, от включенности в административный аппарат».

По мнению Петровой А.В., необходимо предпринять меры для создания позитивного имиджа профсоюзов в глазах населения, а лучше всего это делать через конкретные дела и, главное, доне-

сти до аудитории результаты этой работы через СМИ. Фазылов Г.Ф. отметил, что необходимо позаботиться о вливании «новой крови» – то есть молодых, энергичных, готовых действовать лидеров профсоюзного движения.

Все участники дискуссии пришли к единому мнению, что сегодня профсоюзам необходимо выработать новые методы работы, пересмотреть структуру, концентрируя все усилия на защите трудовых прав и решении социально-экономических проблем членов профсоюзов.

Сулейманова А.К., зам. главного редактор «Вестника БИСТ», Черкесова Н.Н, ответственный редактор«Вестника БИСТ»

Критика и библиография

М.И. Роднов. Судьба редактора. Историко-документальная повесть.

Уфа: Изд-во 000 «ДизайнПолиграфСервис», 2009. 92 с.

История индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще.

Л.П. Карсавин

Нечасто в наше время встретишь работы, посвященные «человеческому измерению» в истории, отдельной личности. На исторические труды, всё чаще претендующие на новую концептуальность и смену ракурсов видения прошлого, накладывает свой отпечаток эпоха глобализации. Речь идет не просто о воссоздании перипетий индивидуальной судьбы, а об историческом исследовании непрерывного движения человека по своему жизненному пути и о его многообразных интеракциях В меняющемся социальноинтеллектуальном пространстве.

Биографии принято писать только о гениях и талантах, в тени остаются те, кого в профессиональном историческом сообществе называют «фигуры второго плана». Они делают свое дело, пребывая в тени гениев, но без них невозможно ни в статике, ни в исторической динамике представить себе пространство интеллектуальной жизни, пронизанное множеством связей и опосредований.

Немного найдется читателей (исключая профессиональных историков), кто читал газету «Уфимские губернские ведомости», выходившую в нашем крае с 1867 по 1917гг. В то время как значение газеты, долгое время единственной в губернии, для массового обывателя того времени было огромно.

Книга Михаила Игоревича Роднова посвящена самому важному в любой газете — людям, её делающим: главному редактору неофициальной части Николаю Александровичу Гурвичу и его ближай-

шему сподвижнику и соратнику Руфу Гавриловичу Игнатьеву — двум незаурядным личностям второй половины XIX в. Именно эти два человека — первый — своей издательской политикой, второй — исследовательской деятельностью — открыли широкой читательской публике богатый и самобытный мир башкирского края: его историю, культуру, традиции, многочисленные предания, поверья, обряды.

Сложно отнести книгу к какому-либо жанру (сам автор определяет её как историко-документальную повесть). Это и не биография в полном смысле этого слова, и не описание истории газеты. Книга состоит из четырех частей. Первые две – «Вдвоем», «Два редактора. Прощание» - посвящены деятельности Н.А. Гурвича и Р.Ф. Игнатьева. Вторые две - «Десять лет одиночества: от юбилея до отставки», «Другая пресса» - повествуют о последних годах работы Н.А. Гурвича. В то же время монография как бы состоит из двух уровней: первый описывает судьбу героев (житейскую, творческую), второй включает массивный блок исторического материала, посвященного истории края и города. Уфа предстает перед читателем не в образе безликих кварталов новостроек, затянувших землю железом и бетоном, и не как очередное место в череде многих провинциальных захолустий, а как город, наполненный жизнью, со своими маленькими «открытиями», радостями и бедами, по сути, мало отличными от современных.

Жанр научной биографии весьма коварен и способен увести исследователя, попавшего под обаяние своих героев, на неведомые и далекие от научной истины пути. М.И. Роднов в традиционной для себя манере, выражающейся в склонности к детальному исследованию, воссоздает с исторической достоверностью мотивы поступков и поведения своих героев.

Книга М.И. Роднова написана содержательным, хорошим литературным языком. Автор не скрывает своих симпатий к Н.А. Гурвичу и Р.Ф. Игнатьеву, но при этом, и это особо следует подчеркнуть, он постоянно находится в содержательном русле и эмоциональном настрое газетных публикаций. Здесь нет так полюбившейся многим современным историкам модернизации исторического времени, стремления сверстать исторический материал под очередную концепцию. Автор именно идет за историческим материалом, не прибегая к назойливому акцентированию или утрированию газетной информации. Работа в региональных и центральных архивах и библиотеках позволила М.И. Роднову показать научное творчество Н.А. Гурвича и Р.Ф. Игнатьева на фоне общих процессов, происходивших в стране, вписать историю людей, создававших газету, и саму газету в живой исторический контекст.

Содержательная сторона монографии М.И. Роднова полностью соответствует определению жанра биографии,

данному в свое время Э.Ю. Соловьевым: «Непосредственным объектом биографии является жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти. Однако предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, каждый раз оказывается социальная и культурная ситуация. Только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления»¹.

Местами книга напоминает хороший исторический детектив, автор увлекает нас своими поисками, детально восстанавливая жизненный и творческий путь краеведов XIX в. Краеведов с большой буквы, синтезировавших в себе знания и умения историков, этнографов, фольклористов, бытописателей. Мы действительно мало знали об этих людях (в счет не берутся сжатые энциклопедические заметки, чаще напоминающие некрологи). Поэтому труд М.И. Роднова восполняет существенный пробел в историческом познании нашего края, позволяет реконструировать многие стороны его изучения, свидетельствует об исследовательском подвиге, пусть и не таком приметном на первый взгляд.

А.С. Верещагин, доктор исторических наук (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

-

¹ Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. Статья вторая // Вопросы философии. 1981. № 9. С. 138.

Contents & Summaries

ABSTRACTS

PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Shulus Alexey Appolinarievich

Doctor of Economy, professor, a full member of Russian Academy of Natural Sciences of Russian Federation and of Russian Academy of Social Sciences, president of Academy of Labour and Social Relations

About correlation of social justice and economic efficiency in modern Russia

In this article the author examines the possibility of building the economic development model, which in crisis conditions can provide social development on the principles of social justice and economic efficiency in the network of constitutional state. The author suggests a reader a new method of IGP calculation that was worked out by the scientists of Academy of Labour and Social Relations. The use of this method will allow keeping the balance between social justice and economic efficiency.

Key words: social justice, social economy, economic efficiency, human capital.

Mamedov Agamaly Kulamovich

Doctor of sociological sciences, professor, pro-rector on science of the Academy of Labour and Social Relations

Fedoseev Vladilen Valentinovich

Candidate of economic sciences, assistant professor, the head of the chair of economic disciplines of the branch of the Russian State Social University in the city of Lubertsy

On the system of resumptive indexes of the level of the living standard of the population, differentiation of income and social tension

The authors' approach to the creation of the System of indexes of living standard is considered. The principles of calculation of the index of human potential development, of the index of life expectancy, of the index of the level of education of the population and of the index of the real gross domestic product per head are worked out. International experience of carrying out calculations of the kind is analyzed. The ways of improvement of the system of resumptive indexes of the living standard are suggested, the necessity of lowering the level of the differentiation of the population's income is proved.

Key words: the level of living of the population, social tension, the differentiation of the income of the population, social income inequality.

Meshkov Vladimir Rodionovich

Candidate of Philosophic sciences, director of the National Institute of Social Audit

Social audit in the system of social management

In modern market the role of social factor and human capital is increased. So there is a question – how to rate the level of social management system. Academy of Labour and Social Relations has worked out the Conception of Russian model of social audit – the innovative social technology of the system of social economic relations. In this article the author examines the

Contents & Summaries

role and the place of social audit in the system of social management. The aims and propositions, the subject and object of social audit are disclosed here. The mechanism of carrying out social audit is analyzed. The concrete arrangements for making the business base of Russian model of social audit are offered.

Key words: social audit, social security, social partnership, corporate social responsibility, social economy.

Nigmatullina Tanzilya Altafovna

Candidate of historical sciences, associate professor, director of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch) Academy of Labour and Social Relations

Social audit and social monitoring as technologies of business image growth

In this article the methods of social auditing and social monitoring are presented. These methods were worked out by the group of authors from the Bashkir Institute of Social Technologies (branch) Academy of Labour and Social Relations and they were put to use in different organizations.

Key words: social audit, social monitoring, resort potential, social responsibility, social programme.

THE SCIENTIST'S TRIBUNE

Orlanov Georgy Borisovich

Candidate of philosophic sciences, a professor of the chair of sociology and management of social processes of the Academy of Labour and Social Relations

Social values as the factors of the state management of educational process

The work is devoted to the actual problems of the Russian educational system reforming. In the course of the analysis the objective factors, which make difficulties for the integration of Russia into the unified educational area are defined. The author suggests the ways of practical solving the problems of the Russian education on the state level.

Key words: socialization of a personality, the Bologna process, the reforming of educational system, the paradigm of education.

Bayazitova Sophia Alexandrovna

Postgraduate student of the chair of history and cultural sciences of the Ufa State Oil Technical University

The gender approach in sociology: evolution of theory and practice of application

The article is devoted to the issues of development and application of the gender approach in research. The author makes a conclusion that the gender approach is developing as a feminine critic of the basic directions of sociology. Nowadays the gender research in the field of sociology are confronted with the same problems as sociological knowledge on the whole, namely: with the problem of correlation of the levels of structure and actions, with the polemics on the symbolic interactionizm and ethnometodology on the one hand, and structuralizm and functionalism – on the other.

Key words: gender, gender approach, pole-role approach, gender disparity.

Egoryshev Sergey Vasilyevich

Doctor of sociological sciences, professor, pro-rector on scientific work and practice SEI 'Eastern economical, judicial and human academy'

Ways of the creation of interaction mechanism of home affairs with institutions of civil society and population for ensuring security

In this article the author considers the questions connected with the advancement of cooperation efficiency of law-enforcement agencies and the agencies of home affairs with population with the aim to guarantee security in the society. The author also emphasizes the role of the state, the society and each person in the formation of interaction mechanisms. On the basis of foreign and home experience some new directions of interaction and the mechanisms of cooperation of law-enforcement agencies and institutions of civil society were offered.

Key words: civil society, security in the society, security of the mankind, crime.

____

LOCAL HISTORY (TO AKSAKOV READING)

Rodnov Mikhail Igorevitch

Doctor of the historical sciences, the head of the department of history and historical culture of the Bashkir institute of history, language and literature of the Russian academy of science

The role of average and small business in bread trade of Ufa region in XIX-XX c.

Any medium and small entrepreneur is still 'terra incognita' of our historiography. Even in the regions modern researchers pay special attention to a large-scale business. The author gives the analysis of the role of a medium and small business in bread trading in Ufa province in XIX-XX c. He represents the route of Ufa bread, all commercial chain proving that medium and small entrepreneurs paid a great role in it.

Key words: bread trading, Ufa province, medium and small trading.

____

Vereschagin Alexsander Sergeevich

Doctor of historical sciences, the head of the department of history and culture of Ufa State Oil Technical University

Social and economic policy during the civil war (interpretations of home historiography)

In this article we can read about the latest tendencies in lightening social and economic aspects of studying Civil War in Russia. A great attention is paid to new approaches and structure of historical basis in the analysis of social and economic policy of opposing sides.

Key words: historiography, Civil War, structure of source basis.

RUSSIAN CIVILISATION

Kineva Svetlana Sergeevna

Postgraduate student of the chair of History and culturology of Ufa State Oil Technical University

Contents & Summaries 99

The transformation of the main ideas of the eurasiation (from the "classical interpretation" to the neweurasian one)

The article is concerned with the transformation of ideological and political nucleus of the "classical" eurasiation under the influence of political processes taking place in our country during the 20th century. A close interaction between public moods and reactualisation of particular Eurasian ideas in modern political space is shown.

Key words: eurasiation, ideological nucleus of a concept, Eurasian rhetoric, ideological foundation.

Timergalina Aleksandra Borisovna

Postgraduate student of the chair of Sociology, Political science and PR of Ufa State Oil Technical University

Social in the theory and practice of dissident movement

As a rule the accent in researches concerning dissident movement is made on the political component of their activity such as criticism of Soviet political regime, rights of political prisoners etc. However the protection of social and labor rights of Soviet people was also an important part of this movement. The activity of the Moscow Helsinki group, Free Trade Union and Free interprofessional union is examined, their attitudes about the protection of social rights of Soviet workers are analyzed, concrete human rights practice is considered in this article.

Key words: dissident, dissident movement, trade unions, human rights activists.

SCIENTIFIC LIFE

International scientific and practical conference "Creative education – the need of the modern labor market"

The cycle of trade unions' scientific and practical conferences

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

M.I. Rodnov. The Destiny of an Editor. Historic and documentary story. Ufa: "DisignPolygraphService" Ltd Publishing, 2009. 92p.

Внимание! Конкурс!

Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений объявляет конкурс на замещение вакантных должностей по кафедре:

«Бухгалтерский учет, анализ и аудит» – доктора наук, профессора (1); кандидата наук доцента (7); доцента (2); старшего преподавателя и ассистента (1).

«Финансы и кредит» – доктора наук, профессора (3); кандидата наук, доцента (8); кандидата наук, старшего преподавателя (1); доцента (1); старшего преподавателя и ассистента (4).

«Физическое воспитание» — кандидата наук, доцента (2); старшего преподавателя (1).

«Математика и информатика» – доктора наук, профессора (1); кандидата наук, доцента (6); кандидата наук, старшего преподавателя (1); старшего преподавателя и ассистента (1).

«Гражданское право и процесс» – доктора наук, профессора (5); кандидата наук, доцента (12); кандидата наук, старшего преподавателя (2); старшего преподавателя и ассистента (7).

«Уголовное право, процесс и криминалистика» – доктора наук, профессора (2); кандидата наук, доцента (7); старшего преподавателя и ассистента (3).

«История Отечества, философия и политология» — кандидата наук, профессора (1); кандидата наук, доцента (5).

«Менеджмент» – доктора наук, профессора (3); кандидата наук, доцента (4); старшего преподавателя и ассистента (4).

«Экономика» – доктора наук, профессора (2); кандидата наук, доцента (5); старшего преподавателя и ассистента (5).

«Основы профсоюзного движения» – доктора наук, профессора (1); кандидата наук, доцента (4).

«Иностранные языки» – доктора наук, профессора (1); кандидата наук, доцента (3); кандидата наук, старшего преподавателя (1); доцента (1); старшего преподавателя и ассистента (3).

Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений объявляет конкурс на замещение вакантных должностей заведующих кафедрами — докторов наук, профессоров или кандидатов наук, доцентов: «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»; «Экономика», «Финансы и кредит», «Иностранные языки», «История Отечества, философия и политология», «Гражданское право и процесс», «Менеджмент».

ABTOPAM 101

ABTOPAM

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью нашего издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискус-

сионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» предполагается публикация научных исследований по следующим направлениям:

- Общественные науки;
- Экономика;
- Юриспруденция.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать наш журнал ярким и интересным.

Стандарт представления статьи в журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)»

- 1. Материалы представляются в электронном и распечатанном (1 экз.) вариантах, которые должны быть идентичны (либо только в электронном варианте для тех, кто высылает статью по e-mail: vestnikBIST@mail.ru).
- 2. Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word, шрифт Times New Roman, 14 кегль, через 1 интервал, без переносов, выравнивание по ширине. Размер бумаги A4 (21 cm x 29,7 cm), ориентация книжная. Поля: верхнее 2,5 cm; нижнее 2 cm; левое 3 cm; правое 2 cm.
- 3. Абзацный отступ устанавливается автоматически (Формат $\rightarrow$ Абзац $\rightarrow$ Первая строка отступ 1 см.). Внимание! Не следует оформлять абзацный отступ с помощью многократных пробелов и табуляции.
- 4. Не используйте колонтитулы. Нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1— ой страницы.
- 5. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

- 6. Разделы и подразделы статьи нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную строку не выносятся.
- 7. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word (не отсканированные и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Форматирование номера таблицы и ее названия: шрифт обычный, размер 11 пт, выравнивание по центру. Обратите внимание, что в конце названия таблицы точка не ставится! Содержимое таблицы шрифт обычный, размер 11 пт, интервал одинарный.
- 8. Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Рисунки должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. Подпись под рисунком. Форматирование названия и номера рисунка шрифт обычный, размер 11 пт, выравнивание по центру, интервал одинарный.

Обратите внимание, что в конце названия рисунка точка не ставится!

- 9. Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте оформляются в квадратных с скобках [номер источника по списку, номера страниц], например, [1, с. 256].
- 10. Список литературы размещается в конце статьи. Размер шрифта 12 пт., форматирование выравниванием по ширине страницы, например: [1] *Аверьянов Л.Я.* Социология: что она знает и может. М., 1993. (Фамилия и инициалы автора/авторов (выделяется курсивом), название, выходные данные, включая название издательства).
- 11. По центру указываются сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы автора и занимаемая должность), например:

ШУЛУС Алексей Апполинарьевич

доктор экономических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук Российской Федерации и Российской академии социальных наук, ректор Академии труда и социальных отношений

- 12. Ниже, через 1 интервал, прописными буквами 14 кеглем полужирным выделяется название статьи на русском и английском языках. Выравнивание по центру. **Обратите внимание**, что в конце заголовка точка не ставится!
- 13. Через 1 интервал 12 кеглем курсивом приводится аннотация на русском и английском языках (по 500-700 знаков с пробелами). На следующей строке ключевые слова (5-7 единиц).
- 14. Файл сохраняется в формате doc. Название файла фамилия автора, например: Иванов.doc.
- 15. Объем материалов: максимальный объем статьи 15 полных страниц; минимальный 5 полных страниц.
- 16. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.
- 17. Для контакта с автором к статье прикладываются почтовый адрес, контактный телефон и адрес электронной почты.

«Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)». Серия «Общественные науки». 2009. № 1 (1).

Редакторы: А.К.Сулейманова, Н.Н. Черкесова

Компьютерная верстка: К.О.Борисов

Формат 60x84 / 8 Гарнитура Times Усл. печ. л. 13 Заказ 4. Тираж 1500 экз.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.